

Криминальная социология

Энрико Ферри

Criminal Sociology

Enrico Ferri



Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of Criminal Sociology

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Криминальная социология

Автор: Энрико Ферри

Дата выхода: 1 марта 1996 [eBook #477].

Последнее обновление: 1 апреля 2015 г.

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА КРИМИНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ***

<'>, <ae>, <!>, <:>, <^> Присутствуют кодировки "Larsen" eb-11.

"Подчеркнутый" *курсив* имеет * пометить комментарии в фигурных {скобках}

таблицы, требующие доработки (или, возможно, перепечатки) - <p 16>, <p 34>, <p 37>, <p 69> остальные также должны быть проверены.

сноски перенесены в конец абзаца и пронумерованы последовательно.

Отсканировано с помощью программного обеспечения OmniPage Professional OCR, предоставленного компанией Caere Corporation, 1-800-535-7226. Контакт с Майком Лафом <Mikel@caere.com>.

КРИМИНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЭНРИКО ФЕРРИ, ПРОФЕССОР УГОЛОВНОГО ПРАВА,
ДЕПУТАТ ИТАЛЬЯНСКОГО ПАРЛАМЕНТА И ДР.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Следующие страницы представляют собой перевод той части тома профессора Ферри по криминальной социологии, которая непосредственно касается практических проблем преступности. Отчет правительственного комитета, назначенного для изучения вопроса о лечении закоренелых пьяниц, отчет комитета по изучению наилучших способов выявления закоренелых преступников, пересмотр английских уголовных законов, Отчеты комитетов, назначенных для изучения вопросов управления тюрьмами и лучших методов работы с закоренелыми преступниками, бродягами, нищими, пьяницами и малолетними преступниками, - все это свидетельствует о том, что грозная проблема преступности снова выходит на передний план и требует пересмотра со стороны нынешнего поколения. Как отмечает профессор Ферри, реальные масштабы этого вопроса частично скрыты поверхностным толкованием, которое так часто накладывается на данные о преступности. Если случается, что население тюрем или пенитенциарных учреждений сокращается, это немедленно интерпретируется как означающее, что преступность < p v> < p vi>уменьшается. Однако достаточно беглого изучения фактов, чтобы понять, что сокращение числа заключенных - это всего лишь результат сокращения сроков заключения и замены тюремного заключения штрафами или другими подобными наказаниями. Если список преступлений, подлежащих рассмотрению судьей и присяжными, демонстрирует какие-либо симптомы сокращения, это обстоятельство немедленно используется как доказательство того, что количество преступников уменьшается, а между тем это сокращение может быть вызвано лишь тем, что большое количество дел, которые раньше рассматривались присяжными, теперь рассматриваются мировым судьей в упрощенном порядке. Другими словами, мы наблюдаем изменение судебной процедуры, но не обязательно снижение преступности. Опять же, когда указывается, что число лиц, привлеченных к суду за совершение уголовных преступлений в Англии и Уэльсе, составило 53 044 в 1874-8 годах и 56 472 в 1889-93 годах, мы не можем понять, какой цвет придают эти цифры утверждению о реальном и существенном снижении преступности. Рост преступности, правда, не успевает за ростом населения, но, как недавно заявил один выдающийся судья, это объясняется тем, что общество с каждым годом становится все более снисходительным и не желает привлекать к ответственности. Но рост снисходительности, каким бы прекрасным он ни был сам по себе, не следует отождествлять с уменьшением преступности. При изучении социальных явлений наша первостепенная обязанность - смотреть на факты, а не на видимость.

Но идет ли преступность в ногу с ростом населения или нет - это все равно проблема огромного масштаба, и она не будет решена, как указывает профессор Ферри, простым применением наказаний большей строгости и суровости. В этом вопросе он солидарен с шотландским ведомственным комитетом, назначенным для изучения лучших способов борьбы с закоренелыми преступниками, бродягами и несовершеннолетними. Что касается борьбы с бродяжничеством, то члены комитета единодушно считают, что "самые суровые постановления общего закона бесполезны, и что наилучшие результаты были достигнуты благодаря более мягким положениям более поздних законов". Они также говорят о "полной неадекватности нынешней системы во всем многообразии деталей, которые она предлагает, чтобы удержать закоренелого преступника от образа жизни, который возлагает расходы по его содержанию на тюрьму и богадельню, когда он не нападает непосредственно на общество". Комитет заявляет, что они получили показания большого числа свидетелей, поддерживающих мнение о том, что "длительные сроки тюремного заключения не приводят ни к чему хорошему", и они приходят к выводу, что удвоение нынешних сроков заключения не уменьшит число закоренелых преступников. В этом выводе они солидаризируются с

мнением Королевской комиссии по уголовному наказанию, которая согласилась с возражениями против системы отбывания наказания на том основании, что она "не только не исправляет преступников, но и в случае менее закоренелых преступников, особенно впервые совершивших преступление, оказывает ухудшающее воздействие". Аналогичное мнение было недавно высказано Комитетом по тюрьмам под председательством г-на Герберта Гладстона. Как только наказание достигает той точки, когда оно делает людей хуже, чем они были раньше, оно становится бесполезным инструментом исправления или социальной защиты.

Правильный метод достижения более или менее удовлетворительного решения проблемы преступности заключается в исследовании причин, порождающих преступное население, и в принятии мер, основанных на результатах такого исследования. Книга профессора Ферри посвящена именно этой цели. Первая глава, посвященная данным криминальной антропологии, представляет собой исследование индивидуальных условий, которые, как правило, порождают преступные привычки ума и действий. Вторая глава, посвященная данным уголовной статистики, представляет собой исследование неблагоприятных социальных условий, которые толкают определенные слои населения на преступление. Профессор Ферри утверждает, что объем преступности будет существенно снижен не за счет кодексов уголовного права, как бы искусно они ни были разработаны, а за счет улучшения неблагоприятных индивидуальных и социальных условий жизни общества в целом. Преступность - это продукт этих неблагоприятных условий, и единственный эффективный способ борьбы с ней - это максимально возможное устранение причин, которые ее порождают. Хотя уголовные кодексы могут сделать сравнительно немного для снижения уровня преступности, они абсолютно необходимы для защиты общества. Поэтому последняя глава, посвященная практическим реформам, призвана показать, как можно повысить эффективность уголовного права и тюремной администрации в целях социальной защиты.

W. D. M.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

СТРАНИЦА ДАННЫЕ КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ.1

Происхождение криминальной социологии, 1-Происхождение криминальной антропологии, 4-Методы криминальной антропологии, 4-Соотношение между криминальной антропологией и криминальной социологией, 5-Криминальная антропология изучает органическую и психическую конституцию преступника, 7-Череп и мозг преступника, 7-Криминальная физиогномика, 8-Физическая невосприимчивость преступников, 9-Криминальная наследственность, 9-Криминальная психология, 9-Моральная невосприимчивость преступников, 10-Преступный ум, 10. II. Данные криминальной антропологии относятся только к привычным или врожденным преступникам, 11-Случайные и привычные преступники, 11-Сравнение черепа преступника и не преступника, 12-Аномалии в черепе преступника, 12-Привычный преступник, 13-Преступления привычных преступников, 14-Преступный тип, присущий привычным преступникам, 18-Пропорция привычных преступников в преступном населении, 18-Формы привычной преступности, 19-Формы эпизодической преступности, 21-Классификация преступников, 23-Криминальные лунатики, 26-Моральная неменяемость, 26-Врожденные преступники, 28-Преступники по приобретенной привычке, 30-Преступность, 31-Природа преступности несовершеннолетних, 32-Рецидивные преступники, 35-Преступность и рецидив среди

преступников, 38-Преступники по страсти, 39-Окказиональные преступники, 41-Различия между

случайным и прирожденным преступником, 41-Криминальные типы переливаются друг в друга, 44-Численность нескольких классов преступников, 46-Ценность правильной классификации преступников, 47-Четырехчастная классификация, 48.

ГЛАВА II.

ДАННЫЕ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ. 51

Значение уголовной статистики, 51-Три фактора преступности, 52-Антропологические факторы, 53-Физические факторы, 53-Социальные факторы, 53-Преступность как продукт сложных условий, 54-Социальные условия не объясняют преступность, 55-Влияние температуры на преступность, 58-Преступность как результат биологических, так и социальных условий, 59-Меры, которые необходимо принимать против преступности, бывают двух видов: превентивные и ликвидационные, 61-Колебания преступности, вызванные главным образом социальными причинами, 61-Стабильность более тяжких форм преступлений, 63-Влияние судебной процедуры на уголовную статистику, 64-Преступления против личности высоки, когда преступления против собственности низки, 64-Растет ли преступность или снижается? 64-Официальный оптимизм в уголовной статистике, 67-Плотность населения и преступность, 73-Обстоятельства, от которых зависят колебания преступности, 77-Закон Кетеле о механической закономерности преступности, 80-Влияние среды на преступность, 81-Влияние наказания на преступность, 82-Ценность наказания переоценивается, 82-Статистические доказательства этого, 86-Биологические и социологические доказательства, 92-Преступность уменьшается благодаря предупреждению, а не репрессиям, 96-Законодатели и администраторы слишком полагаются на репрессии, 98-Основа веры в наказание, 99-Натуральное и законное наказание, 103-Дисциплина последствий, 104-Неопределенность законного наказания, 105-Нежелание преступников предвидеть, 105-Пенал не может изменить непобедимые тенденции, 106-Сила не является средством, 107-Негативное значение наказания, 109. II. Заменители наказания, 110-Устранение причин преступности, 113-Экономические средства борьбы с преступностью, 114-Пьянство и преступность, 116-Пьянство - следствие плохих социальных условий, 120-Налог на пьянство, 120-Законы против пьянства.

PAGE

121-Социальное оздоровление как замена уголовного закона, 121-Социальное законодательство и преступность, 122-Политическое оздоровление как профилактика преступности, 124-Децентрализация как профилактика, 126-Правовые и административные меры профилактики, 128-Общества помощи заключенным, 130-Образование и преступность, 130-Популярные развлечения и преступность, 131 - Физическое воспитание как средство борьбы с преступностью, 131 - Для снижения преступности необходимо устранить ее причины, 132 - Цель и сфера применения заменителей наказания, 134 - Трудности применения заменителей наказания, 137 - Разница между социальной и полицейской профилактикой, 139 - Ограниченная эффективность наказания, 140 - Краткие выводы, 141.

ГЛАВА III.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ.143

Уголовная социология и уголовное законодательство, 143-Классификация наказаний, 144-Реформа уголовного судопроизводства, 145-Два принципа судопроизводства, 147-Принципы, определяющие характер наказания, 147-Настоящие принципы уголовного судопроизводства как реакция против злоупотреблений сред<ями>. 147 - Презумпция невиновности, 148 - Вердикт "не доказано", 149 - Право на апелляцию, 151 - Повторное судебное разбирательство, 151 - Возмещение ущерба жертвам преступлений, 152 - Необходимость создания Министерства юстиции, 153 - Государственные и частные обвинители, 154 - Растущая тенденция к отказу от уголовных обвинений, 155-Тенденция к минимизации официальных доходов от преступлений, 156-Римское уголовное право, 156-Проверка судебных ошибок, 158-Возмещение ущерба лицам, ошибочно осужденным, 158-Предоставление средств для этой цели, 160-Возмещение ущерба лицам, ошибочно привлеченным к ответственности, 161-Многие уголовные преступления должны рассматриваться как гражданские правонарушения, 162-Цель уголовного процесса, 163. II. Преступление и преступник, 164 - Стадии уголовного процесса, 165 - Доказательства, 166 - Антропологические доказательства, 166 - Использование гипноза, 168 - Психологические и психопатологические доказательства, 168 - Доверие к свидетелям, 168 - Экспертные доказательства, 169 - Защитник бедных, 172 - Судья и его квалификация, 172 - Судьи по гражданским и уголовным делам <р хii> должны быть разными функционерами, 173 - студент права должен изучать преступников, 174 - подготовка полицейских и тюремных служащих, 174 - статус судьи по уголовным делам, 175 - власть судьи, 176. III. Присяжные, 177 - Происхождение присяжных, 178 - Преимущества присяжных, 179 - Недостатки присяжных, 180 - Присяжные как защита свободы, 182 - Присяжные и уголовное право, 184 - Присяжные необучены и безответственны, 186 - Числа, губительные для мудрости, 188 - Недостатки судей, 193 - Разница между английскими и континентальными присяжными, 194 - Социальная эволюция и присяжные, 196 - Присяжные по сравнению с избирателями, 197 - Как использовать присяжных, 198. IV. Существующие пенитенциарные системы, 201-Дефекты существующих пенитенциарных систем, 201-Злоупотребление короткими сроками заключения, 202-Рост рецидивизма, 203-Схема наказаний Гарофало, 204-Схема наказаний фон Листа, 206-Основа рациональной системы наказаний, 207-Неопределенное наказание, 207-Флоггинг, 210-Неопределенное наказание для закоренелых преступников, 211-Предложения Ван Хамеля по поводу наказаний, 212-Освобождение заключенных, приговоренных к неопределенному сроку, 213 - Надзор за наказанием, 213 - Условное освобождение, 215 - Проверка хорошего поведения в тюрьмах, 216 - Полицейский надзор, 216 - Возмещение ущерба жертвам преступлений, 217 - Обязанность государства по отношению к жертвам преступлений, 222 - Защитные меры должны быть приспособлены к различным классам преступников, 225 - Единообразие наказания, 225 - Тюремный персонал, 227 - Классификация заключенных, 227 - Тюремный труд, 228. V. Убежища для умалишенных, 230- Обращение с невменяемыми преступниками, 232-Преступление и безумие, 234-Классификация убежищ для умалишенных, 237-Обращение с прирожденными преступниками, 238-Смертная казнь, 239-Продление срока смертной казни, 243-Неадекватность смертной казни, 245-Пожизненное заключение, 246-Транспортировка, 248-Трудовые поселения, 249-Интернаты для закоренелых преступников, 250-Преступная наследственность, 251-Инкорректируемые преступники, 252 - Кумулятивные приговоры, 253 - Неисправимые или неисправимые преступники, 254 - Клеточные тюрьмы, 256 - Одинокое заключение, 257 - Прогрессивная система заключения, 257 - Вред клеточного заключения, 260 - Камера не обеспечивает разделения, 262 - Дороговизна клеточной системы, 263 - Труд

при клеточной системе, 264 - Работа на открытом воздухе лучше для заключенных, 265 - Лечение обычных преступников, 266 - Лечение случайных <p xiii> преступников, 267 - Обращение с молодыми преступниками, 268 - Бесполезность коротких сроков заключения, 268 - Заменители коротких сроков заключения, 269 - Обязательные работы без тюремного заключения, 271 - Условные сроки заключения, 271 - Условные сроки заключения в Бельгии, 273 - Условные сроки заключения в США, 275 - Возражения против условных сроков заключения, 276 - Когда условный срок заключения является законным, 282 - Обращение с преступниками в состоянии аффекта, 282 - Заключение, 284.

ВВЕДЕНИЕ.

ПОЗИТИВНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРАВА.

В течение последних двенадцати или четырнадцати лет Италия изливала поток новых идей по вопросу о преступлении и преступниках; и только недалекость ее врагов или тщеславие ее льстецов могут не признать в этом потоке нечто большее, чем результат индивидуальных трудов.

Новое открытие в науке - это простое явление природы, определяемое в своем происхождении и развитии, как и все подобные явления, условиями времени и места. На эти условия следует обратить внимание с самого начала, ибо только точное их определение позволяет развить и утвердить научное сознание студента-социолога.

Экспериментальная философия второй половины нашего века в сочетании с биологией и психологией человека, а также с естественным изучением человеческого общества уже создала интеллектуальную атмосферу, явно благоприятствующую практическому исследованию преступных проявлений индивидуальной и социальной жизни <p xv> <p xvi>.

К этим общим условиям следует добавить очевидный и повседневный контраст между метафизическим совершенством уголовного права и прогрессирующим ростом преступности, а также контраст между юридическими теориями преступлений и изучением психических особенностей большого числа преступников.

С этого момента не могло быть ничего более естественного, чем возникновение новой школы, целью которой было экспериментальное изучение социальной патологии в отношении ее криминальных симптомов, чтобы привести теории преступления и наказания в соответствие с повседневными фактами. Это позитивная школа уголовного права, основной целью которой является изучение естественного генезиса преступности в самом преступнике, а также в физических и социальных условиях его жизни, чтобы применить наиболее эффективные средства для устранения различных причин преступности.

Таким образом, мы занимаемся не просто построением теории антропологии или психологии, или системы уголовной статистики, и не просто противопоставлением абстрактных правовых теорий другим, еще более абстрактным теориям. Наша задача - показать, что в основе любой теории, касающейся самозащиты общества от злодеев, должно лежать наблюдение за индивидом и обществом в их преступной деятельности. Одним словом, наша задача - построить криминальную социологию.

Ибо, как мне кажется, все, что может сделать общая социология, - это предоставить более обычные и универсальные выводы, касающиеся жизни сообществ; и на этой канве несколько наук социологии разграничиваются путем специализированного наблюдения каждого <p xvii>отдельного порядка социальных фактов. Таким образом, мы можем построить политическую социологию, экономическую социологию, юридическую

социологию, изучая специальные законы нормальной или социальной деятельности среди людей, после предварительного изучения более общих законов индивидуального и коллективного существования. И таким образом мы можем построить криминальную социологию, изучая с такой целью и с помощью такого метода ненормальные и антисоциальные действия людей - или, другими словами, изучая преступление и преступников.

Ни римляне, великие творцы гражданского права, ни практичные духи Средневековья не смогли создать философскую систему уголовного права. Именно Беккариа, находившийся под влиянием скорее чувств, чем научной точности, придал огромный импульс учению о преступлениях и наказаниях, обобщив идеи и настроения своей эпохи.[1] Из различных зародышей, содержащихся в его щедрой инициативе, развилась, к его заслугам, классическая школа уголовного права.

[1] Дежарден в предисловии к своей работе "Каэры государственных органов 1789 года и уголовное законодательство", Париж, 1883, дает хорошее описание состояния общественного мнения в ту эпоху. Он также рассказывает об обвинениях, которые выдвигались против сторонников новых доктрин о преступности, - о том, что они нарушают моральный и социальный порядок вещей. Сегодня те же самые защитники выдвигают обвинения против экспериментальной школы; ведь вчерашний революционер очень часто становится сегодняшним консерватором.

У этой школы была и остается практическая цель, а именно: уменьшить все наказания и отменить некоторые из них, как великодушная реакция человечества против произвольной суровости средневековья. Кроме того, у нее был и остается свой метод, <р xviii> а именно изучение преступления с его первых принципов, как абстрактной сущности, зависящей от закона.

Со времен Беккариа то тут, то там проявлялось другое течение теории. Так, существует исправительная школа, которую не так давно особо выделил Редер. Но хотя она процветала в Германии, меньше в Италии и Франции и несколько больше в Испании, она не могла долго существовать как самостоятельная школа, так как ее слишком легко опровергала тесная последовательность неумолимых фактов. Более того, она не могла сделать ничего большего, чем противопоставить несколько гуманитарных аргументов по перевоспитанию преступников традиционным аргументам теорий юриспруденции, абсолютной и относительной справедливости, запугивания, полезности и т. п.

Несомненно, принцип, согласно которому наказание должно оказывать исправительное воздействие на преступника, сохранился в качестве рудиментарного органа почти во всех школах, занимающихся проблемами преступности. Но это лишь вторичный принцип, как бы косвенный объект наказания; кроме того, наблюдения антропологии, психологии и уголовной статистики окончательно избавились от него, установив тот факт, что при любой системе наказания, с самыми суровыми или самыми снисходительными методами, всегда существуют определенные типы преступников, представляющие собой большое количество индивидов, в отношении которых исправление просто невозможно или очень скоротечно, в силу их органического и морального вырождения. Нельзя также забывать, что, поскольку естественные корни преступности проистекают не только из индивидуального организма, но и, в значительной степени, из его физической и социальной среды, <р xix>исправление личности недостаточно для предотвращения рецидивов, если мы также, в меру наших возможностей, не реформируем социальную среду. Полезность и обязанность реформации не менее сохранилась, даже для позитивной школы, когда это возможно, и для

определенных классов преступников; но как фундаментальный принцип научной теории она ушла в прошлое.

Итак, до сих пор классическая школа стоит особняком, с различными оттенками мнений, но единая и четкая как метод и как совокупность принципов и следствий. И если в новейших уголовных кодексах она достигла своей цели, значительно и слишком часто чрезмерно смягчив наказания, то в отношении теории в Италии, Германии и Франции она увенчала свою работу рядом шедевров, среди которых я упомяну лишь "Программу уголовного права" Каррара. Как рассказывает автор в одном из своих более поздних изданий, из *априорного* принципа, что "преступление - это факт, зависящий от закона, нарушение, а не действие", он вывел - и то лишь силой восхитительной логики - полную симметричную схему юридических и абстрактных последствий, в которой судьи вынуждены, нравится им это или нет, определять положение каждого преступника, который предстает перед ними.

Но теперь классическая школа, возникшая на основе чудесной работы Беккариа, завершила свой исторический цикл. Она дала все, что могла, и писатели сегодняшнего дня, которые все еще держатся за нее, могут лишь переработать старый материал. Самые молодые из них, правда, обречены на некое византийское обсуждение <р хх>схоластических формул</р хх> и на бесплодный процесс научного обдумывания.

А тем временем за пределами наших университетов и академий преступность продолжает расти, и применяемые до сих пор наказания, хотя они не могут ни защитить, ни возместить ущерб честным людям, успешно развращают и унижают злодеев. И пока наши трактаты и кодексы (которые слишком часто являются просто трактатами, разбитыми на сегменты) теряются в тумане своих юридических абстракций, мы с каждым днем все сильнее ощущаем в полицейских судах и на присяжных необходимость биологических и социологических исследований преступности и преступников, которые, будучи логически направленными, могут как ничто другое пролить свет на управление уголовным правом.

ГЛАВА I.

ДАННЫЕ КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ.

Экспериментальная школа криминальной социологии получила свое первоначальное название от исследований в области антропологии; ее до сих пор принято считать не более чем "школой криминальной антропологии". И хотя это название уже не соответствует развитию школы, которая также учитывает и исследует данные психологии, статистики и социологии, тем не менее верно, что наиболее характерный импульс новому научному движению был придан именно антропологическими исследованиями. Это было особенно заметно, когда Ломброзо, придав научную форму разрозненным и фрагментарным наблюдениям над преступниками, вдохнул в них новую жизнь, собрав воедино не только оригинальные, но и руководствующиеся определенной идеей исследования, и основал новую науку - криминальную антропологию.

Конечно, можно обнаружить очень раннее происхождение криминальной антропологии, как и общей антропологии; ведь, как сказал Паскаль, человек всегда был самым замечательным объектом изучения для самого себя. За наблюдениями над физиогномикой в частности мы можем обратиться к Платону и его сравнениям человеческого лица и характера с лицами животных, или даже к Аристотелю, который еще раньше заметил физическое и психологическое соответствие между страстями людей и их выражением лица. И после средневековых изысканий в области хиромантии, метоскопии, подомантии и т.д., мы приходим к исследованиям в области физиогномики, проведенным в XVII веке иезуитом

Никеем, Кортесом, Карданусом, Де ла Шамбром, Делла Порта и др, которые были предшественниками Галля, Шпурцгейма и Лаватера, с одной стороны, и, с другой, современного научного изучения эмоций с их выражением в лице и жестах, проводимого Кампером, Беллом, Энгелем, Берджессом, Дюшеном, Гратиолет, Пидеритом, Мантегацца, Шаффаузенем, Шаком, Хайментом, и, прежде всего, Дарвином.

Что касается специального наблюдения за преступниками, то, помимо ограниченных заявлений старых физиогномистов и френологов, Лавернь (1841) во Франции и Аттомир (1842) в Германии точно применили теории Галля к обследованию осужденных; и их работы, несмотря на некоторые преувеличения френологии, до сих пор являются ценной сокровищницей наблюдений в антропологии. В Италии Де Роландис (1835) опубликовал свои наблюдения над умершим преступником; в Америке Сэмпсон (1846) проследил связь между преступностью и мозговой организацией; в Германии Кампер (1854) опубликовал исследование физиогномики убийц; а Аве Лаллеман (1858-62) выпустил длинный труд о преступниках с психологической точки зрения.

Но наука криминальной антропологии, более строго говоря, начинается только с наблюдений английских тюремных хирургов и других ученых, таких как Форбс Уинслоу (1854), Мэйхью (1860), Томсон (1870), Уилсон (1870), Никольсон (1872), Модсли (1873), и с весьма примечательной работы Деспина (1868), которая действительно дала толчок исследованиям Томсона и которая, несмотря на отсутствие синтетической обработки и систематического единства, все еще, в сочетании с работой Аве Лаллемана, является самым важным исследованием в психологической области до работ Ломброзо.

Тем не менее, только с первым изданием книги "Преступник" (1876) криминальная антропология заявила о себе как самостоятельная наука, отличная от основного ствола общей антропологии, которая сама возникла совсем недавно, с появлением работ Дабентона, Блюменбаха, Зуммеринга, Кампера, Уайта и Причарда.

Работа Ломброзо имела два изначальных недостатка: ошибка в том, что он придал чрезмерное значение, во всяком случае, очевидно, данным краниологии и антропометрии, а не психологии; и, во-вторых, то, что в первых двух изданиях все преступники были смешаны в один класс. В последующих изданиях эти недостатки были устранены, Ломброзо принял замечание, которое я сделал в первую очередь, относительно различных антропологических категорий преступников. Это не мешает некоторым критикам криминальной антропологии со странным однообразием повторять почтенные возражения о "невозможности отличить преступника от честного человека по форме его черепа" или о "измерении человеческой ответственности в соответствии с различными краниологическими типами"[2].

[2] Том ii. четвертого издания "Преступника" (1889) специально посвящен эпилептикам и идиотам (алкоголизм, истерия, маттоидизм), как случайным, так и подверженным насильственным импульсам; в то время как том i. касается только врожденной преступности и моральной неменяемости.

Но эти оригинальные недостатки ни в коей мере не заслоняют двух следующих примечательных фактов: что в течение нескольких лет после публикации "Преступника" в Италии и других странах была издана целая библиотека исследований по криминальной антропологии и что была создана новая школа, имеющая свой собственный метод и научные разработки, которые больше не следует искать в классической школе уголовного права.

I.

Что же такое криминальная антропология? И какова природа ее фундаментальных данных, которые приводят нас к общим выводам уголовной социологии?

Если общая антропология, по определению М. де Кватрефажа, является естественной историей человека, как зоология - естественной историей животных, то криминальная антропология - это всего лишь изучение одной разновидности человечества. Другими словами, это естественная история преступного человека.

Криминальная антропология изучает преступника в его органической и психической конституции, а также в его жизни, связанной с его физическим и социальным окружением - точно так же, как антропология изучает человека в целом и различные расы человечества. Поэтому, как уже говорилось, в то время как классические наблюдатели преступности изучают <р 5>различные преступления в их абстрактном характере, исходя из предположения, что преступник, за исключением отдельных случаев, которые очевидны и заметны, является человеком обычного типа, при нормальных условиях интеллекта и чувств, антропологические наблюдатели преступности, напротив, изучают преступника прежде всего путем непосредственных наблюдений, в анатомических и физиологических лабораториях, в тюрьмах и сумасшедших домах, органически и физически, сравнивая его с типичными характеристиками нормального человека, а также с характеристиками сумасшедших и дегенератов.

Прежде чем перечислить общие данные криминальной антропологии, необходимо сделать особый акцент на замечании, которое я сделал в первоначальном издании этой работы, но которое наши оппоненты слишком часто игнорируют.

Мы должны тщательно различать техническую ценность антропологических данных о преступном человеке и их научную функцию в криминальной социологии.

Для студента криминальной антропологии, который строит естественную историю преступника, каждая характеристика имеет анатомическую, или физиологическую, или психологическую ценность сама по себе, помимо социологических выводов, которые можно из нее сделать. Техническое исследование этих биопсихических характеристик является специальной работой этой новой науки - криминальной антропологии.

Теперь эти данные, которые являются выводами антрополога, являются лишь отправной точкой для криминального социолога, от которой он должен прийти к своим юридическим и социальным выводам. Криминальная антропология является для криминальной социологии в ее научной функции тем же, чем биологические науки в описании и экспериментировании являются для клинической практики.

Другими словами, криминальный социолог не обязан самостоятельно проводить исследования в области криминальной антропологии, так же как клинический врач не обязан быть физиологом или анатомом. Несомненно, непосредственное наблюдение за преступниками - очень полезное исследование, даже для криминального социолога; но единственная обязанность последнего - основывать свои юридические и социальные выводы на позитивных данных криминальной антропологии о биологических аспектах преступности и на статистических данных о влиянии физической и социальной среды, а не довольствоваться лишь абстрактными юридическими силлогизмами.

С другой стороны, очевидно, что различные вопросы, которые имеют прямое отношение к криминальной антропологии - например, в отношении некоторых биологических

характеристик или их эволюционного значения - не имеют непосредственной обязанности или ценности для криминальной социологии, которая использует только фундаментальные и наиболее неоспоримые данные криминальной антропологии. Так что это всего лишь неуклюжий способ постановки вопроса, чтобы спросить, как это слишком часто спрашивают: "Какая связь может быть между цефалическим индексом, или поперечным измерением челюсти убийцы, и его ответственностью за преступление, которое он совершил? Научная функция антропологических данных - совсем другое дело, и единственный законный вопрос, который социология может поставить перед антропологией, звучит так: "Является ли преступник и в каких отношениях он нормальный < p 7>или ненормальный человек? И если он нормальный, или если он ненормальный, то откуда берется эта ненормальность? Является ли она врожденной или приобретенной, способной или неспособной к исправлению?

Это все; и все же этого достаточно, чтобы изучающий преступность мог прийти к позитивным выводам относительно мер, которые общество может принять для защиты от преступности; в то время как он может сделать другие выводы из уголовной статистики.

Что касается основных данных, установленных до сих пор криминальной антропологией, то, хотя мы должны отсылать читателя за подробной информацией к работам специалистов, мы можем повторить, что эта новая наука изучает преступника в его органической и психической конституции, поскольку это два неразрывных аспекта человеческого существования.

Естественно, что начало было положено с органического изучения преступника, как анатомического, так и физиологического, поскольку мы должны изучать орган прежде функции, а физическое - прежде морального. Это, однако, породило множество заблуждений и односторонней критики, которая до сих пор не прекратилась; ведь криминальная антропология обвиняется теми, кто рассматривает только наиболее заметные данные, в том, что преступление сводится к простому результату конформации черепа или извилин мозга. Дело в том, что чисто морфологические наблюдения являются лишь предварительными шагами к гистологическому и физиологическому изучению мозга и всего организма в целом.

Что касается краниологии, особенно в отношении двух отдельных и характерных типов преступников - убийц и воров, то здесь отмечается неоспоримая неполноценность формы головы по сравнению с нормальными людьми, а также большая частота наследственных и патологических отклонений от нормального типа. Точно так же исследование мозга преступников, хотя и выявляет у них неполноценность формы и гистологического типа, в подавляющем большинстве случаев дает признаки заболеваний, которые часто оставались незамеченными при их жизни. Так, М. Далли, который на протяжении двадцати лет проявлял исключительную проницательность в проблемах такого рода, заявил, что "все преступники, подвергшиеся вскрытию (после казни), дали признаки поражения головного мозга"[3].

[3] В дискуссии в Медико-психологическом обществе Парижа; ``Труды`` за 1881 год, i. 93, 266, 280, 483.

Наблюдения за физиономией преступников, которые никто не будет недооценивать, кто изучал преступников в течение жизни, обладая достаточными знаниями, а также другие физические исследования, внешние и внутренние, показали существование замечательных типов, от более частых татуированных людей до исключительно ненормальных состояний каркаса и органов, начиная с рождения, вместе со многими формами зараженных болезней.

Наконец, физиологические исследования рефлекторного действия организма, особенно общей и специфической чувствительности, чувствительности к боли и рефлекторного действия под воздействием внешних факторов, проведенные с помощью приборов, регистрирующих результаты, показали аномальные состояния, все склоняющиеся к физической нечувствительности, глубоко укоренившейся и <р 9>более или менее абсолютной, но неоспоримо отличающейся от той, которая наблюдается среди обычных мужчин тех же социальных классов.

Это органические условия, следует сразу же подтвердить, которые как ничто другое объясняют неоспоримый факт наследственной передачи склонности к преступлению, а также предрасположенности к безумию, самоубийству и другим формам дегенерации.

Второй раздел криминальной антропологии, который, безусловно, является более важным и оказывает более непосредственное влияние на криминальную социологию, - это психологическое изучение преступника. Признание его большей важности не мешает нашим критикам концентрировать свои атаки на органической характеристике преступников, забывая о психологической характеристике, которая даже в книге Ломброзо занимает большую часть текста[4].

[4] Недавним примером такого увлечения односторонней, а потому неэффективной критикой является работа Колаянни "Социализм и криминальная социология", Катания, 1889. В первом томе, посвященном криминальной антропологии, из четырехсот страниц аргументированной критики (что не мешает автору принимать наши самые фундаментальные выводы об антропологической классификации преступников и о преступности, как явлениях психического атавизма), только шесть страниц, 227-232, отведены критике психологических типов.

Криминальная психология представляет нам характеристики, которые можно назвать специально описательными, такие как сленг, почерк, тайные символы, литература и искусство преступника; а с другой стороны, она делает известными характеристики, которые в сочетании с органическими аномалиями объясняют развитие преступности в индивидууме. И эти характеристики группируются <р 10>в двух психических и фундаментальных отклонениях, а именно: моральная невосприимчивость и отсутствие предвидения.

Нравственная невосприимчивость, которая, несомненно, является скорее врожденной, чем приобретенной, бывает полной или частичной и проявляется у преступников, наносящих телесные повреждения, так же как и у других, с различными симптомами, которые я уже описывал в других статьях, и которые в конечном итоге сводятся к этим условиям нравственного чувства у большого числа преступников - отсутствие отвращения к идее и исполнению преступления до его совершения и отсутствие раскаяния после его совершения.

Вне этих условий нравственного чувства, которое не является особым чувством, а выражает всю нравственную конституцию человека, как темперамент - его физиологическую конституцию, другие чувства, эгоистичные или даже бескорыстные, не отсутствуют у большинства преступников. Отсюда возникает множество иллюзий у поверхностных наблюдателей преступной жизни. Но эти последние чувства либо чрезмерны, как ненависть, скупость, тщеславие и т. п., и тем самым являются стимуляторами преступлений, либо, как в случае с религией, любовью, честью, верностью и т. п., они перестают быть силами, противодействующими преступлению, поскольку не имеют под собой основы в нормальном нравственном чувстве.

Из этой фундаментальной неполноценности чувств вытекает неполноценность интеллекта, которая, однако, не исключает некоторых форм хитрости, хотя и ведет к неспособности предвидеть последствия преступления, значительно превышающей ту, что наблюдается у средних членов тех классов общества, к которым принадлежат те или иные преступники <р 11>.

Таким образом, психология преступника сводится к недостаточной сопротивляемости преступным наклонностям и соблазнам, обусловленной той неуравновешенной импульсивностью, которая присуща детям и дикарям.

II.

Изучая труды по криминальной антропологии, но особенно непосредственно и постоянно наблюдая с физиологической или психологической точки зрения за большим количеством преступников, как сумасшедших, так и с нормальным интеллектом, я давно убедился, что данные криминальной антропологии не вполне применимы, в их полной и существенной форме, ко всем, кто совершает преступления. Они должны быть ограничены определенным числом людей, которых можно назвать врожденными, неисправимыми и привычными преступниками. Но кроме них существует класс случайных преступников, которые не проявляют или проявляют в меньшей степени анатомические, физиологические и психологические характеристики, составляющие тип, описанный Ломброзо как "преступный человек".

Прежде чем продолжить определение этих двух основных классов преступников в их естественной и описательной характеристике, я должен добавить позитивную демонстрацию, которая может быть подтверждена в двух различных формах - (1) результатами антропологического наблюдения за преступниками и (2) статистикой рецидивов и проявлений преступности, которые антропологи до сих пор в основном изучали.

Что касается органических аномалий, то, поскольку я не могу здесь подробно рассматривать весь этот вопрос, я просто воспроизведу результаты моего исследования убийств для одной категории этих аномалий, которые при методичном наблюдении за каждым классом преступников станут более глубокими и точными, как уже показал Ломброзо (см. четвертое издание его работы, 1889, стр. 273).

Убийства Приговоренные К наказанию К тюремному заключению Солдаты кабала

Лица, у которых я обнаружил (346) (363) (711)
Нет аномалий в черепе 11,9 п. с. 8,2 п. с. 37,2 п. с.
Одна или две аномалии 47,2 " 56,6 " 51,8 "
Три или четыре аномалии 30,9 " 32,6 " 11 "
Пять или шесть аномалий 6,7 " 2,3 " 0 "
Семь и более аномалий .3 " .3 " 0 "

Иными словами, мужчин с нормальным черепом было в три раза больше среди солдат, чем среди преступников; мужчин с заметным количеством аномалий, встречающихся вместе (три или четыре), было в три раза больше среди преступников, чем среди солдат; и не было ни одного солдата среди тех, кто показал бы чрезвычайное количество (пять или более).

Это доказывает не только большую частоту аномальных черепов (то же самое относится к физиогномическим, физиологическим и психологическим аномалиям) среди преступников, но и то, что среди этих преступников от пятидесяти до шестидесяти процентов показывают очень мало аномалий, в то время как примерно одна треть от общего числа представляет удивительное сочетание, а одна десятая часть является нормальной в этом отношении <р 13>.

Среди статистических данных, демонстрирующих первичные характеристики большинства преступников, особенно выделяются данные, связанные с рецидивистами. Хотя рецидивы, как и первые преступления, частично обусловлены социальными условиями, они также имеют явную биологическую причину, поскольку в рамках одной и той же пенитенциарной системы среди освобожденных заключенных есть те, кто рецидивировал, и те, кто не рецидивировал.

Статистику рецидивов, к сожалению, очень трудно собрать из-за различий в законодательстве разных стран и в составлении протоколов, которые, даже при более общем принятии антропометрической идентификации, редко удается предотвратить использование новых имен профессиональными преступниками. Так что мы все еще можем сказать, говоря словами одного очень хорошего судьи в этом вопросе, М. Иверна, не только то, что "Тюремный конгресс в Лондоне (1872) был вынужден оставить различные проблемы нерешенными из-за отсутствия документальных доказательств, и особенно вопрос о рецидивистах", но и то, что по сей день (1879) "мы находим различные результаты в разных странах, точное значение которых не очевидно".

Я, однако, опубликовал очерк о международной статистике рецидивов преступлений, из которого сделал следующий общий вывод: даже в тюремной статистике, которая часто дает большее количество рецидивов, чем судебная статистика, поскольку она более индивидуальна и, следовательно, менее неопределенна, мы никогда не получаем полного числа рецидивов, хотя приведенные цифры варьируются от страны к стране, от округа к округу и от тюрьмы к тюрьме. Невозможно точно сказать, какова пропорция между приведенными цифрами и реальным числом; но я с полным основанием могу утверждать, основываясь на всех материалах, которые я собрал и сравнил в вышеупомянутом очерке, что число рецидивов в Европе обычно составляет от 50 до 60 процентов, и, конечно, скорее выше, чем ниже этого предела. В то время как итальянская статистика, например, дает 14 процентов рецидивов среди заключенных, приговоренных к каторге, я опытным путем обнаружил 37 процентов из 346 человек, признавших мне в рецидиве; а среди тех, кто был приговорен к простому тюремному заключению, я обнаружил 60 процентов из 363 человек, вместо 33 процентов, зафиксированных в тюремной статистике. Возможно, эта разница объясняется особыми условиями тюрем, которые я посетил; но в любом случае она подтверждает неадекватность официальных цифр, касающихся рецидивов.

После этого изложения общего факта, доказывающего, как говорили Ломброзо и Эспинас, что "рецидивист - это скорее правило, чем исключение", мы можем перейти к изложению особых пропорций рецидива для каждого конкретного преступления, чтобы получить представление о формах преступлений, к которым чаще всего прибегают закоренелые преступники.

В Италии я обнаружил, что самый высокий процент рецидива имеют лица, осужденные за кражи и мелкие хищения, подлог, изнасилование, непредумышленное убийство, сговор, а в исправительных судах - за бродяжничество и нищенство. Самый низкий процент - среди

осужденных за нападения и нанесение телесных повреждений, убийства и детоубийства <р 15>.

Для Франции, где юридическая статистика замечательно приспособлена для самых подробных исследований, я составил следующую таблицу статистических данных из списков лиц, осужденных в судах присяжных и исправительных трибуналах, взяв среднее значение за 1877-81 годы, на которое не оказывают заметного влияния результаты последующих лет.

Видно, что средний показатель рецидивов преступлений против личности выше, чем средний показатель по наиболее тяжким делам об убийствах и развратных действиях, которые явно являются следствием наиболее антисоциальных тенденций (таких как отцеубийство, убийство, изнасилование, нанесение телесных повреждений родителям и т.д.). Таким образом, убийства и смертельные ранения, хотя рецидивы в этих случаях очень часты, все же демонстрируют менее ненормальный и более случайный характер, занимая более низкое место в таблице, как это видно на примере случаев детоубийства, сокрытия рождения и отказа от младенцев. Что касается очень частых случаев рецидива в особых преступлениях, таких как нападения на чиновников и сопротивление власти, которые редко попадают в суды присяжных - хотя даже там они имеют тенденцию поддерживать более высокие показатели в трибуналах - это преступления, которые также могут быть совершены преступниками всех видов, и которые, кроме того, в некоторой степени зависят от социального фактора организации полиции, а часто и от психопатологического состояния конкретных людей.

Обращает на себя внимание несколько редкое возникновение рецидива в таком тяжком виде убийства, как отравление. Но это лишь следствие особой психологии этих преступников, как я уже объяснял в другом месте.

{Таблица, напечатанная в режиме ``ландшафт'', не была обработана OCR}.
ФРАНЦИЯ - СЛУЧАИ РЕЦИДИВА, 1877-81 ГГ.

<р 17>

Среди преступлений против собственности наиболее частые рецидивы наблюдаются в случае воров (не считая краж и злоупотреблений доверием домашней прислуги, которые, таким образом, доказывая свой более случайный характер, подтверждают согласие статистики с криминальной психологией). То же самое наблюдается в отношении поддельщиков коммерческих документов и мошенников-банкротов, которые частично втягиваются в преступление под влиянием личных или общих кризисов. А редкость рецидивов среди почтовых служащих, осужденных за растрату, и среди таможенников, виновных в контрабанде, является лишь дополнительным подтверждением того, что к преступлению их побуждают не личные склонности, а встречающиеся в каждом конкретном случае возможности.

Среди мелких правонарушений, помимо уклонения от надзора, которое является не более чем законным условием, как во Франции, так и в Италии, очень часты случаи рецидива среди бродяг и нищих, что является следствием социальной среды, а также слабой организации индивидов. Другие рецидивы, превышающие средний уровень, включенные в число этих преступлений, представляют собой своего рода аксессуарную преступность, существующую бок о бок с привычной преступностью воров, убийц и т. п., например, пьянство, нападения на государственных служащих, нарушение правил проживания и т. д.

В кражах и сопротивлении властям рецидив здесь встречается реже, чем в судах присяжных, поскольку в большинстве этих мелких преступлений, в их общих формах, присутствует большее количество эпизодических преступлений, как и в случае с банкротствами, клеветой, злоупотреблением, сельскими правонарушениями и т. д., которые демонстрируют свой более эпизодический характер своими очень низкими цифрами.

Таким образом, статистика общих и специфических рецидивов косвенно подтверждает тот факт, что преступники в целом не имеют единого антропологического типа, а биопсихические типы и аномалии в большей степени относятся к категории закоренелых преступников и тех, кто родился в преступном классе, которые, в конце концов, являются единственными, кого до сих пор изучали криминальные антропологи.

Каково же численное соотношение привычных преступников к общему числу преступников?

За неимением прямого исследования эту пропорцию можно узнать косвенно, из фактов двух видов. Во-первых, изучение работ по криминальной антропологии дает нам приблизительную цифру, поскольку биологические характеристики, объединенные в индивидах в количестве, достаточном для создания преступного типа, встречаются в сорока-пятидесяти процентах от общего числа.

И этот вывод может быть подтвержден другими данными уголовной статистики.

В то время как статистика рецидивов дает нам очень ограниченное число преступлений и правонарушений, совершенных прирожденными и закоренелыми преступниками, наука и уголовное законодательство дают нам гораздо более обширную классификацию.

Эллери насчитал в уголовном кодексе Германской империи 203 преступления и правонарушения; я нахожу, что итальянский кодекс 1859 года перечисляет около 180, новый кодекс - около 200, а французский уголовный кодекс - около 150. Таким образом, вид преступлений закоренелых преступников составляет лишь десятую часть полной юридической классификации преступлений и правонарушений.

Легко предположить, что прирожденные и закоренелые преступники обычно не совершают ни политических преступлений и правонарушений, ни преступлений, связанных с прессой, ни преступлений против свободы вероисповедания, ни коррупции государственных служащих, ни злоупотребления титулом или властью; ни клеветы, ни составления ложных свидетельств или ложных отчетов; ни прелюбодеяния, ни кровосмешения, ни похищения несовершеннолетних; ни детоубийства, ни аборт, ни подкидывания детей; ни разглашения профессиональных тайн; ни преступлений, связанных с банкротством, ни порчи имущества, ни нарушения прав собственности, ни незаконных арестов, ни дуэлей, ни клеветы, ни оскорблений. Я говорю "в целом", потому что, как есть преступники, совершающие преступления, характерные для привычной преступности, такие как убийства, грабежи, изнасилования и т. д., так есть и прирожденные преступники, которые иногда совершают преступления вне своего обычного курса.

Теперь необходимо добавить несколько статистических данных в отношении классификации преступлений, которые я, как и другие, беру из уже упомянутого очерка.

ИТАЛИЯ. ФРАНЦИЯ. БЕЛЬГИЯ.

ХАБИТУАЛЬНАЯ КРИМИНАЛЬНОСТЬ (убийство, кража, сговор, изнасилование, поджог, бродяжничество, мошенничество, А* В* С* А* В* С* А* В* С* р.с. р.с. р.с. р.с. р.с. р.с. р.с. р.с.)

р.с. Доля лиц, осужденных за эти преступления и правонарушения, в общем числе осужденных . . . 84 32 38 90 34 35 86 30 30

{* ПРИМЕЧАНИЕ: А В и С выше - это `ассизы`, `трибуналы` и `общие итоги`, соответственно. Они напечатаны в книге в стиле ``ландшафт``}.

<р 20>

Иными словами, привычная преступность будет представлена в Италии примерно 40 процентами от общего числа осужденных, а во Франции и Бельгии - несколько меньше. В Бельгии это объясняется исключением бродяжничества, но разница практически объясняется большей частотой совершения в Италии некоторых преступлений, таких как убийства, грабежи с применением насилия и заговоры.

Кроме того, очевидно, что во всех этих странах виды привычной преступности, за исключением краж и бродяжничества, составляют большую долю в присяжных, в силу их серьезного характера.

Однако фактическое количество преступлений в трибуналах больше, поскольку, как в масштабах животного мира наибольшая плодовитость принадлежит низшим и мелким формам, так и в уголовном масштабе менее серьезные преступления (такие как простые кражи, мошенничество, бродяжничество и т.д.) являются более многочисленными. Так, из 38 процентов в Италии 32 относятся к трибуналам и 6 к присяжным; из 35 процентов во Франции 33 относятся к трибуналам и 2 к присяжным; а из 30 процентов в Бельгии 29 относятся к трибуналам и 1 к присяжным. Это также частично объясняется законодательными различиями в отношении соответствующей юрисдикции этих судов.

Что касается конкретных итогов, то выясняется, что кражи являются наиболее многочисленными видами в Италии (20 процентов), во Франции (24 процента), в Бельгии (23 процента) и в Пруссии (37 процентов, включая злоупотребления доверием)[5].

[5] Starke, ``Verbrechen und Verbrecher in Preussen,`` Berlin, 1884, p. 92.

<р 21>

После краж наиболее многочисленными в Италии являются бродяжничество (5 %), убийства (4 %), мошенничество (3 %), подлог (,9 %), изнасилование (,4 %), заговор (,4 %) и поджог (,2 %).

Во Франции и Бельгии мы видим одинаковую относительную частоту бродяжничества и мошенничества; но убийства, поджоги и заговоры встречаются реже, в то время как изнасилования более распространены во Франции (,5 %) и в Бельгии (1 %).

Итак, таковы наиболее частые формы привычной преступности в общей массе осужденных; теперь будет полезно сравнить более частые формы эпизодической преступности. Для Италии единственной судебной статистикой, представляющей ценность для детального изучения, являются данные за 1863, 1869-72 гг. Для Франции можно использовать все тома замечательной серии уголовной статистики.

Как видно, частота этих случайных преступлений и правонарушений в Италии и во Франции очень различна, хотя нападения и ранения, сопротивление властям, нанесение ущерба, клевета и оскорбления являются самыми многочисленными в обеих странах.

Доля каждого преступления в общем количестве также значительно варьируется, и не только из-за различий в законодательстве Италии и Франции в отношении браконьерства, пьянства, мошенничества с трактирами и так далее, но и в силу разного состояния людей и общества в этих двух странах. Так, нападения и ранения, которые в Италии составляют 23 процента от общего числа приговоров, во Франции достигают не более 14 процентов, в то время как сопротивление властям и т.д., которое

Среднее значение за год или количество осужденных.

ИТАЛИЯ, 1863-72 ГГ. ФРАНЦИЯ, 1877-81 ГГ.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ НАИБОЛЬШЕЙ ЧАСТОТА

(без учета преступлений, совершенных закоренелыми преступниками).

п.в. п.в. п.в. п.в.

Умышленное нападение и ранение ...

Незаконное ношение оружия - 8 7 - 3 3

Сопротивление власти, нападения и

Насилие в отношении государственных служащих ... 3 5 4 -2 10 10

Повреждение имущества - 2 2 - I 1-6 1 5

Диффамация и оскорбление - s-S 1-6 - I-6 1 5

Письменные или устные угрозы - 1 4 1'2 - '2 -2

Незаконные игры - I-8 - 2 1 'I

Политические преступления и правонарушения 31.7 - -2 - 4 2 -2

Преступления и правонарушения в сфере прессы 4 4 -4 - -6 -6

Растраты, коррупция, злоупотребления

государственных служащих - -3 .3 - - - -

Побег из-под стражи -1 -2 2 - -6 -6

Ложный свидетель -7 2 -2 09 6 -6

Нарушение гражданства - 17 .15 - ло -9

Клевета ... -. -1 I 1 -oS -o8

Разоблачение, палминг или "подавление

младенцев - -12 1 -2 -1 -1

Преступления против банкротства I 1 -1 1'3 5 -6

Преступления против религии и служителей

религии и служителей религии - 1 -1 - -7 .o7

Дуэли - .04 .03 - - - -

Аборт - - - - ог - - -OI

Преступления против правил игры - - - - - 13 12-7

Пьянство - - - - 1 5 1 5

Преступления против общественного приличия - - - - I-8 1.7

Прелюбодеяние - - - -5 5

Преступления против нравственности, с подстрекательством

к безнравственности - - - - -2 -2

Недобровольное убийство - - - - -2 -2

" Ранение - - - - -6 -6

" Поджигательство - - - - -2 -2

Незаконное занятие медициной и

Хирургия - - - - -2 -2

Мошенничество в отношении содержателей питейных заведений

... .. - - - - -I-4 1 4

Преступления в сельской местности - - - - -6 -6

Среднее количество приговоров по годам,
Итого 6,273 43,584 49,857 3,300 163,997 167,297

[1] Уничтожение посевов, разрушение заборов. [2] Несанкционированные игорные дома; тайные лотереи. [3] Исключительная цифра, поскольку в 1863 году было вынесено 528 приговоров, в то время как в среднем за другие годы было вынесено девять приговоров. [4] Преступления, связанные с выборами.

<р 23>составляют 4 процента в Италии и 9 процентов во Франции. Сексуальные преступления и правонарушения (как мы видели на примере изнасилования), такие как аборт, прелюбодеяния, непристойные нападения и подстрекательство к безнравственности, которые в Италии составляют очень маленькие и ничтожные цифры, во Франции встречаются чаще. В то время как незаконное ношение оружия, угрозы, ложное свидетельство, побег из-под стражи, нарушение неприкосновенности жилища, клевета встречаются в Италии чаще, чем во Франции, противоположное можно сказать о преступлениях против банкротства, политических преступлениях и преступлениях против прессы, что объясняется явным различием моральных, экономических и социальных условий двух стран, которые явно видны за этими, казалось бы, сухими цифрами.

В дополнение к этой демонстрации мы привели антропологические и статистические доказательства фундаментального различия между привычными и случайными преступниками, на которое указывали многие наблюдатели, но которое до сих пор оставалось простым утверждением без очевидных последствий.

Это же различие должно быть не только основой всей социологической теории преступности, но и отправной точкой для других, более точных и полных различий, которые я изложил в своих предыдущих исследованиях о преступниках и которые впоследствии были воспроизведены, с большим или меньшим согласием, всеми криминальными социологами.

Во-первых, необходимо выделить среди закоренелых преступников тех, кто демонстрирует заметную и клиническую форму психического отклонения, объясняющую их антиобщественную деятельность <р 24>.

Во-вторых, среди закоренелых преступников, не являющихся душевнобольными, как бы мало ни наблюдали за заключенными тюрем с адекватными представлениями и опытом, можно выделить класс лиц, физически или психически ненормальных, побуждаемых к преступлению врожденными склонностями, которые проявляются с самого рождения и сопровождаются симптомами крайней нравственной невосприимчивости. Наряду с ними обращает на себя внимание другой класс лиц, которые также были преступниками с детства и продолжают ими быть, но в особой степени являются продуктом физической и социальной среды, которая настойчиво ввергает их в преступную жизнь, бросая их до и после первого преступления, и которая, особенно в больших городах, очень часто принуждается к этому фактическим подстрекательством их родителей.

Среди случайных преступников, опять же, особая категория создается путем своего рода преувеличения характеристик, в основном психологических, самого типа. В случае всех случайных преступников преступление совершается скорее под влиянием окружающей среды, чем под влиянием активных наклонностей индивида; но в то время как у большинства этих индивидов решающей причиной является лишь обстоятельство, влияющее на всех

одинаково, у немногих это исключительное сдерживание страсти, своего рода психологическая буря, которая толкает их на преступление.

Таким образом, всю совокупность преступников можно разделить на пять категорий, которые еще в 1880 году я обозначил как преступные безумцы, прирожденные преступники, преступники по привычке, случайные преступники и преступники по страсти.

Как уже отмечалось, криминальная антропология окончательно утвердится только после того, как по каждой из этих категорий будут написаны биологические, психологические и статистические монографии, позволяющие представить их антропологические характеристики с большей точностью, чем это было достигнуто до сих пор. До сих пор наблюдатели продолжают давать одни и те же характеристики для большой совокупности преступников, классифицируя их по форме совершения преступления, а не по биосоциальному типу. В работах Ломброзо, например, или Марро (и в некоторой степени даже в моей работе об убийствах) характеристики даются в целом или для юридических категорий преступников, таких как убийцы, воры, фальшивомонетчики и так далее, которые включают в себя прирожденных преступников, случайных и привычных преступников, а также сумасшедших. В результате возникает определенная степень противоречивости в зависимости от преобладания того или иного типа в совокупности наблюдаемых преступников. Это также способствует тому, что выводы криминальной антропологии становятся менее очевидными.

Тем не менее, мы можем подвести итог исследованиям, которые были сделаны до настоящего времени; в частности, мы можем теперь указать общие характеристики пяти классов преступников в соответствии с моим личным опытом наблюдения за преступниками. Остается надеяться, что последующие наблюдения более методичного характера постепенно укрепят точность этой классификации симптомов. <p 26>

Прежде всего, очевидно, что в классификацию, не являющуюся исключительно биологической, если она должна стать антропологической основой криминальной социологии, должны быть включены преступники в здравом уме.

Обычное возражение, недавно повторенное М. Жоли (`Le Crime`, p. 62), который считает термин "преступное безумие" самопротиворечивым, поскольку безумец не несет моральной ответственности, а значит, не может быть преступником, не является убедительным. Мы утверждаем, что ответственность перед обществом, единственная ответственность, общая для всех преступников, существует и для преступников в здравом уме.

Также неверно, как и М. Бианки, утверждать, что сумасшедшие преступники должны быть отнесены к психиатрии, а не к криминальной антропологии; ибо, хотя психиатрия занимается сумасшедшими преступниками в психопатологическом смысле, это не мешает криминальной антропологии и социологии также заниматься теми же предметами, чтобы составить естественную историю преступника и предложить средства в интересах общества.

Что касается преступников в здравом уме, то необходимо начать с выделения в отдельную категорию тех, кого после исследований Ломброзо и итальянской школы психиатрии невозможно отличить от так называемых прирожденных преступников. Это люди, запятнанные формой безумия, которая известна под разными названиями, от "морального безумия" Притчарда до "безумия рассудка" Верги. Моральное безумие, иллюстрируемое работами Менделя, Леграна дю Солле, Модсли, Краффт-Эбинга, Саважа, Гюга, <p 27>Голландера, Тамбурины, Бонвекиато, которое, при отсутствии или атрофии морального

или социального чувства и при *кажущейся* здравости ума, является, правильно говоря, только существенным психологическим состоянием прирожденного преступника.

Помимо этих морально ненормальных людей, которые встречаются очень редко - как отмечают Краффт-Эбинг и Ломброзо, их чаще находят в тюрьмах, чем в сумасшедших домах, - существует несчастливого большое количество людей, запятнанных общей и клинической формой психического отчуждения, все из которых склонны стать преступниками.

Всех этих преступников с неуравновешенной психикой нельзя объединить в одну категорию; именно такое мнение высказал Ломброзо во втором томе четвертого издания своей работы после описательного анализа основных форм психического отчуждения. На самом деле, не только органические и особенно психологические характеристики преступных безумцев иногда совпадают, а иногда противоположны характеристикам прирожденных и случайных преступников, но и сами эти характеристики значительно различаются между различными формами психического отчуждения, несмотря на идентичность совершенного преступления.

Далее следует отметить, что в отношении криминальных сумасшедших эта категория также включает все промежуточные типы между полным безумием и рациональным состоянием, которые остаются в том, что Модсли назвал "средней зоной". Наиболее часто в преступности этих частично сумасшедших, или "матто<i>i>де", встречаются лица, совершающие нападения на государственных деятелей, которые, как правило, являются людьми с претензиями, вспыльчивыми людьми, авторами безумных документов и тому подобными, такими как Пассананте, Гито и Маклин.

К этой же категории относятся те, кто совершает ужасные преступления без всякого мотива, но, тем не менее, согласно благодушной психологии классической школы, должен обладать максимальной моральной устойчивостью.

Опять же, есть некрофилы, такие как сержант Бертран, Верцени, Менесклоу и, весьма вероятно, не обнаруженный "Джек Потрошитель" из Лондона, которые запятнаны формой сексуальной психопатии. Еще есть те, кто запятнан наследственным безумием, и особенно эпилептики и эпилептоиды, которых также можно отнести к классу прирожденных преступников, согласно правдоподобной гипотезе Ломброзо о фундаментальной идентичности врожденной преступности, морального безумия и эпилепсии. На собственном опыте я всегда убеждался, что возмутительные убийства, не поддающиеся объяснению в соответствии с обычной психологией преступников, сопровождаются психической эпилепсией, или ларвеа.

Врожденные или инстинктивные преступники - это те, кто чаще всего демонстрирует органические и психологические характеристики, установленные криминальной антропологией. Это либо дикие и жестокие люди, либо хитрые и праздные, не делающие различий между убийствами, грабежами и другими видами преступлений и честным трудом. Они такие же преступники, как и другие хорошие рабочие", - говорит Фрежье; и, по словам Романьози, реальное наказание влияет на них гораздо меньше, чем угроза наказания, или не влияет вовсе, поскольку они рассматривают тюремное заключение как естественный риск своей профессии, как каменщики рассматривают падение крыши или шахтеры рассматривают пожарную сырость. Они не страдают в тюрьме. Они подобны художнику в своей мастерской, мечтающему о своем следующем шедевре. Они в хороших отношениях со своими тюремщиками и даже знают, как сделать себя полезными"[5].

[5] Moreau, ``Souvenirs de la petite et grande Roquette'', Paris, 1884, ii. 440.

Прирожденные преступники и случайные преступники составляют большинство характерных и разнообразных типов убийц и воров. Тюремные начальники называют их "птицами-гаолами". Они переходят из полиции к судье и в тюрьму, из тюрьмы в полицию и к судье с регулярностью, которая еще не подорвала веру законотворцев в эффективность наказания как лекарства от преступности.

[6] Wayland, ``The Incurable'' in *Journal of Mental Science*, 1888. Sichert, ``Criminal Incurables''.

Несомненно, идея о природном преступнике - это прямой вызов традиционной вере в то, что поведение каждого человека является результатом его свободной воли или, в крайнем случае, недостатка воспитания, а не изначальной физио-психической конституции. Но, во-первых, даже общественное мнение, если оно не предубеждено в пользу так называемых последствий безответственности, признает во многих знакомых и повседневных случаях, что существуют преступники, которые, не будучи сумасшедшими, все же не являются обычными людьми; и репортеры называют их "человеческими тиграми", "брутами" и т.п. Во-вторых, научные доказательства наследственной склонности к преступлениям, даже если не принимать во внимание клинические формы психического отчуждения, сейчас настолько многочисленны, что настаивать на них далее бесполезно.

Третий класс - это преступники, которых после моего тюремного опыта я назвал преступниками по врожденной привычке. Это те, кто, не обладая антропологическими характеристиками природных преступников или обладая ими в незначительной степени, совершают свое первое преступление чаще всего в юности или даже в детстве - почти неизменно это преступление против собственности, и гораздо чаще по причине моральной слабости, вызванной обстоятельствами и развращающей средой, чем по причине врожденных и активных наклонностей. После этого, как замечает М. Жоли, либо их ведет безнаказанность их первых преступлений, либо, что более решительно, тюремные ассоциации ослабляют и развращают их, морально и физически, камера деградирует, алкоголизм делает их тупыми и импульсивными, и они постоянно возвращаются к преступлению, становясь хронически склонными к нему. А общество, которое таким образом бросает их, до и после выхода из тюрьмы, на произвол судьбы, безделья и соблазнов, не оказывает им никакой помощи в борьбе за честный заработок, даже когда не толкает их обратно в преступность издевательскими полицейскими предписаниями, которые мешают им найти или сохранить честную работу.[7]

[7] Fliche, ``Comment en devient Criminel'', Paris, 1886.

О тех преступниках, которые начинают с того, что становятся случайными преступниками, а заканчивают, после постепенного вырождения, проявлением черт природных преступников, Томас Мор сказал: "Что это такое, как не создание воров ради удовольствия их повесить?". И именно этот класс преступников может быть сведен к минимуму мерами социальной профилактики, поскольку, устраняя причины, мы устраняем последствия.

Помимо органических и психологических особенностей, врожденных или приобретенных, есть два биосоциологических симптома, которые, как мне кажется, являются общими, хотя и по разным причинам, для природных преступников и закоренелых преступников. Я имею в виду предрасположенность и рецидив. Случайные преступления и преступления по страсти, как правило, не совершаются до наступления зрелого возраста и редко или никогда не приводят к рецидиву.

Вот несколько цифр, касающихся скороспелости, взятых из международной тюремной статистики:...

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ВОЗРАСТЕ ДО 20 ЛЕТ. Мужчина. Женщины.

	п.в.	п.в.
Италия (1871-6)	8,8	6,8
Франция ('72-5)	10	7,6
Пруссия ('71-7-не более 19 лет)	2.8	2.6
Австрия ('72-5)	9,6	10,6
Венгрия ('72-6)	4,2	9
Англия ('72-7) - не старше 24 лет)	27,4	14,8
Шотландия ('72-7)	20	7.8
Ирландия ('72-7)	9	3,2
Бельгия ('74-5)	20,8	
Голландия ('72-7)	22.8	3.7
Швеция ('73-7)	19.7	17
Швейцария ('74)	6.6	7
Дания ('74-5)	9.9	9.6

Более поздние данные показывают, что в среднем за год во Франции в 1876-80 годах из 4 374 лиц, привлеченных к суду, 1 процент составляли лица моложе шестнадцати лет и 17 процентов - от шестнадцати до двадцати одного года; <р 32>в то время как в 1886 году эти же проценты составляли 60 и 14. Из 146 217 обвиняемых в трибуналах 4 процента были моложе шестнадцати лет, а 14 процентов - от шестнадцати до двадцати одного года. Из 25 135 женщин было 4 процента в возрасте до шестнадцати лет и 11 процентов в возрасте от шестнадцати до двадцати одного года; в то время как в 1886 году процентное соотношение было 3 и 14 среди мужчин, 2,5 и 14 среди женщин.

В Пруссии среди лиц, обвиняемых в преступлениях и правонарушениях в 1860-70 годах, 4 процента были моложе восемнадцати лет.

В Германии среди лиц, осужденных в 1886 году, 3 процента были в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, 6 процентов - от пятнадцати до восемнадцати лет и 16 процентов - от восемнадцати до двадцати одного года.

В Италии из 5 189 человек, осужденных на судебных заседаниях в 1887 году, 3 процента были в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а 12 процентов - от восемнадцати до двадцати одного года. Из 65 624 человек, рассмотренных в трибуналах, 1,2 процента были моложе четырнадцати лет, 5 процентов - от четырнадцати до восемнадцати и 13 процентов - от восемнадцати до двадцати одного года. В Италии наблюдается постоянный рост числа малолетних преступников. Заключение, осужденные на присяге в возрасте до двадцати одного года, составляли 15 процентов с 1880 по 1887 год, в то время как осужденные аналогичного возраста в трибуналах выросли с 17 до 20 процентов.

К этим цифровым данным можно добавить другие, качественного характера, показывающие, что скороспелость наиболее часто встречается в отношении естественных преступлений и

правонарушений, которые обычно наблюдаются среди прирожденных и закоренелых преступников. <р 33>.

Во Франции более молодые заключенные в 1882 году были приговорены в следующих пропорциях:.

Мужчины. Женщины. За убийство и отравление 0,9 процента. .5 процента. " убийства, нападения и ранения 1,6 " 1,5 " " поджигательство 1,8 " 2 " " непристойное нападение 3,5 " 11,8 " " определенные кражи, подделка, произнесение фальшивой монеты 5.2 " 2.4 " " простая кража, мошенничество ... 60.8 " 49.7 " " проституция и бродяжничество ... 23 " 20.5 " " другие преступления и правонарушения ... 2.7 " 8 " " неповиновение родителям 1 " 10.5 ".

Эти цифры, показывающие большую частоту среди женщин преступлений против личности, а среди мужчин - против собственности, примерно повторяются в Швейцарии, где молодые заключенные в 1870-74 годах были приговорены в таких пропорциях:...

За преступления и правонарушения против личности... 12,1 процента. " " нравственность ... 5,7 " " поджигательство 4,3 " " воровство 65,5 " " мошенничество 5,4 " " подлог 1,9 " " бродяжничество 4,6 " "

Судебная статистика Франции и Италии дает такие пропорции:...

<р 34> {ФИКСИРУЙТЕ ЭТУ ТАБЛИЦУ!}

ИТАЛИЯ-1866. ФРАНЦИЯ-1886

СУДЫ ПО ДЕЛАМ

До 14-18. 28-21. Под j l6-2

Убийство

Убийство (и грабеж с убийством) 14 l i 10 3 7 6

Отцеубийство - 5 -8 7 5 9

Детоубийство - l -4 - 6

Лишение свободы - - - -

Умышленное ранение (с последующей смертью) - 19 24 - 3 S

Аборт - - - 1-l

Изнасилование и непристойное нападение на взрослых} - 1'2

" " детей} - lo 7 t 3 7 11

Соппротивление и нападения на государственных

... .. -5 -6 - 3

Поджигательство - - -2 3-7 3 1

Фальшивые деньги 14 - l 3-7 2 5

Подделка государственных и частных документов

..... - 5 -2 - 2 -1

Вымогательство, грабеж с применением насилия

насилием 14 9 7 - 3w 6

Уточненная и простая кража ... 14 19 16 41 51

Непреднамеренное ранение ... 28 5 2 - - -

Всего осужденных и обвиняемых 7 179 475 27 641

Французская статистика по трибуналам - итальянская статистика отсутствует - выглядит следующим образом:-

ФРАНЦИЯ-1886. ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ТРИБУНАЛЫ.

ле. Женщины. Преступления. Подл6. l6-21 Underl6.1 16-21

на центнер. на центнер. на центнер. на центнер. на центнер.

Соппротивление властям ... 2 2 2 'l 1 1

Нападения на государственных служащих -8 5 -7 4 1

Бродяжничество ... - 4 4 11 2 3 2 S'S

Жестокость ... 4 8 4 12'- 3 6

Умышленное ранение ... 5 1 18-5 3@0 11

Неумышленное ранение ... 8 7 l

Преступления против общественного приличия ... 1 6 1 8 3 1 3 >

Диффамация и оскорбление - l '2 1 1 1 0

Кража ... 57 5 а-4 63 54 3

Мошенничество с содержателями трактиров - l 2 l -l 6

Мошенничество 5 1 2 2.4 3 +2

Нарушение доверия ... 9 1 3 7 1 2

Повреждение посевов и растений ... 5 -3 -3 5

Нарушения игрового законодательства ... - 15 1 14 2 1 l -2

Всего обвиняемых

<p 35>

Здесь мы имеем статистическую демонстрацию более частой склонности к совершению преступлений среди различных форм преступности, как в отношении врожденных склонностей (убийство и убийство, изнасилование, поджог, специфические кражи), так и в отношении склонностей, приобретенных по привычке (простая кража, нищенство, бродяжничество).

Кроме того, к этой характеристике реципитации добавляется рецидив, который, как мы видели, чаще встречается в тех же формах естественной преступности, и который мы можем теперь подсчитать в отношении его устойчивости у этих прирожденных и привычных преступников.

Хорошо сказано, что большое количество рецидивистов, которых год за годом привлекают к суду, доказывает, что воры занимаются своим ремеслом как постоянным призванием; вор, однажды попробовавший тюремную жизнь, обязательно к ней вернется[8]. И опять же, очень мало случаев, когда мужчина или женщина, ставшие ворами, перестают ими быть. Какова бы ни была причина, на самом деле вор редко или никогда не перевоспитывается. Когда вы можете превратить старого вора в честного работника, вы можете превратить старую лису в домашнюю собаку"[9].

[8] *Quarterly Review*, 1871, `` Лондонская полиция ``. [9] Thomson, `` The Psychology of Criminals'', *Journal of Mental Science*, 1870.

Однако мы должны рассматривать эти свидетельства практических людей, которые можно было бы легко умножить, в свете нашего различия между неисправимыми преступниками, которые являются таковыми с рождения, и теми, кто стал неисправимым под влиянием тюремного и социального окружения. Число первых едва ли можно сократить, в то время как число вторых может быть <p 36>значительно уменьшено с помощью альтернативных мер наказания, о которых я буду говорить позже.

Следующие статистические данные о рецидивах приводятся по Yvern<e!>s,
` ` La R<e'>cidive en Europe` ` (Париж, 1874):- ` ` La R<e'>cidive en Europe` ` (Париж, 1874).

ФРАНЦИЯ-1826-74. ИТАЛИЯ-1870.

Рецидивы АНГЛИЯ-1871. ШВЕЦИЯ-1871. Обвиняемые Обвиняемые
Заклученные. Воры. и привлечены и привлечены
к суду. к суду.

Однажды ... 38 процентов. 54 процента. 45 процентов. 60 процентов.

Дважды ... 18 " 28 " 20 " 30 "

Трижды... 44 " 18 " 35 " 10 "

В Пруссии (1878-82) 17 процентов имели рецидив один раз, 16 процентов - два раза, 16 процентов - три раза, 13 процентов - четыре раза, 10 процентов - пять раз и 28 процентов - шесть раз или чаще[10].

[10] Starke, ` ` Verbrechen und Verbrecher` ` , Berlin, 1884, p. 229.

На конгрессе по тюрьмам в Стокгольме были приведены следующие данные по Шотландии. Из сорока девяти рецидивистов 16 процентов рецидивировали один раз, 13 процентов - два или три раза, 6 процентов - четыре или пять раз, 6 процентов - от шести до десяти раз, 5 процентов - от десяти до двадцати раз, 4 процента - от двадцати до пятидесяти раз и 1 процент - более пятидесяти раз.

На заседании Конгресса по социальным наукам, состоявшемся в Ливерпуле в 1876 году, мистер Ньюджент заявил, что около 4107 женщин рецидивировали четыре раза или чаще, и что многие из них были классифицированы как неисправимые, будучи осужденными двадцать, сорок или пятьдесят раз, в то время как одна была осуждена 130 раз.

Судебная статистика Италии за 1887 год дает следующие результаты

<p 37>

ИТАЛИЯ - осужденные, процентов.

Рецидивы.

Судьи трибуналов. Ассизы.

Мир.

Один раз ... 57 42 50

От двух до пяти раз ... 34 40 40

Более пяти раз ... 9 18 10

Фактическое количество рецидивов 27 068 16 240 1 870

В результате проведенных мною исследований среди 346 осужденных на каторгу и 353 заключенных исправительных трибуналов я установил следующие процентные соотношения

Рецидив. Осужденные. 1 раз ... 83,2 ... 26 2 раза ... 12,5 ... 16,5 3 раза ... 3,1 ...
 14,6 4 " ... - ... 10,8 5 " ... 6,8 ... 6.6 6 " ... - ... 5.2 7 " ... 1.6 ... 7.1 8 " ...
 ... - ... 2.8 9 " ... - ... 2.8 10 " ... - ... 2.3 11 " ... -9 12 " ... -5
 13 " ... -9 14 " ... - ... 1.4 15 " ... -9 20 " ... -5 -----
 ---- Фактическое общее количество рецидивов 128 212

Хронический рецидив, естественно, реже встречается у осужденных на длительные сроки; но он является ярким симптомом индивидуальной и социальной патологии у двух классов - прирожденных и закоренелых преступников <р 38>.

Ломброзо во втором томе своей работы "Преступник" отрицает, что рецидивы являются характеристиками, отличающими прирожденных и привычных преступников от случайных. Но это лишь вопрос терминов. Он считает, что прирожденные и привычные преступники ограничиваются почти исключительно тяжкими преступлениями, а случайные преступники - мелкими правонарушениями. А поскольку приведенные мною цифры показывают, что рецидив встречается при мелких правонарушениях даже чаще, чем при преступлениях, он считает, что они противоречат, а не подтверждают мои выводы.

Сама по себе тяжесть деяния ни в коем случае не может разделять категории преступников; ведь убийство, как и кража, нападение и побои, как и подлог, могут быть совершены, хотя и в различных психологических и социальных условиях, с одинаковой легкостью как прирожденными и привычными преступниками, так и случайными преступниками и преступниками по страсти.

Более того, приведенные мною цифры показывают, что рецидив чаще встречается в тех формах преступности, которые, помимо своей тяжести, являются обычным делом прирожденных и закоренелых преступников, таких как убийства, умышленные убийства, грабежи, изнасилования и т. д., в то время как они гораздо более редки, даже если можно сказать, что они вообще наблюдаются, в случае преступлений и правонарушений, обычно совершаемых случайными преступниками, таких как детоубийство и некоторые из преступлений, упомянутых выше.

Остается сказать кое-что о случайных преступниках и преступниках страсти <р 39>.

Последние являются разновидностью случайных преступников, но их характеристики настолько специфичны, что их можно легко отличить. На самом деле Ломброзо в своем втором издании, дополняя наблюдения Деспина и Биттингера, отделил их от других преступников и классифицировал их по симптомам. Мне остается лишь кратко изложить его наблюдения.

Прежде всего, преступники, составляющие ярко выраженный класс преступников, совершающих преступления под влиянием непреодолимого импульса, встречаются очень редко, и их преступления почти всегда направлены против личности. Так, из 71 преступника, совершившего преступление в состоянии аффекта, изученного Ломброзо, 69 были убийцами, 6 были осуждены за кражу, 3 - за поджог и 1 - за изнасилование.

Из этого следует, что они составляют около 5 процентов преступлений против личности.

Это, как правило, люди ранее хорошего поведения, сангвиники или нервные по темпераменту, чрезмерно чувствительные, в отличие от прирожденных или закоренелых преступников, а также часто с невротическим или эпилептоидным темпераментом, из которого их преступления могут быть, строго говоря, неосознанным следствием.

Часто они совершают преступления в юности, особенно женщины, под влиянием страсти, которая внезапно отбрасывает сдерживание, - гнева, оскорбленной любви или оскорбленной чести. Они очень эмоциональны до, во время или после преступления, которое они совершают не вероломно, но открыто и часто с помощью плохо выбранных методов, первых попавшихся. Однако время от времени встречаются преступники страсти, которые заранее обдумывают преступление и вероломно его совершают, либо в силу своего более холодного и менее импульсивного темперамента, либо в результате заранее продуманных идей или широко распространенных настроений, в случаях, когда мы имеем дело с такой популярной формой беззакония, как вендетта.

Вот почему тест на преднамеренность не имеет абсолютного значения в криминальной психологии, как различие между прирожденным преступником и преступником страсти; ведь преднамеренность зависит в первую очередь от темперамента индивида и проявляется в преступлениях, совершенных обоими антропологическими типами.

Среди других признаков преступника по страсти - точный мотив, который приводит к преступлению, законченному самому по себе, и никогда не является средством для достижения другой преступной цели.

Такие преступники сразу же признают свое преступление, испытывая безотчетное раскаяние, часто настолько острое, что они тут же совершают или пытаются совершить самоубийство. Когда их осуждают - а присяжные редко выносят обвинительный приговор, - они всегда раскаиваются в содеянном, исправляют свою жизнь и не деградируют, что побуждает поверхностных наблюдателей утверждать как общий факт, возможный при любых обстоятельствах, тот благотворный эффект тюремного заключения, который в действительности является простой иллюзией в случае гораздо более многочисленного класса прирожденных и закоренелых преступников.

У тех же преступников мы очень редко наблюдаем, если вообще наблюдаем, органические аномалии, которые создают преступный тип. И даже психологические характеристики гораздо слабее в странах, где определенные преступления <p 41>страсти</p 41> являются эндемическими, почти занимающими место среди обычаев общества, как убийства, которые происходят на Корсике и Сардинии из мести за честь, или политические убийства в России и Ирландии.

Последний класс - это случайные преступники, которые без какой-либо врожденной и активной склонности к преступлению впадают в преступление в раннем возрасте под влиянием соблазнов, связанных с их личным состоянием, физическим и социальным окружением, и не впадают в него, или не рецидивировать, если эти соблазны исчезают.

Таким образом, они совершают те преступления и правонарушения, которые не свидетельствуют о природной преступности, или же преступления и правонарушения против личности или собственности, но в личных и социальных условиях, совершенно отличных от тех, в которых их совершают прирожденные и закоренелые преступники.

Несомненно, что даже в случае со случайным преступником некоторые из причин, которые приводят его к преступлению, относятся к антропологическому классу; ведь внешних причин было бы недостаточно без индивидуальных предрасположенностей. Например, во время скудости или суровой зимы не все испытывающие нужду прибегают к воровству, но некоторые предпочитают терпеть нужду, пусть даже незаслуженную, не переставая быть честными, в то время как другие в крайнем случае вынуждены выпрашивать еду; и среди тех,

кто поддается предложению совершить преступление, некоторые останавливаются на простой краже, в то время как другие доходят до грабежа с применением насилия.

Но истинное различие между прирожденным и случайным преступником заключается в том, что в первом случае внешняя причина действует меньше, чем внутренняя тенденция, поскольку эта тенденция обладает как бы центробежной силой, толкающей человека к совершению преступления, то время как для случайного преступника речь идет скорее о слабой силе сопротивления внешним причинам, которыми в основном и обусловлено побуждение к преступлению.

Случайная провокация преступления у прирожденного преступника, как правило, является результатом уже существующего инстинкта или тенденции, и скорее предлогом, чем поводом для преступления. У случайных преступников, напротив, именно случайная провокация способствует созреванию, несомненно, в благоприятной почве, преступных наклонностей, не развитых ранее.

По этой причине Ломброзо называет случайных преступников "криминоидами", чтобы показать, что они имеют явно ненормальную конституцию, хотя и в меньшей степени, чем прирожденные преступники, подобно тому, как мы имеем металл и металлоид, эпилептика и эпилептоида.

И это, опять же, причина, по которой критика Ломброзо в отношении моего описания случайных преступников лишена силы. Он говорит, как и Бенедикт на конгрессе в Риме, что все преступники - преступники по рождению, так что не существует такого понятия, как случайный преступник, в смысле **нормальный* индивид, случайно попавший в преступную среду. Но я, как и Гарофало, не рисовал такую картину случайного преступника, ибо, по сути, я говорил как раз обратное, что признает и сам Ломброзо чуть дальше (ii. 422), <р 43>именно, что между прирожденным и случайным преступником существует лишь разница в степени и модальности, как и во всех преступных классах.

Приведя несколько деталей уголовной психологии, можно сказать, что из двух физиологических условий преступности, моральной невосприимчивости и импровизации, случайные преступления особенно обусловлены вторым, а врожденные и привычные преступления - первым. У врожденного преступника, прежде всего, отсутствие или слабость нравственного чувства не позволяет противостоять преступлению, тогда как у случайного преступника нравственное чувство почти нормально, но неспособность заранее осознать последствия своего поступка заставляет его поддаваться внешним влияниям.

Каждый человек, каким бы чистым и честным он ни был, время от времени испытывает мимолетное представление о каком-то нечестном или преступном поступке. Но у честного человека, именно потому, что он физически и нравственно нормален, это представление о преступлении, вызывающее одновременно мысль о его тяжких последствиях, промелькнет на поверхности нормального сознания и будет лишь вспышкой без грома. У человека менее нормального и менее предусмотрительного это представление поселяется, сопротивляется слабому отпору не слишком энергичного нравственного чувства и в конце концов одерживает верх; ибо, как говорит Виктор Гюго, "столкнувшись с долгом, колебаться - значит погибнуть"[11].

[11] Например, я напому случай, рассказанный Морелем, о том, как однажды, проходя по мосту в Париже, он увидел рабочего, смотрящего в воду, и в его голове промелькнула убийственная мысль, так что ему пришлось поспешить прочь, боясь поддаться искушению и бросить человека в воду. Снова приводится случай с няней Гумбольдта, на которую однажды

напало искушение убить своего подопечного, и она побежала с ним к его матери, чтобы избежать <р 44>катастрофы</р 44>. Бриер де Буамон также рассказывает об ученом человеке, который при виде картины в публичной галерее поддался искушению разрезать холст и убежал от своего порыва к преступлению.

<р 44>

Преступник страсти - это тот, кто достаточно силен, чтобы противостоять обычным искушениям, не имеющим исключительной силы, которым поддается случайный преступник, но кто не сопротивляется психологическим бурям, которые действительно иногда бывают непреодолимыми.

Формы эпизодической преступности, которые определяются этими обычными соблазнами, также определяются возрастом, полом, бедностью, мирским влиянием, влиянием моральной среды, алкоголизмом, личным окружением и подражанием. Тарде убедительно продемонстрировал устойчивое влияние этих условий на поступки людей.

В этой связи Ломброзо провел четкое различие между двумя разновидностями случайных преступников: "псевдопреступниками", или нормальными людьми, которые совершают невольные преступления, или преступления, которые не проистекают из извращенности и не наносят вреда обществу, хотя и караются законом, и "криминоидами", которые совершают обычные преступления, но отличаются от настоящих преступников по уже указанным причинам.

Необходимо сделать последнее замечание по поводу этой антропологической классификации преступников, которая отвечает на различные возражения, выдвигаемые нашими критиками силлогизма. Различия между пятью категориями являются лишь степенными и зависят от их органических и психологических типов, а также от влияния физической и социальной среды.

В каждой естественной классификации различия <р 45>между различными группами и разновидностями никогда не бывают только относительными. Это лишает их теоретической и практической значимости, так и в случае с антропологической классификацией преступников.

Из этого следует, что, как в естественной истории мы продвигаемся по степеням и оттенкам от неорганического к органическому творению, причем жизнь начинается в минеральной области с законов кристаллизации, так и в уголовной антропологии мы проходим по степеням и оттенкам от сумасшедшего к прирожденному преступнику, через связь моральных сумасшедших и эпилептиков; и от прирожденного преступника к случайному, через связь привычного преступника, который начинается с того, что является случайным преступником, и заканчивается тем, что приобретает и передает своим детям характеристики прирожденного преступника. И, наконец, от случайного преступника мы переходим к преступнику страсти, который является лишь разновидностью другого, и который далее, с его невротическим и эпилептоидным темпераментом, нередко приближается к преступнику не в здравом уме.

Таким образом, в нашей повседневной жизни, как и в науке, мы очень часто встречаем промежуточные типы, ибо полные и несмешанные типы всегда являются самыми редкими. И в то время как законодатели и судьи в своей самодовольной психологии определяют и устанавливают четкие линии разделения между вменяемым и невменяемым преступником, эксперты в области психиатрии и антропологии часто вынуждены помещать заключенного

куда-то между сумасшедшим и прирожденным преступником или между случайным преступником и нормальным человеком.

Но очевидно, что даже если преступника нельзя точно отнести к той или иной категории, и он находится между ними, это само по себе является достаточно определенной классификацией, особенно с социологической точки зрения. Поэтому не имеют никакого веса возражения тех, кто, основывая свои аргументы на абстрактном и туманном представлении о преступнике вообще и оценивая его только по совершенному преступлению, не зная его личных качеств и обстоятельств его окружения, утверждает, что криминальная антропология не может классифицировать всех задержанных и обвиняемых.

Однако по своему опыту, как адвокат и как наблюдатель, я никогда не испытывал трудностей с классификацией всех лиц, задержанных или осужденных за преступления и правонарушения, опираясь на органические и особенно психологические симптомы.

Таким образом, как недавно сказал Гарофало, в то время как общепринятая уголовная наука признает только два термина - преступление и наказание, уголовная социология, напротив, признает три: преступление, преступник и средства, наилучшим образом рассчитанные для социальной самозащиты. Из этого можно заключить, что до сих пор наука, законодательство и, в незначительной степени, но без всякого научного метода, отправление правосудия судили и наказывали преступление в лице преступника, но что в дальнейшем необходимо будет судить преступника так же, как и преступление.

После этих общих замечаний об антропологических классах преступников может показаться необходимым установить их соответствующее численное соотношение. Но поскольку не существует абсолютного разделения между одним ^{р 47}и другим, а частота встречаемости нескольких преступных типов варьируется в зависимости от преступлений или правонарушений, естественных или иных, против личности или собственности, невозможно составить точный отчет о преступном мире в целом.

Однако в качестве приближения можно сказать, что, во-первых, классы сумасшедших преступников и преступников в состоянии аффекта наименее многочисленны и составляют примерно 5 или 10 процентов от общего числа.

С другой стороны, мы видели, что прирожденные и привычные преступники составляют около 40 или 50 процентов; таким образом, случайные преступники также будут составлять от 40 до 50 процентов.

Это цифры, которые, естественно, варьируются в зависимости от различных групп преступлений и преступников, находящихся под наблюдением, и которые не могут быть определены более точно без серии специальных исследований в области криминальной антропологии, как я уже говорил, отвечая на возражения, выдвинутые против методов этой новой науки.

Прежде чем завершить нашу первую главу, нам остается установить факт, имеющий большое научное и практическое значение. Он заключается в том, что после антропологической классификации, которой я придерживался в течение десяти лет, все, кто посвятил себя изучению преступности с биологической и социальной точек зрения, признали необходимость классификации менее простой, чем классификация обычных и случайных преступников, и которая будет более или менее сложной в зависимости от критерия, который может быть принят ^{р 48}.

Прежде всего, общепризнана необходимость отказа от старого произвольного и алгебраического типа в пользу классификации, которая должна более точно соответствовать фактам дела. Эта классификация, возникшая из наблюдений, сделанных в стенах тюрьмы, была распространена мною в области криминальной социологии, где она теперь утвердилась в качестве основополагающего критерия законодательных мер, которые должны быть приняты в качестве защиты от преступников, а также в качестве критерия их ответственности.

Во-вторых, приведенные до сих пор классификации преступников не являются сущностно и интегрально отличными. Как видно, все приведенные классификации сводятся к признанию четырех типов: врожденных, неменяемых, случайных преступников и преступников по страсти; и это опять-таки сводится к простому и примитивному различию между случайными и инстинктивными преступниками. С категорией преступников по привычке согласятся не все наблюдатели, но она слишком близко соответствует нашему повседневному опыту, чтобы нуждаться в дальнейших доказательствах. С другой стороны, я должен откровенно отказаться от авторитета тех, кто выдвигает более или менее симметричные классификации без непосредственного изучения преступников; ведь экспериментальный метод не признает систем, основанных на простом воображении, или на смутных воспоминаниях о криминальных процессах, или на аргументированных конструкциях, построенных на основе систем других людей.

На самом деле, помимо номенклатурных различий, очевидно, что частичные расхождения в этой антропологической классификации преступников в какой-то мере обусловлены различием точек зрения наблюдателей. Например, классификация Лакассаня, Жоли, Краусса, Бадика и Марро основывается на чисто описательном критерии органических или психологических характеристик преступников. Классификации Листа, Медема и Минцлоффа, с другой стороны, зависят исключительно от лечебного и защитного влияния наказания; а классификации Фёринга и Штарке - от некоторых специальных моментов, таких как помощь освобожденным заключенным, их склонность к рецидивам.

Моя собственная точка зрения, напротив, была общей и репродуктивной, поскольку моя классификация основана на естественных причинах преступности, индивидуальных, физических и социальных, и в этой степени она более соответствует теоретическим и практическим требованиям криминальной социологии. Если лечебное искусство общества, как и искусство индивидов, ожидает от позитивного знания указания средств лечения, то очевидно, что классификация, основанная на фундаментальных причинах преступности, лучше всего подходит для указания социального лечения этого проявления болезни, которое является основным объектом криминальной социологии. Ведь как в биологии от чисто описательной анатомии переходят к генетической анатомии и физиологии, так и в социологии мы должны перейти от чисто юридических описаний преступлений к генетическому знанию преступников, совершающих эти преступления.

По этой причине все основные классификации преступников, как мы видели, могут быть приведены в соответствие с моей собственной, в силу более полного и плодотворного теста, который ее установил. И таким образом мы имеем очевидное доказательство того, что эта классификация действительно представляет собой общую и постоянную основу всех главных антропологических категорий преступников, как в отношении их естественной причинности и специфического характера, так и в отношении различных форм социальной самозащиты, которые вытекают из них и которые должны быть адаптированы к естественным причинам преступности и к основным преступным типам.

Но какая бы классификация ни была принята, мы всегда будем иметь в качестве фундаментальной аксиомы криминальной антропологии это разнообразие типов преступников, которое отныне должно быть необходимым для всех, кто теоретически или практически занимается проблемой преступности.

ГЛАВА II.

ДАННЫЕ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ.

Для моральных и социальных фактов, в отличие от физических и биологических, эксперимент очень труден, а часто даже невозможен; наблюдение в этой области приносит наибольшую помощь научному исследованию. И статистика является одним из наиболее эффективных инструментов такого наблюдения.

Поэтому вполне естественно, что криминальная социология, изучив индивидуальный аспект естественного генезиса преступности, должна прибегнуть к криминальной статистике для изучения социального аспекта. Статистическая информация, по словам Кроне, "является первым условием успеха в противостоянии армиям преступности, ибо она выполняет ту же функцию, что и разведывательный отдел на войне".

Из статистики, по сути, напрямую проистекает современное представление о тесной связи между преступлениями и условиями общественной жизни в некоторых ее аспектах, и прежде всего в определенных конкретных формах.

Наука уголовной статистики является для уголовной социологии тем же, чем гистология для биологии, ибо она показывает в условиях отдельных элементов коллективного организма факторы преступности как социального явления. И это не только для научных индукций, но и для практических и законодательных целей; ведь, как сказал лорд Броум на Лондонском статистическом конгрессе в 1860 году, "уголовная статистика для законодателя - то же, что карта и компас для мореплавателя".

Экспериментальная школа, приняв фундаментальную и неоспоримую идею, не считая ее численных и оптимистических преувеличений, что статистика преступности должна рассматриваться в связи с ростом и активностью населения, открыла совершенно новый канал плодотворных наблюдений, в классификации и изучении естественных факторов преступности.

В своем "Исследовании преступности во Франции" (1881) я расположил в трех естественных порядках весь ряд причин, ведущих к преступности, которые до этого были указаны фрагментарно и неполно.

[12] Бентам в своем "Введении в принципы морали и законодательства" перечисляет следующие обстоятельства, которые необходимо учитывать в законодательстве: темперамент, здоровье, сила, физические недостатки, культура, интеллектуальные способности, сила духа, склонности, представления о чести и религии, чувства симпатии и антипатии, безумие, экономические условия, пол, возраст, социальное положение, образование, профессия, климат, раса, правительство, религиозная профессия.

Ломброзо во втором издании своего "Криминала", который охватывает все разделы его классической работы, сделал лишь быстрое перечисление основных пунктов: раса, цивилизация, бедность, наследственность, возраст, пол, гражданское положение, профессия, образование, органические аномалии, ощущения, подражание. Морселли, рассматривая самоубийство, дал более полную классификацию причин, способствующих

его совершению: земные или природные влияния, этнические или демографические влияния, социальные влияния, биопсихические влияния.

Исходя из того, что человеческие поступки, честные или нечестные, социальные или антисоциальные, всегда являются результатом физио-психического организма человека, а также физической и социальной атмосферы, которая его окружает, я обратил внимание на *антропологические* или индивидуальные факторы преступности, *физические* факторы и *социальные* факторы.

Антропологические факторы, присущие отдельному преступнику, являются первым условием преступности; их можно разделить на три подкласса, в зависимости от того, как мы рассматриваем преступника - органически, физически или социально.

Органическая конституция преступника включает в себя все аномалии черепа, мозга, жизненно важных органов, чувствительности и рефлекторной деятельности, а также все телесные характеристики вместе взятые, такие как физиономия, татуировки и так далее.

Психическая конституция преступника включает в себя аномалии интеллекта и чувств, особенно нравственных, а также особенности криминальной письменности и сленга.

Личные характеристики преступника включают его чисто биологические условия, такие как раса, возраст, пол; биосоциальные условия, такие как гражданское состояние, профессия, место жительства, социальный ранг, образование, воспитание, которые до сих пор считались почти исключительной заботой уголовной статистики.

Физические факторы преступности - это климат, характер почвы, относительная продолжительность дня и ночи, времена года, средняя температура, метеорологические условия, сельскохозяйственные занятия.

Социальные факторы включают в себя плотность населения, общественное мнение, нравы и религию, семейные обстоятельства, систему образования, промышленные занятия, алкоголизм, экономические и политические условия, государственное управление, правосудие и полицию, а также в целом законодательные, гражданские и уголовные учреждения. <p 54>Здесь мы имеем множество скрытых причин, смешивающихся и сочетающихся во всех частях социального организма, которые обычно ускользают от внимания как теоретиков, так и практиков, криминологов и законодателей.

Эта классификация естественных факторов преступности, которая действительно была принята почти всеми криминальными антропологами и социологами, кажется мне более точной и полной, чем любая другая, которая была предложена.

В связи с этой классификацией естественных факторов преступности необходимо сделать два заключительных замечания относительно практических результатов, которые могут быть получены в борьбе за справедливые законы и против их нарушения.

Во-первых, в связи с "открытием неожиданной связи между различными силами природы, которые ранее считались независимыми", мы должны сделать акцент на этом позитивном выводе, что мы не сможем найти адекватную причину ни для отдельного преступления, ни для совокупной преступности нации, если не примем во внимание все и каждый из различных природных факторов, которые мы можем изолировать в условиях необходимости наших исследований, но которые всегда действуют вместе в неразрывном союзе.

Ни одно преступление, кто бы его ни совершил и при каких бы обстоятельствах, не может быть объяснено иначе, как результат индивидуальной свободной воли или как естественное следствие природных причин. Поскольку первое из этих объяснений не имеет научной ценности, невозможно дать научное объяснение преступлению (или любому другому действию человека или животного), если оно не рассматривается как продукт определенной органической и психической конституции, действующей в определенной физической и социальной среде.

Поэтому далеко не точно утверждать, что позитивная криминальная школа сводит преступность к чисто и исключительно антропологическому феномену. На самом деле, эта школа всегда с самого начала утверждала, что преступление является следствием антропологических, физических и социальных условий, которые развивают его своим одновременным и нераздельным действием. И если исследования биологических условий были более обильными и более заметными по своей новизне, это никоим образом не противоречит фундаментальному выводу криминальной социологии.

Как бы то ни было, нам остается изучить относительное значение этих трех классов условий в естественной эволюции преступности.

Мне кажется, что этот вопрос обычно ставится неточно, а также что на него нельзя ответить абсолютно и в двух словах.

Обычно это утверждение неточно, потому что те, кто считает, например, что преступность есть не что иное, как чисто и исключительно социальное явление, в эволюции которого органические и психические аномалии преступника не играют никакой роли, игнорируют более или менее сознательно универсальную корреляцию природных сил и забывают, что в отношении любого явления невозможно установить абсолютный предел сети его причин, непосредственных и отдаленных, прямых и косвенных.

Ставить этот вопрос в произвольном смысле - все равно что спрашивать, является ли млекопитающее продуктом своих легких, или сердца, или желудка, или растительных компонентов, или атмосферы; в то время как каждое из этих условий, внутренних и внешних, необходимо для жизни животного.

В самом деле, если бы преступность была исключительно продуктом социальной среды, как можно было бы объяснить тот знакомый факт, что в одной и той же социальной среде и при одинаковых обстоятельствах бедности, заброшенности, отсутствия образования шестьдесят процентов не совершают преступлений, а из остальных сорока пять предпочитают самоубийство, пять сходят с ума, пять просто становятся нищими или бродягами, не представляющими опасности для общества, в то время как остальные двадцать пять действительно совершают преступления? А среди последних, в то время как одни не идут дальше кражи без насилия, почему другие совершают кражу с насилием и даже убивают свою жертву прямо, прежде чем она окажет сопротивление, или будет угрожать им, или звать на помощь, и это без какой-либо иной цели, кроме корысти?

Второстепенные различия социального положения, которые можно наблюдать даже среди членов одной семьи, гниющей в трущобах наших больших городов, или среди тех, кто окружен соблазнами денег, власти и т. п., сами по себе явно недостаточны, чтобы объяснить огромные различия в действиях, которые из них проистекают, - от честности при самом неблагоприятном стечении обстоятельств до самоубийства и убийства.

Поэтому вопрос должен быть задан в относительном смысле, и мы должны выяснить, какая из трех разновидностей естественных причин преступности имеет <р 57>большее или меньшее влияние в определении каждого конкретного преступления в любой данный момент индивидуальной и общественной жизни.

На этот вопрос нельзя дать четкого ответа общего характера, поскольку относительное влияние антропологических, физических и социальных условий варьируется в зависимости от психологических и социальных характеристик каждого преступления против закона.

Например, если мы рассмотрим три больших класса преступлений против личности, против собственности и против личной чистоты, то очевидно, что каждый класс определяющих причин, но особенно биологические и социальные условия, оказывают совершенно разное влияние на развитие убийства, кражи или непристойного нападения. И так происходит в каждой категории преступлений.

Неоспоримое влияние социальных, а тем более экономических условий на совершение кражи значительно уступает таковому в генезисе убийств и развратных действий. И точно так же в каждой категории преступлений влияние определяющих условий сильно варьируется в зависимости от особых форм преступления.

Некоторые случайные убийства, несомненно, являются результатом социальных условий (азартные игры, пьянство, общественное мнение и т. д.) в гораздо большей степени, чем убийства, которые в большинстве своем происходят от жестокости, от нравственной невосприимчивости людей или от их психопатологических состояний, соответствующих ненормальным органическим условиям.

Таким же образом, некоторые непристойные нападения, инцесты и т. д. в значительной степени являются результатом социальной среды, которая, обрекая ряд лиц на жизнь в трущобах без воздуха и света, с беспорядочными половыми связями между родителями и детьми, как это имеет место среди животных, уничтожает или умерщвляет все нормальное чувство скромности. С другой стороны, есть случаи изнасилования и т. п., которые в основном обусловлены биологическим состоянием человека, либо явными формами сексуальных заболеваний, либо, менее явными, но не менее реальными, биологическими аномалиями.

Что касается краж, то, хотя случайные простые кражи в значительной степени являются следствием социальных и экономических условий, это влияние становится слабее по сравнению с импульсами, обусловленными личностной конституцией, органической и психической, как, например, в случае краж с применением насилия, и особенно убийств с целью ограбления, которые так часто хладнокровно совершают негодяи из "мафиозной шпаны".

Это же наблюдение относится и к условиям физической среды. Например, если регулярный рост преступлений против собственности зимой (и, как я впервые показал на основе французской статистики, в годы, когда холод сильнее всего) является лишь косвенным результатом социального и экономического влияния температуры, то рост преступлений на почве страсти и непристойных нападений в месяцы и годы, когда температура выше всего, является лишь прямым эффектом температуры, даже для тех, кто по своим биологическим условиям оказывает самое слабое сопротивление этим влияниям.

Между тем, против выводов, которых я придерживался на протяжении многих лет, было выдвинуто последнее возражение.

Было сказано, что даже если мы признаем, что на определенные преступления и преступников наибольшее влияние оказывают физические и психические условия индивида, начиная от слабо выраженных аномалий антропологического характера и кончая наиболее выраженными патологическими состояниями, это не исключает возможности того, что преступление может быть обусловлено социальными условиями. В самом деле, говорят, что аномалии личности в свою очередь являются лишь следствием разлагающей социальной среды, которая обрекает свои жертвы на органическое и психическое вырождение.

Это возражение достаточно обоснованно, если рассматривать его в относительном смысле, но безосновательно, если настаивать на нем абсолютно.

Прежде всего, следует учитывать, что различия между причиной и следствием лишь относительны, ибо каждое следствие имеет свою причину, и *наоборот*^a; так что если убогость, материальная и моральная, является причиной дегенерации, то сама дегенерация, как и биологическая аномалия, является причиной убогости. И в этом смысле вопрос был бы просто метафизическим, как знаменитые византийские дискуссии о том, было ли изначально яйцо до курицы или курица до яйца.

И в самом деле, когда в отношении криминальной географии говорили, что масштабы и качество преступности в такой-то и такой-то провинции, вместо того чтобы быть следствием биологических условий (расы и т. д.) и физических условий (климата, почвы и т. д.), являются следствием социально-экономических условий (сельских и промышленных занятий и т. п.), я мог дать очень простой ответ. Ибо, даже не считая статистических доказательств, если социальные условия такой-то провинции, имеющие неоспоримое влияние, действительно являются абсолютной и исключительной причиной преступности, мы можем спросить, не являются ли сами эти социальные условия провинции следствием этнических качеств энергии, интеллекта и т. д. ее жителей, а также более или менее благоприятных условий климата и почвы.

Но можно также заметить, точнее, что даже помимо ярко выраженных и бросающихся в глаза патологических состояний, которые тем временем заявляют о себе среди биологических факторов преступности, существует очень большое количество таких случаев, в которых нельзя сказать, что биопсихические аномалии преступника являются следствием физически и морально отравленной среды.

В каждой семье, где есть несколько детей, мы находим (несмотря на одинаковое окружение и благоприятные условия, а также подходящие методы обучения и воспитания) индивидуумов, которые отличаются интеллектуально от колыбели; мы также находим, что в степени или в виде их таланта, те же самые индивидуумы также отличаются от колыбели в физической и моральной конституции. И хотя это явление может проявляться только в менее многочисленных случаях типов, которые заметно нормальны или ненормальны, оно не менее верно и в более многочисленных случаях обычных типов.

В связи с этим я могу заметить, что физические и социальные условия оказывают большее или меньшее влияние в той мере, в какой физическая и психическая конституция индивида более или менее здоровая и энергичная. <p 61>.

Таким образом, практический вывод из этих общих наблюдений о естественном генезисе преступности таков: Всякое преступление есть результат индивидуальных физических и социальных условий; и так как эти условия имеют более или менее преобладающее влияние на различные формы преступности, то наиболее верный и выгодный способ защиты,

который общество может использовать против преступности, имеет двойной характер, и оба способа должны быть использованы и приведены в действие одновременно: во-первых, улучшение социальных условий, как естественная профилактика преступности, в природе замены наказания; и, во-вторых, меры вечного или временного уничтожения преступников, в зависимости от того, насколько влияние биологических условий на развитие преступности является абсолютным, или более или менее значительным, и более или менее излечимым.

На самом деле, прослеживая периодические колебания преступности с ее размеренным ростом и снижением, мы не можем не прийти к выводу, что эти постоянные и постоянно происходящие колебания зависят от соответствующей вариации антропологических и физических факторов. И хотя уголовная статистика далека от той закономерности, о которой с большим преувеличением заявлял Кетеле, пропорциональные показатели влияния возраста, пола, профессии и т. д. на преступность демонстрируют весьма незначительные колебания из года в год. Что же касается физических факторов, то если заметные колебания и объяснимы в какой-то период, то, тем не менее, очевидно, что ни климат, ни характер почвы, ни атмосферные условия, ни времена года, ни температура в разные годы не могли претерпеть за последние полвека таких постоянных и повторяющихся колебаний, которые соответствовали бы тем волнам преступности, которые мы сейчас увидим почти во всех странах Европы.

Таким образом, именно социальным факторам мы должны в первую очередь приписать периодические колебания преступности. Ведь даже те изменения, которые можно обнаружить в некоторых антропологических факторах, таких как влияние возраста и пола на преступность, более или менее заметные вспышки антисоциальных и патологических тенденций, в свою очередь зависят от социальных факторов, таких как защита, предоставляемая брошенным младенцам, участие женщин во внедомашней, коммерческой и промышленной жизни, профилактические и репрессивные меры и т. п. И опять же, поскольку социальные факторы имеют особое значение в эпизодических преступлениях и преступлениях по приобретенной привычке, и поскольку это наиболее многочисленные разделы преступности в целом, очевидно, что периодическое движение преступности должно быть приписано в основном социальным факторам. Это настолько верно, что, как мы увидим в дальнейшем, самые тяжкие преступления, особенно против личности, именно потому, что они в основном свидетельствуют о врожденной преступности, следуют более устойчивому и регулярному движению, чем эти незначительные, но гораздо более частые преступления против собственности, общественного порядка и личности, имеющие более случайный характер, и что, как микробы преступного мира, они являются более прямым результатом социальной среды.

Поэтому еще одним аргументом в пользу экспериментальной школы является то, что она настаивает на этом социологическом аспекте проблемы преступности, показывая законодателям, вне рамок их карательных средств, столь же легких, сколь и иллюзорных, как они могут, насколько позволят обстоятельства, применить подлинно социальное средство борьбы с преступностью.

После этих предварительных замечаний настало время более пристально взглянуть на общую статистику движения преступности в Европе, насколько она может быть отражена в официальных цифрах.

Хотя у нас нет намерения предлагать свод сравнительных статистических данных, а только дать простое представление о периодическом движении преступности, эти данные, которые не позволяют легко сравнивать одну страну с другой, хотя они тесно связаны между собой,

насколько это касается каждой отдельной страны, достаточно, чтобы показать несколько фактов, имеющих значительное значение.

Наиболее заметным общим явлением в странах, включенных в этот список, является *устойчивость самых тяжелых форм преступлений наряду с постоянным ростом более мелких правонарушений*, особенно в странах, которые демонстрируют длинный ряд цифр, таких как Франция, Англия и Бельгия. Это происходит главным образом от постепенного накопления преступлений против специальных постановлений, которые постоянно добавляются к первоначальной основе уголовного кодекса; но это также является симптомом фактической трансформации в преступной деятельности века, откуда, благодаря постепенной замене преступлений против собственности в больших городах на преступления против личности в предыдущие века, мы имеем более широкое распространение вместе с более низкой степенью интенсивности. <p 64>.

Другая особенность, характерная для рассматриваемых стран, заключается в том, что в то время как более тяжкие преступления против собственности демонстрируют несколько заметное снижение, преступления против личности, напротив, отличаются большей стабильностью, либо регулярностью, как во Франции и Бельгии, либо ростом, как в Англии, и еще больше в Германии. Но это явление в случае преступлений против личности находится в фактическом соответствии с преступной деятельностью, возникающей в результате увеличения численности населения. С другой стороны, если не считать превращения насильственных преступлений в преступления ремесленные и мошеннические, вследствие увеличения движимого имущества, то уменьшение преступлений против собственности есть не более как явный эффект искусственного изменения судебной процедуры, когда суммарное судопроизводство заменяет суд присяжных.

В преступности разных стран наблюдается чередование, которое не отменяется отдельными исключениями, в периодическом движении преступлений и правонарушений против собственности и против личности, такого рода, что годы увеличения первых обычно отвечают уменьшению вторых, и *наоборот*<a^>. Основные факторы ежегодного роста краж, такие как дефицит и экстремальные погодные условия, вызывают соответствующее уменьшение насильственных нападений и телесных повреждений, убийств и непристойных нападений, и *наоборот*<a^>. С другой стороны, преступления против собственности, которые очень многочисленны, вносят наибольший вклад в общий объем ежегодной преступности; так что максимум 1880 года в Италии, а также во Франции, Бельгии и Австрии, особенно объясняется большой суровостью <p 65>зимы 1879-80 годов, которая в Италии совпала с сельскохозяйственным кризисом, подтвержденным очень высокой ценой на кукурузу. В то время как с 1881 по 1885 год наблюдались очень мягкие зимы с более обильными урожаями, а с 1886 года - более сильные холода и более острый экономический кризис.

Общая тенденция этих периодических колебаний преступности в Италии, как и в других европейских странах, все же больше направлена на рост, чем на снижение. Об этом также свидетельствуют пропорциональные трехлетние средние показатели преступлений и правонарушений, поставленных на учет, и лиц, осужденных к лишению свободы.

В динамике преступности в каждой стране необходимо отличать особые колебания, более или менее продолжительные, повышения или понижения, от ее общей и постоянной тенденции. Последняя определяется коренными условиями каждого народа, физическими и социальными, помимо чисто искусственного раздела проступков, вводимого новыми законами. Особые же колебания определяются ежегодными колебаниями того или иного

фактора более многочисленных правонарушений, то есть обилием или скудостью урожаев, ежегодными колебаниями температуры, промышленными и политическими кризисами и т. п.

Забвение этого заметного различия в сочетании с предрассудками научных школ и даже политических партий приводит к некоторым любопытным разногласиям и оживленным дискуссиям по поводу результатов уголовной статистики. Ибо, с одной стороны, сторонники классической школы ясно видят, что постоянный рост преступлений и правонарушений является доказательством того, что практические и теоретические системы наказаний, которые применялись до сих пор, разрушены, как это признавал Хольцендорф. А с другой стороны, рост преступлений отрицается или утверждается с целью поддержки или нападок на то или иное министерство. Ибо в парламентах, более чем где-либо еще, всегда существует глубоко укоренившийся и живучий предрассудок, своего рода социальная искусственность, которая заставляет людей думать, что состояние государств, моральное и экономическое, в основе своей определяется в гораздо большей степени действиями того или иного правительства, чем естественными факторами, которые в основном выше и вне правительств и политиков.

Именно поэтому в Италии в последнее время в научных изданиях, на заседаниях Центральной комиссии судебной статистики и даже в парламенте велись активные дискуссии о том, растет или снижается преступность.

Бельтрани-Скалия и Ломброзо почти одновременно обратили внимание на рост итальянской преступности, и их сменили различные приверженцы позитивной школы, такие как Ферри, Гарофало, Павия, Пуглизе, Гуиди, Борне, Барзилай и Росси, которые приводили доказательства того, что общая тенденция преступности в Италии - рост, и что снижение, наблюдавшееся после 1880 года, было просто преходящим колебанием; а после 1886 года они были обоснованы фактами.

С другой стороны, официальные отчеты уголовной статистики и большинство членов Центральной комиссии, проводя предложенное мною расследование итальянской преступности с 1873 года - поскольку до этой даты в Италии не существует уголовной статистики, за исключением 1853 и 1869-70 годов, - пришли к выводу о наличии тенденции к снижению преступности. Но их решение было основано на совершенно частичной точке зрения, которую они заняли в условиях полемической дискуссии. Они сравнили, по сути, только что завершившийся 1881-5 годы с 1880-м, и из этого естественно следовало, что после максимума у них наступило относительное снижение. И только это хитроумное сравнение давало видимость фактического подтверждения их оптимистическим утверждениям; ведь когда температура достигает сорока градусов, падение даже на полградуса очень важно. Особое внимание они уделили так называемой высокой преступности, которая рассматривается судами присяжных и действительно снижается, хотя и за счет чисто искусственного эффекта все более эффективных мер исправления. Но я всегда утверждал, и меня поддерживает господин Эттинген, что нельзя отделять преступления и правонарушения, рассматриваемые судами присяжных, от преступлений и правонарушений, рассматриваемых трибуналами, ибо между ними существует лишь разница в степени, как это очевидно в отношении краж, нападений и ранений, подделок и тому подобного.

Любопытно, что подобные иллюзии существовали во всех странах в силу тех же причин и предрассудков, о которых говорилось выше. Во Франции, например, мы часто видим, что хранители печатей, составляя отчеты по томам прекрасной и ценной серии уголовной статистики с 1826 года, время от времени отмечают эти колебательные сокращения и

рассматривают их как <p 68>признаки постоянной и общей тенденции, которую последующие годы всегда опровергали.

Во Франции с 1840 года ведется тот же спор, с теми же полемическими приемами, что и недавно в Италии, по вопросу о том, увеличилась или уменьшилась преступность. Дюфо, Б<e>ранжер, Беррзат де Сен-При и Легойт утверждали, что с 1826 года она уменьшилась, против истинного мнения де Метца, Дюпена, Шассана, Мезуара и Файе, последний из которых цитирует остальных в одном из своих сочинений по уголовной статистике, ныне незаслуженно забытом, хотя и изобилующем поразительными и глубокими наблюдениями.

Но, как и для Франции в те времена, так и для Италии сегодня, статистика последующих лет быстро доказала, что то, что официальный оптимизм и национальное самодовольство называли пессимизмом с нашей стороны, было лишь добросовестным выводом из прискорбных фактов, установленных в каждой стране влиянием цивилизации на преступность, которые я описал на предыдущих страницах.

После этих общих положений логично было бы проследить периодическое движение каждой ведущей категории преступлений и правонарушений в каждом районе страны; ведь не все преступления и не все районы из года в год идут одним и тем же путем. Но поскольку в рамках данной работы это исследование невозможно, мы можем перейти к общим цифрам по другим европейским странам.

ФРАНЦИЯ.

1826-8. 1895-7.

Полицейские правонарушения 100 391 |

Преступления 100 397 |

Преступления против личности 100 98 |за 61 год

" имущества 100 41 |

<p 69>

БЕЛЬГИЯ.

1850-2. 1883-5.

Судима исправительными трибуналами,

за преступления против личности за 36 лет

' имущества ... 100 162)

1840-2. 1883-5.

Судимые трибуналами за `` преступления `` 100 260l

Судимые по приговору ассизов, преступления против личности 100 65 W за 46 лет

" " имущества 100 2l)

АНГЛИЯ.

1857-9. 1884-6.

Судимые в порядке упрощенного судопроизводства, за преступления ... 100 176 в 30 лет.

1835-7. 1884-6.

Уголовные дела, против личности 100 143 }

' против имущества, и за выигрыш 55 лет.

обращение фальшивых денег ... тоже 55)

ИРЛАНДИЯ.

1864-6. 1886-8.

Судимые в общем порядке 100 95)

Преступления против личности 100 57 1 в 25 лет.

' имущество, и фальшивые деньги 52}

ПРУССИЯ.

1854-6. 1876-8.

Преступления и ` ` vols de bois ` ` -. 100 134 ~ за 25 лет.

Преступления и правонарушения 100 134

ГЕРМАНИЯ.

1882-4. 1885-7.

Преступления и проступки против общественного порядка 100 110

" " человек 100 116 через 6 лет.

" " имущество 100 95

АВСТРИЯ.

1867-9. 1884-6.

Заключенные, осужденные за преступления -. 100 122 1 за 20 лет.

" " преступлений ... 100 495

ИСПАНИЯ.

1883-4. 1886-7.

Судимых за преступления и проступки - 100 3 т. в 5 лет.

" правонарушения 100 113)

Наиболее постоянным общим фактом, показываемым этими данными, является во всех случаях очень заметное увеличение более мелких преступлений, наряду с постоянным или <р 70>легким уменьшением преступлений против личности, и большим уменьшением преступлений против собственности. Это наблюдается во Франции, Англии, Бельгии, в то время как в Австрии наблюдается рост как преступлений, так и правонарушений.

За общим фактом, однако, следует различать действительное и кажущееся.

С одной стороны, уменьшение числа более тяжких преступлений против собственности объясняется тем, что заключенные предпочитают быть приговоренными судом низшей инстанции, который во Франции отдан на усмотрение трибуналов, а в Бельгии законодательно установлен законами 1838 и 1848 годов, а в Англии законами 1856 и 1878 годов - это выбор более мягкого, но более определенного наказания мировых судей вместо рассмотрения дела судом присяжных. Действительно, преступления против личности, в которых меньше права выбора, не демонстрируют столь заметного снижения; и, соответственно, мы видим, что в Бельгии рост "исправленных" преступлений обусловлен в большей степени преступлениями против собственности (62 % за 36 лет), чем преступлениями против личности (9 %).

С другой стороны, рост более мелких правонарушений отчасти является следствием принятия специальных законов, которые постоянно создают новые нарушения, правонарушения или проступки. Для Франции можно упомянуть закон 1832 года об уклонении от надзора, закон 1844 года об игровых законах, закон 1857 года о ложном описании товаров для продажи, закон 1845 года о железнодорожных преступлениях, закон 1849 года о высылке беженцев, закон 1873 года о пьянстве и закон 1874 года о реквизиции лошадей. Статистические результаты этих законов и влияние растущего числа полицейских агентов я рассматривал в своей работе "Исследования преступности во Франции" (Рим, 1881); здесь же я добавлю лишь одно замечание. Если верно, как говорит мсье Жоли, что другие законы, принятые с 1826 года, погасили несколько правонарушений или, по крайней мере, уменьшили их частоту при менее строгих правилах, то верно и то, что новые правонарушения, созданные за последние полвека, показывают гораздо большее число, чем те, которые были погашены или стали менее легкими. Таким образом, среди 297 процентов прироста правонарушений, рассмотренных во Франции в период с 1826 по 1887 год, нельзя игнорировать элемент, связанный с законодательным созданием новых правонарушений.

Однако нельзя отрицать, что в отношении некоторых более частых преступлений мы имеем реальный и весьма заметный рост, не зависящий от каких-либо законодательных или статистических причин, вызывающих беспорядки.

Аналогичное наблюдение можно сделать и в отношении Англии. Там также увеличение на 76 процентов за тридцать лет количества правонарушений, рассматриваемых в порядке суммарного судопроизводства, частично объясняется новыми правонарушениями, созданными специальным законодательством, особенно Законом об образовании 1873 года, в соответствии с которым в 1878 году было зарегистрировано более сорока тысяч правонарушений, а в 1886 году - более шестидесяти пяти тысяч.

Что касается этой преступности в Англии (куда помимо реальных правонарушений включены некоторые нарушения, соответствующие полицейским нарушениям итальянского, французского, бельгийского и австрийского кодексов), то следует отметить, что рост в 76 процентов за тридцать лет объясняется скорее нарушениями, чем правонарушениями. И это устанавливает поразительную <p 72>разницу между вариациями правонарушений в Англии и во Франции.

Если мы проанализируем данные о правонарушениях, рассмотренных в порядке суммарного судопроизводства в Англии, мы обнаружим, что нарушения закона в отношении пьянства объясняют большую часть этого роста (с 82 196 в 1861 году до 183 221 в 1885 году и 165 139 в 1886 году). С другой стороны, преступления против личности (нападения) и против собственности (кражи, грабежи, злоумышленные преступления) не показали столь значительного роста.

Фактически, если мы сравним изменения в количестве нападений и краж во Франции и Англии, мы получим следующие цифры:-

АНГЛИЯ.

1861-3. 1879-81.

Заключенных судили в упрощенном порядке за нападения 100 102

То же за кражи, воровство и злонамеренные

... .. 100 110

ФРАНЦИЯ.

Дела, рассматриваемые трибуналами:

За нападение и ранение 100 134

За простую кражу 100 116

Таким образом, в Англии не только общая преступность, но и, особенно, более распространенные преступления против личности и против собственности демонстрируют меньший рост, чем тот, который был установлен за тот же период во Франции. Хотя мы не упускаем из виду больший рост преступлений против личности в Англии (совпадающий, конечно, с удвоением населения за пятьдесят пять лет), этот факт, как мне кажется, доказывает благотворное влияние английских организаций против некоторых социальных факторов, ведущих к преступности (таких, как забота о подростках, попечительство о бедных и т. д.), несмотря на большое развитие экономической деятельности, которая, несомненно, ни в чем не уступает французской. Эти цифры подкрепляют мои выводы о социальных факторах преступности и опровергают оптимистическую теорию Полетти.

Но фактическое участие каждой страны в общем росте преступности в Европе определяется другими причинами, не зависящими от искусственного влияния различных кодексов законов. И наиболее общей и постоянной из этих причин, во всех различных физических и социальных условиях, является ежегодный прирост населения, который, увеличивая плотность жителей каждой страны, умножает их материальные и правовые отношения друг к другу и, следовательно, объективные и субъективные составляющие преступности.

Взяв официальные итальянские данные, на которые также опирается М. Левассер, мы находим для периодов, соответствующих колебаниям преступности, следующие темпы роста населения различных стран. В Ирландии наблюдается сокращение, вызванное эмиграцией.

Увеличение.

Италия 22 104 789 человек в 1863 году - 30 947 306 человек в 1889 году 40 процентов.

" 27,165,553 в 1873-30,565,188 в 1888 12 "

Франция 31,858,937 в 1826-38,218,903 в 1887 20 процентов.

Бельгия 4,072,619 в 1840- 5,583,278 в 1885 44 "

Пруссия 21,046,984 в 1852-26,614,428 в 1878 26 "

Германия 45,717,000 в 1882-47,540,000 в 1887 4 "

Англия 13,896,797 в 1831-27,870,586 в 1886 101 "

" 20,066,224 в 1861-27,870,586 в 1886 39 "

Австрия 20,217,531 в 1869-23,070,688 в 1886 14 "

Ирландия 5,798,967 в 1861- 4,777,545 в 1888 дек. 17 "

Однако в отношении этого роста населения следует отметить, что, во-первых, он является фактором преступности только в той мере, в какой он не нейтрализуется, полностью или частично, другими влияниями, главным образом социальными, которые предотвращают преступность или делают ее менее серьезной. Во-вторых, неправильно просто сравнивать пропорциональные темпы роста населения с темпами роста преступности, как это сделал, например, М. Бодио, который заявил, что в Италии с 1873 по 1883 год "поскольку население выросло на 7,5 процента, преступность могла вырасти за это же время на 7,5 процента, и при этом нельзя сказать, что она действительно выросла". На самом деле, как заметил М. Росси, поскольку в Италии и почти во всех европейских государствах рост населения обусловлен

превышением числа рождений над числом смертей (поскольку эмиграция более многочисленна, чем иммиграция), очевидно, что, если ограничиться короткими периодами, пополнение населения детьми в возрасте до десяти или двенадцати лет не приводит к заметному росту преступности. С другой стороны, смертность должна быть вычтена из всех этапов человеческой жизни, но особенно из числа тех, кто может совершать и совершает преступления и правонарушения.

Поскольку в данном случае мы не можем вдаваться в подробности, я должен ограничиться изложением нескольких характерных фактов, проиллюстрированных на примере европейской преступности. Так, мы видим влияние великого голода 1846-7 годов на преступления против собственности во Франции и Бельгии; быстрые колебания преступности в Ирландии, свидетельствующие о нестабильности политических и социальных условий в стране; параллельные движения преступности во Франции и Пруссии. Мы видим, действительно, постоянное снижение преступности в период между 1860 и 1870 годами, за которым (после статистических нарушений ужасного 1870-1 года) последовал период серьезного и постоянного роста преступности, обусловленного социальными и экономическими условиями, о чем особенно свидетельствует рост бродяжничества и воровства с 1875 года.

Все эти общие факты доказывают тесную и тесную связь между преступностью и совокупностью ее различных составляющих. Таким образом, не прибегая к более детальному исследованию некоторых социальных факторов преступности, поддающихся статистическому перечислению, таких как увеличение численности полиции, изобилие или нехватка кукурузы и вина, распространение пьянства, семейные обстоятельства, увеличение личного имущества, возможность или невозможность разрешения споров, Торговые и промышленные кризисы, уровень заработной платы, изменение из года в год общих условий существования и т. д., совпадающие с развитием образования, поощрением бережливости и организацией благотворительности, мы должны теперь перейти к выводу из этих статистических данных наиболее важных выводов криминальной социологии.

<p 76> I.

Уголовная статистика показывает, что преступность растет в совокупности, с более или менее заметными колебаниями из года в год, поднимаясь или опускаясь в последовательных волнах. Таким образом, очевидно, что уровень преступности в любой год определяется различными условиями физической и социальной среды в сочетании с наследственными наклонностями и случайными импульсами индивида, подчиняясь закону, который я назвал, по аналогии с химическими явлениями, *законом криминального насыщения*.

Как в данном объеме воды при данной температуре мы находим раствор фиксированного количества любого химического вещества, ни атомом больше или меньше, так и в данной социальной среде, в определенных физических условиях индивида, мы находим совершение фиксированного количества преступлений.

Наше незнание многих физических и психических законов и бесчисленных фактических условий не позволит нам получить точное представление об этом уровне преступности. Но тем не менее он является необходимым и неизбежным результатом данной физической и социальной среды. Статистика показывает нам, что изменения этой среды всегда сопровождаются соответствующими и пропорциональными изменениями преступности. Например, во Франции (и это наблюдение можно отнести ко всем странам, которые

располагают обширной криминальной статистикой) количество преступлений против личности за шестьдесят два года изменилось незначительно. То же самое можно сказать об Англии и Бельгии, поскольку их особая среда также менее изменчива, <р 77>по той причине, что наследственные склонности и человеческие страсти не могут меняться глубоко или часто, за исключением исключительных изменений погоды или социальных условий. На самом деле, более серьезные колебания в отношении преступлений против личности во Франции происходили либо во время политических революций, либо в годы чрезмерной жары, либо исключительного изобилия мяса, зерна и вина. Об этом свидетельствует исключительный рост преступности с 1849 по 1852 год. Напротив, мелкие преступления против личности, которые носят более эпизодический характер, например, нападения и ранения, в основном, варьируются в своих годовых колебаниях в зависимости от обилия урожая вина, а в своих колебаниях от месяца к месяцу демонстрируют характерный рост в периоды сбора винограда, с июня по декабрь, несмотря на постоянное сокращение других преступлений и преступлений против личности.

С другой стороны, преступления против собственности, и еще больше преступлений против собственности, демонстрируют широкие колебания из-за изменчивости специальной среды, которая почти всегда находится в состоянии неустойчивого равновесия, как в периоды дефицита, коммерческих, финансовых и промышленных кризисов и так далее, в то время как они также подвержены влиянию физической среды. Преступления и правонарушения против собственности необычайно возрастают в самые суровые зимние сезоны и снижаются в более мягкие зимы.

И это соответствие между более общими, мощными и изменчивыми физическими и социальными факторами <р 78>преступности, а также ее более характерными проявлениями, такими как кражи, ранения и непристойные нападения, настолько постоянно и непосредственно, что, когда я изучал годовое движение преступности во Франции и замечал какие-то необычные колебания в преступлениях и правонарушениях, я предвидел, что в летописи года я найду упоминание о сельскохозяйственном или политическом кризисе, или об исключительной зиме или лете в записях о погоде. Таким образом, по одному столбцу таблицы уголовной статистики я мог реконструировать историческое состояние страны в его наиболее ярких чертах. Таким образом, психологический эксперимент еще раз подтвердил истинность закона криминальной насыщенности.

Не только это, но можно добавить, что, как в химии, сверх обычного насыщения, мы обнаруживаем, что повышенная температура жидкости приводит к исключительному сверхнасыщению, так и в криминальной социологии, помимо обычного насыщения, мы иногда знаем об избытке криминального насыщения, обусловленного исключительными условиями социальной среды.

Действительно, можно заметить не только то, что основная и типичная преступность имеет в зависимости от нее своего рода рефлекторную преступность, но и то, что увеличение числа более тяжких или более частых преступлений вызывает рост сопротивления и посягательств на стражей общественного порядка, а также лжесвидетельства, оскорбления, уклонение от надзора, побеги и тому подобное. Некоторые преступления и правонарушения также имеют дополняющие их проступки, которые, будучи последствиями, становятся, в свою очередь, причинами новых преступлений. Так, сокрытие и <р 79>покупка краденого возрастают одновременно с воровством; убийство и ранение приводят к незаконному ношению оружия; прелюбодеяние и оскорбительные выражения - к дуэлям и т. д.

Кроме того, существуют различные виды чрезмерной криминальной насыщенности, которые носят исключительный, а потому преходящий характер. Ирландия и Россия представляют нам яркие примеры политических и социальных преступлений, а также Америка во время предвыборных состязаний. Так, во Франции до и после 2 декабря 1851 года количество укрываемых преступников, которое ни в один из четырехлетних периодов с 1826 по 1887 год не превышало пятидесяти, в 1850-53 годах достигает 239. Так, во время голода 1847 года воровство зерна во Франции достигает сорока двух случаев за один год, в то время как за полвека оно едва достигает семидесяти пяти. Также известно, что в годы дефицита провизии или суровой зимы большое количество краж и мелких правонарушений совершается с единственной целью - обеспечить себе содержание в тюремных стенах. И в этой связи я наблюдал во Франции, что другие преступления против собственности уменьшаются во время голода по аналогичному психологическому мотиву, представляя собой своего рода статистический парадокс. Так, например, я обнаружил, что как оидиум и филлоксера эффективнее суровых наказаний снижают количество нападений и случаев незаконного нанесения ран, так и голод лучше самых крепких решеток или собак, которых держат на свободе в тюремных дворах, предотвращает побеги заключенных, которых в такие времена удерживает преимущество содержания за государственный счет.

По аналогичной причине в 1847 году, в голодный год, в то время как <р 80>все преступления и правонарушения против собственности необычайно возросли, только преступления кражи и злоупотребления доверием со стороны домашней прислуги показали характерное снижение, потому что эти лица были сдержаны страхом быть уволенными своими работодателями во время бедствия. Цифры таковы: -

ФРАНЦИЯ (ассизы). 1844. 1845. 1846. 1847.

Преступления против собственности ... 3,767 3,396 3,581 4,235

Нарушение доверия со стороны

домашней прислуги ... 136 128 168 104

Кражи, совершенные теми же лицами ... 1 001 874 924 896

М. В подтверждение моих слов Шоссинан добавляет, что во время экономических кризисов, таких как голод и высокие цены на зерно, количество случаев бегства от правосудия также уменьшается, * *ибо* "воры и бродяги предпочитают арест, чтобы избежать страданий, от которых они страдают за стенами тюрьмы".

Из этого закона криминального насыщения можно сделать два фундаментальных вывода криминальной социологии.

Первый заключается в том, что неверно утверждать механическую закономерность преступности, которая со времен Кетеле была сильно преувеличена. Слишком уж буквально настаивают на его знаменитом заявлении, что "бюджет преступности - это ежегодный налог, уплачиваемый с большей точностью, чем любой другой"; и что можно заранее рассчитать, сколько у нас будет убийц, отравителей и фальшивомонетчиков, потому что "преступления совершаются каждый год в одном и том же количестве, с одними и теми же наказаниями, в одних и тех же пропорциях". И постоянно можно встретить эхо статистиков, утверждающих, что "из года в год преступления против личности изменяются в пределах одного к двадцати пяти, а преступления против собственности - одного к пятидесяти"; или, опять же, что

существует "закон ограниченности преступлений, которые не изменяются более чем на один к десяти".

Это мнение, выдвинутое Кетеле и другими статистиками после исследования, ограниченного более серьезными преступлениями и очень коротким промежутком лет, уже опровергнуто, частично Мори и Ренишем, и более явно Абердаром, Майром, Месседалей и Минцлоффом.

В самом деле, если уровень преступности неизбежно определяется физической и социальной средой, как он может оставаться постоянным, несмотря на постоянные изменения, иногда очень значительные, этой самой среды? Что остается неизменным, так это пропорция между данной средой и количеством преступлений: это как раз и есть закон криминального насыщения. Но статистика преступности никогда не будет постоянной, подчиняющейся одному правилу из года в год. В ней будет присутствовать динамическая, но не статическая закономерность.

Таким образом, элемент фиксированности в криминальной социологии состоит в утверждении не фатальности или предопределенности человеческих действий, в том числе преступлений, а лишь их необходимой зависимости от естественных причин и, следовательно, возможности изменения последствий путем изменения активности этих причин. И, действительно, даже сам Кетеле признавал это, когда говорил: "Если мы изменим социальный порядок, то увидим немедленное изменение фактов, которые так постоянно воспроизводились". Статистики должны будут затем рассмотреть, были ли эти изменения полезными или вредными". Таким образом, эти исследования показывают, насколько <р 82>важной является миссия законодателя и насколько ответственен он в своей сфере за все явления социального порядка.

Второе следствие закона криминального насыщения, имеющее большое теоретическое значение, заключается в том, что наказания, которые до сих пор считались, за исключением нескольких платонических деклараций, наилучшим средством борьбы с преступностью, менее эффективны, чем предполагалось. Ведь преступления и правонарушения увеличиваются и уменьшаются под воздействием целого ряда других причин, которые далеко не всегда совпадают с наказаниями, легкомысленно выписываемыми законодателями и назначаемыми судьями.

История дает нам множество впечатляющих примеров.

Римская империя, когда общество впало в крайнее разложение, напоминающее многие симптомы нашей эпохи, тщетно издавала законы, по которым безбрачие, прелюбодеяние и кровосмешение - "venus prodigiosa" - карались "мечью меча и наказаниями высшей степени суровости". Дио Кассий (Hist. Rom.", lxxvi. 16) говорит, что в одном только городе Риме после закона Септимия Севера было три тысячи обвинений в прелюбодеянии. Но строгие законы против этих преступлений продолжали действовать до времен Юстиниана, что показывает, что преступления не были остановлены; и, как говорит Гиббон (Decline and Fall, ch. 44), скатинианский закон против "venus nefanda" пришел в упадок с течением времени и из-за множества преступников. Однако в наши дни, как и во Франции, мы видим, что есть те, кто противится безбрачию, не имея иного средства защиты, кроме закона, принятого с этой целью.

Со времен Средневековья растущая мягкость маньеристов привела к уменьшению числа кровавых преступлений, которые когда-то были столь многочисленны, что требовалось множество "трусов" и "миров", несмотря на суровые наказания предыдущих веков. А Дю Буа называл Сетта простым, потому что, приведя таблицу шокирующих наказаний в Германии

его времени (XV век), он удивлялся, что все эти муки и терзания не предотвратили роста преступлений.

Имперский Рим обманывал себя мыслью, что сможет искоренить христианство с помощью наказаний и пыток, которые, однако, лишь раздували пламя. Точно так же и католическая Европа надеялась уничтожить протестантизм с помощью мстительных преследований, но, как это всегда бывает, добилась обратного эффекта. Если реформатская вера не укоренилась в Италии, Франции и Испании, это следует объяснить психологическими причинами, присущими этим народам, независимо от кола и резни, ибо она не укоренилась даже тогда, когда религиозная вера была освобождена от оков. Это не мешает правительствам всех стран продолжать верить, что для того, чтобы остановить распространение определенных политических или социальных доктрин, нет ничего лучше, чем принять исключительные уголовные законы, забывая, что в случае с идеями и предрассудками, как и в случае с паром, сжатие увеличивает расширяющую силу.

Народное просвещение считает так называемые преступления магии и колдовства, хотя они выдерживали самые жестокие наказания древности и средневековья.

Богохульство, несмотря на отрезание носа, языка и губ, введенное уголовными законами и продолжавшееся во Франции от Людовика XI до Людовика XV, было очень распространено в средние века, являясь (как и колдовство, трансы и самосожжение) патологическим или ненормальным проявлением религиозного чувства, которое в те времена получило необычайное развитие. И привычка к богохульству уменьшилась под влиянием психологической и социальной эволюции наших дней, именно тогда, когда оно перестало быть наказуемым. Вернее, она сохранилась до сих пор, как в Тоскане, где тосканский уголовный кодекс (ст. 136), доживший до 31 декабря 1889 года, по-прежнему карал его пятью годами тюремного заключения. Иллюзия относительно эффективности наказания настолько глубоко укоренилась, что в 1875 году в Сенате было внесено предложение включить это наказание в новый итальянский уголовный кодекс. А в Мурсии, в Испании, недавно были восстановлены судебные процессы по обвинению в богохульстве.

Миттермайер заметил, что если в Англии и Шотландии случаев лжесвидетельства, лжесвидетельства и сопротивления власти гораздо меньше, чем в Ирландии и на континенте, то это в значительной степени объясняется национальным характером, который является одним из наследственных элементов как нормальной, так и ненормальной и преступной жизни.

Таким образом, даже без статистики мы можем убедиться, что преступления и наказания принадлежат к двум разным сферам; но когда статистика подтверждает учение истории, не остается никаких сомнений в очень слабом (я уже почти сказал - отсутствии какого-либо) сдерживающем влиянии наказаний на преступность.

Мы действительно можем получить убедительное доказательство из статистических данных, обратившись к прогрессу репрессий во Франции за шестьдесят лет, как я уже делал в своих "Исследованиях", ранее процитированных.

Когда мы говорим о подавлении преступности, мы должны прежде всего различать то, что обусловлено общим характером уголовного законодательства, более или менее сурового, и то, что обеспечивается применением судьями закона в его нынешнем виде. Если говорить о законодательстве, то рост преступности во Франции, конечно, нельзя объяснить смягчением наказания. Проведенные законодательные реформы, особенно в 1832 и 1863 годах, по общему пересмотру уголовного кодекса, в некоторой степени изменили наказания, но с

определенной целью и результатом, как показывают те же официальные данные уголовной статистики, усилить репрессивную силу закона, предусмотрев применение менее тяжких наказаний. Отвращение присяжных и судей к чрезмерным наказаниям и их предпочтение оправдательного приговора - это, действительно, психологический закон. Кроме того, хорошо известно, что если в Европе и существует уголовный кодекс, менее мягкий, чем все остальные, то это кодекс Франции, который является самым старым из ныне действующих и до сих пор сохраняет значительную часть военной суровости своего происхождения. К этому следует добавить, что за некоторые преступления, такие как изнасилования и непристойные нападения, число которых во Франции, тем не менее, постоянно растет, наказания были ужесточены несколькими последовательными постановлениями. То же самое можно сказать и о вымогательстве с угрозой разоблачения, которое происходит все чаще и чаще, как отмечает М. Жоли, несмотря на суровые наказания, предусмотренные законом 1863 г. <р 86>.

Таким образом, вопрос сводится к судебному пресечению, прогресс которого следует отметить за последние полвека, поскольку он, очевидно, оказывает наибольшее влияние на преступность. Законы, по сути, не имеют реальной силы, если они не применяются более или менее строго; ведь в социальных слоях, которые больше всего способствуют преступности, законы известны только по их практическому применению, которое также является единственной действительно защитной функцией, несущей в себе особое предупреждение повторения преступления осужденным лицом.

Поэтому аргументы юристов и законодателей не имеют особой ценности для криминального социолога, если они основаны исключительно на психологической иллюзии, что опасные классы беспокоятся о формировании уголовного кодекса, как это вполне могли бы делать более обученные и менее многочисленные классы. Опасные классы следят за приговорами судей и еще больше за исполнением этих приговоров, а не за статьями кодекса. В этой связи я не могу согласиться с прогнозом Гарофало о губительном влиянии отмены смертной казни в Италии на воображение народа; ведь ему хорошо известно, что, хотя она определена в различных статьях старого кодекса и в примерно шестидесяти приговорах каждый год, наказание смертью не приводилось в исполнение, что является существенным моментом, в течение последних пятнадцати лет.

Элементы, определяющие большую или меньшую суровость судебной репрессии, бывают двух видов: 1.

1. Отношение числа оправданных к общему числу осужденных.
2. Отношение числа самых суровых наказаний к общему числу осужденных. <р 87>.

Конечно, доля оправдательных приговоров не должна указывать на разницу в суровости репрессий как таковых, ведь осуждение или оправдание должно свидетельствовать лишь об уверенности или не уверенности в виновности, достаточности или недостаточности доказательств. Но, по сути, пропорциональное увеличение числа обвинительных приговоров отчасти свидетельствует о большей суровости судей, а еще больше - присяжных, которые проявляют ее, придавая значение несколько неубедительным доказательствам или слишком охотно признавая обстоятельства,отягчающие преступление. Это подтверждается и редкостью оправдательных приговоров по делам о контумации.

Из этих двух факторов первый, безусловно, более важен, поскольку, как гласит психологический закон, на человека в отношении наказания, как и в отношении любого другого вида страданий, больше влияет определенность, чем тяжесть его причинения. И

надо отдать должное теоретикам уголовного права классической школы, они неуклонно утверждали, что мягкое, но определенное наказание более действенно, чем то, которое, будучи суровым само по себе, дает большую надежду на его избежание. Тем не менее, несомненно, что они зашли слишком далеко, стремясь добиться чрезмерных смягчений и сокращений наказания, не прилагая усилий для обеспечения определенности путем реформирования процедуры и полицейского управления.

Снижение числа оправдательных приговоров очевидно и постоянно, как на присяжных заседаниях, так и в трибуналах, за исключением последнего четырехлетнего периода. Это, конечно, может свидетельствовать о более тщательном ведении дел судьями, но, несомненно, показывает <р 88>несомненную тенденцию к усилению суровости суда, которая, тем не менее, не остановила рост преступности.

ПРОЦЕНТ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ ВО ФРАНЦИИ. Судимые в судах присяжных. Трибуналы. Всего 1826-30 ... 39 ... 31 ... 32 1831-5 ... 42 ... 28 ... 30 1836-40 ... 35 ... 22 ... 23 1841-5 ... 32 ... 18 ... 19 1846-50 ... 36 ... 16 ... 17 1851-5 ... 28 ... 12 ... 13 1856-60 ... 24 ... 10 ... 7 1861-5 ... 24 ... 9 ... 6 1866 9 ... 23 ... 17 ... 8 1872-6 ... 20 ... 6 ... 6 1877 81 ... 23 ... 5 ... 6 1882-6 ... 27 ... 6 ... 6

ПРОЦЕНТ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ В АНГЛИИ. Уголовное судопроизводство. Судебные разбирательства. 1858 62 ... 25 ... 34 1863-7 ... 24 ... 31 1868-72 ... 26 ... 24 1873-7 ... 25 ... 21 1878-82 ... 24 ... 21 1883-7 ... 22 ... 20

Здесь также видно, что рост преступности в Англии, хотя и меньший, чем во Франции, не связан с ослаблением строгости суда из-за большего числа оправдательных приговоров. На самом деле их число постоянно уменьшалось, особенно в суммарных процессах, где как раз и проявляется наибольший рост преступности.

Переходя к другому фактору судебной репрессии, а именно к процентному соотношению лиц, приговоренных к более тяжким видам наказания, мы должны принять во внимание, среди дел присяжных во Франции, заключенных <р 89>приговоренных к смерти, каторге и одиночному заключению, исключая тех, кто приговорен к исправительным наказаниям (простое тюремное заключение и штрафы), а также молодых заключенных, отправленных в исправительные учреждения; а в отношении трибуналов мы должны взять процентное соотношение тех, кто приговорен к тюремному заключению, которое является самым серьезным наказанием, остальные же подвергаются штрафу, передаются родителям или отправляются в исправительные учреждения.

Осужденные по приговору суда Осужденные

ФРАНЦИЯ. ----- трибуналами
К смерти. К каторге. К тюремному заключению.

1826-30 ... 2.5 ... 58 ... 61

1831-5 ... 1.5 ... 42 ... 65

1836-407 ... 37 ... 65

1841-5 ... 1 ... 40 ... 61

1845-50 ... 1 ... 39 ... 62

1851-5 1.1 48 61

1856-60 1 49 61

1861-56 48 64

1866-95 47 68

1872-67 49 66

1877-817 50 66

1882-6 1 49 65

Эти цифры, если они и не показывают (как можно было бы предположить) столь значительного увеличения суровости, как в процентах оправдательных приговоров, все же доказывают, что репрессии не ослабли даже в отношении серьезности наказаний. С другой стороны, мы видим, что в делах присяжных, исключая первый период, до пересмотра 1832 года, в то время как смертная казнь показывает некоторое снижение (особенно благодаря законам 1832, 1848 и т. д., которые сократили количество дел, связанных со смертной казнью), хотя и сохраняется на определенном уровне с 1861 года, приговоры к каторге и одиночному заключению показывают постоянный рост со второго периода, и особенно с 1851 года.

Так и в трибуналах, за исключением нескольких колебаний, как в девятый период, наблюдается устойчивый рост репрессий.

И тот факт, что это увеличение соотношения более серьезных наказаний на самом деле свидетельствует о большей суровости судей, можно оспорить только на основании одновременного увеличения числа более серьезных преступлений и правонарушений. С другой стороны, мы отмечаем во Франции общее снижение преступлений против личности (за исключением посягательств на детей) и еще большее снижение преступлений против собственности.

Также наблюдается поразительное подтверждение в соответствующих оправдательных и обвинительных приговорах более серьезного характера. Мы видим, что количество более серьезных приговоров увеличивается именно тогда, когда количество оправдательных приговоров уменьшается (как в 4, 6, 7 и 10 периоды в ассизах, и 2, 5 и 8 периоды в трибуналах); в то время как в годы более частых оправдательных приговоров также уменьшается количество более серьезных наказаний, как в 5 и 8 периоды в ассизах. Иными словами, оба набора статистических данных фактически свидетельствуют о большей или меньшей суровости присяжных и судей.

Это более жесткое подавление демонстрируется, несмотря на постоянный рост смягчающих обстоятельств, которые выросли в ассизах с 50 % в 1833 году до 73 % в 1806 году, а в трибуналах - с 54 % в 1851 году до 65 % в 1886 году. Тем не менее, фактом является то, что количество дел, рассматриваемых по умолчанию на ассизах, постоянно уменьшалось <p>91>с 647 в год в 1826-30 гг. до 266 в 1882-6 гг.

По Италии мы имеем следующие цифры:

ПРЕТОРЫ. ТРИБУНАЛЫ. АССИЗЫ. ----- Приговоренные к тюремному заключению. Приговоренные к тюремному заключению Более легкое заключение. к смерти. пожизненное. временное. наказания 1874 21 79 1.2 5.6 65 28 5 22 80 1.3 6.5 63 29 6 23 81 1.3

6.1 66 27 7 24 82 1.5 7.2 66 25 8 25 85 1 7.6 67 25 9 25 - 1.2 6.3 67 25 1880 26 - 1.3 5.5 68 25 1 24 81
1.7 6.1 65 27 2 23 81 1.5 6 66 27 3 23 81 1.7 5.4 64 29 4 23 81 1.3 5.3 64 30 5 23 81 1.6 5.4 63 30 6 21
81 1.6 5.7 62 30 7 21 83 1.1 5.8 63 30 8 21 82 1.2 4.7 65 29

Таким образом, репрессии не ослабевали, за исключением последних лет, когда преторы приговаривали к пожизненной каторге.

Вывод, таким образом, остается прежним: судебные репрессии во Франции и Италии становятся все сильнее и сильнее, в то время как преступность растет все больше и больше.

В этом факте, опровергающем распространенное мнение о том, что суверенным средством борьбы с преступностью является большая строгость наказания, мы можем с полным основанием найти положительное доказательство того, что принятые до сих пор уголовные, законодательные и административные системы не достигли своей цели, которая не может быть ничем иным, как защитой общества от преступников.

Отныне мы должны искать, путем изучения фактов, лучшего направления для уголовного законодательства как функции общества, чтобы, путем наблюдения психологических и социологических законов, оно могло склоняться не к насильственной и всегда запоздалой реакции против уже развившейся преступности, а к устранению или отвлечению ее естественных факторов.

Этот фундаментальный вывод уголовной статистики настолько важен, что мы должны подтвердить его, добавив к статистическим данным общие законы биологии и социологии. Это тем более необходимо, что моя позиция в том виде, в котором она была изложена, подверглась некоторой критике.

Прежде всего, при сопоставлении общего результата преступности с разнообразным характером ее антропологических, физических и социальных факторов легко увидеть, что наказание может оказывать на нее лишь незначительное влияние. Наказание, в сущности, по своему особому действию как юридический сдерживающий фактор, действуя как психологический мотив, явно не сможет нейтрализовать постоянное и наследственное действие климата, обычаев, роста населения, сельскохозяйственного производства, экономических и политических кризисов, которые статистика неизменно выставляет как наиболее мощные факторы роста или снижения преступности.

По закону природы, силы не могут противоречить друг другу или нейтрализовать друг друга, если они не одного рода. Падение тела не может быть замедлено, изменено в направлении или ускорено, если на него не действует сила, однородная с силой тяжести. Так и наказание, как психологический мотив, может противостоять только психологическим факторам преступления, причем только случайным и умеренно энергичным факторам; ибо <р 93>очевидно, что оно не может, в качестве предварительного условия своего применения, устранить органические наследственные факторы, которые открыла нам криминальная антропология.

Наказание, которое провозглашается таким простым и мощным средством против всех факторов преступности, оказывается, таким образом, панацеей, чья сила намного ниже ее репутации.

Мы должны помнить о достаточно известном факте, который, однако, слишком часто забывается законодателями и криминалистами. Общество - это не однородная совокупность, а, напротив, организм, подобно любому животному организму, состоящий из тканей различной структуры и чувствительности. Каждое общество, с его

прогрессирующими и все более отличающимися друг от друга потребностями и занятиями, является продуктом объединения социальных классов, сильно различающихся по своим органическим и психическим характеристикам. Физическая конституция, привычки, настроения, идеи и тенденции одного социального слоя далеко не всегда совпадают с таковыми у других слоев. Здесь мы снова имеем, как сказал бы Спенсер, закон эволюции через переход от гомогенного к гетерогенному, от простого к сложному, или, говоря словами Ардиго, естественное формирование путем последовательных различий. Среди диких племен этого различия социальных слоев не существует, или оно гораздо менее выражено, чем в варварских обществах, и еще менее, чем в цивилизованных обществах.

Каждый школьный учитель, склонный к психологическому наблюдению, делит своих учеников на три класса. Есть класс трудолюбивых учеников с хорошим настроением, которые работают по собственному желанию, не требуя строгой дисциплины; класс невежд и лентяев (дегенератов и слабых нервных сил), от которых ни мягкость, ни строгость не могут добиться ничего стоящего; и класс учеников, которые не являются ни полностью трудолюбивыми, ни полностью лентяями, и для которых дисциплина, основанная на психологических законах, может быть действительно полезной.

Так обстоит дело с большими группами солдат или заключенных, со всеми объединениями людей и с обществом в целом. Эти частичные организмы, благодаря постоянным отношениям более или менее общей жизни, являются в этом отношении воспроизведением общества в целом, подобно тому как осколок кристалла воспроизводит свойства нерасчлененного кристалла[13].

[13] Однако между проявлением активности группы людей и совокупного общества существует определенная разница. Между психологией, изучающей индивида, и социологией, изучающей общество, я думаю, есть место для *коллективной психологии*, для изучения более или менее определенных групп. Феномены этих групп аналогичны, но не идентичны феноменам социологического организма, как его правильно называть, в зависимости от того, насколько определенным является объединение. Коллективная психология имеет свое поле наблюдения во всех объединениях, пусть даже случайных, таких как общественные улицы, рынки, мастерские, театральные собрания, ассамблеи, колледжи, школы, казармы, тюрьмы и так далее. Можно привести множество практических применений данных коллективной психологии. Пример можно будет найти в одной из следующих глав, когда я буду рассматривать психологию присяжных.

Точно так же, с точки зрения криминальной социологии, мы можем разделить социальные слои на три аналогичные категории: высшая, не совершающая преступлений, органически правильная, сдерживаемая лишь авторитетом нравственного чувства, религиозных настроений и общественного мнения, а также наследственной передачей моральных привычек. Этот класс, для которого не нужен никакой уголовный кодекс, к сожалению, очень мал; и он будет еще меньше, если в дополнение к законной и явной преступности мы примем во внимание ту социальную и скрытую преступность, благодаря которой многие люди, праведные с точки зрения уголовного кодекса, не являются праведными с точки зрения морали.

Другой класс, самый низкий, состоит из людей, противных всякому чувству порядочности, которые, не имея образования, вечно влекомые своей материальной и моральной нищетой к примитивным формам грубой борьбы за существование, наследуют от своих родителей и передают своим детям ненормальную организацию, добавляя дегенерацию и болезни, атавистический возврат к дикарской человечности. Это питомник прирожденных

преступников, для которых наказания, в той мере, в какой они являются юридическими сдерживающими факторами, бесполезны, потому что они не сталкиваются с моральным чувством, которое могло бы отличить наказание по закону от риска, который также сопутствует каждой честной деятельности.

Наконец, мы имеем другой класс людей, которые не рождены для преступлений, но и не являются твердыми поборниками, чередующими порок и добродетель, с несовершенным нравственным чувством, воспитанием и образованием, для которых наказание может быть действительно полезным в качестве психологического мотива. Именно этот класс дает большой контингент случайных преступников, для которых наказания эффективны, если они направляются при их исполнении аксиомами научной психологии, и особенно если им помогает социальная профилактика, которая уменьшает количество возможностей совершения преступлений и правонарушений.

И снова я должен выразить свое согласие с М. Гарофало, который, рассматривая эту тему, <р 96> настаивает на необходимости различать различные классы преступников, прежде чем решать вопрос об эффективности наказаний.

Однако этот вывод о весьма ограниченной эффективности наказаний, который навязывается нам фактами и который, как говорил Бентам, подтверждается применением каждого карательного акта именно потому, что его предыдущее применение не помогло предотвратить преступление, прямо противоречит общему общественному мнению и даже мнению юристов и законодателей.

При зарождении или росте преступного проявления законодатели, юристы и общественность думают только о средствах, столь же легких, сколь и иллюзорных, об уголовном кодексе или о каком-нибудь новом законе о репрессиях. Даже если бы это было полезно, что весьма проблематично, это имеет неизбежный недостаток, заставляя людей игнорировать другие средства, гораздо более выгодные, хотя и более трудные, профилактического и социального характера. И эта тенденция настолько распространена, что многие из тех, кто обсуждал или принимал позитивное движение новой школы, вскоре после того, как они признали, что я был прав, импульсивно заявили, что "постоянное совершение преступлений происходит из-за отсутствия своевременных репрессий" и что "одной из главных причин роста преступности в Италии является мягкость наших наказаний". Или же они забыли задать себе элементарный вопрос криминальной социологии: обладают ли наказания реальной защитной силой и насколько. Именно так происходит с педагогами, которые пускаются в долгие рассуждения о различных методах и средствах воспитания, не задавая себе предварительно вопроса о том, обладает ли воспитание реальной силой изменять темперамент и характер, которые наследственность накладывает на каждого человека.

Эти выводы выводят нас далеко за пределы суровости наказания, и в то же время они достаточны для того, чтобы парировать возражение, обычно выдвигаемое против тех, кто, как и мы, считает, что репрессивное правосудие должно заботиться не о наказании за прошлые преступления, а о предотвращении будущих преступлений. Ибо в то время как сторонники строгости и те, кого я буду называть "лаксативистами", практически считают (за исключением нескольких платонических высказываний) наказания только средством исправления преступлений, мы, напротив, полагаем, что наказания - лишь второстепенные инструменты социальной самозащиты, а средства исправления должны быть адаптированы к фактическим факторам преступления. А поскольку социальные факторы наиболее

поддаются изменению, то мы вместе с Принсом говорим, что "для социальных зол нужны социальные лекарства".

М. Тарде, таким образом, был не совсем точен в своем замечании, что мое убеждение о незначительной эффективности наказаний является простым следствием моих представлений об антропологическом и физическом характере преступлений, и что, "напротив, преобладающее значение, которое он придает социальным причинам, логически не позволяет ему согласиться с этим выводом". На самом деле, наказание, рассматриваемое как психологический мотив, поскольку оно является юридическим сдерживающим фактором, и как физический мотив, поскольку оно подразумевает заключение осужденного в тюрьму, более естественно, с точки зрения абстрактной логики, относится к биологической и физической теории преступления. В то время как именно потому, что я признаю влияние социальной среды, экспериментальная логика убеждает меня в том, что наказание не является эффективным средством борьбы с преступностью, если заранее не приложены силы для нейтрализации или, во всяком случае, противодействия социальным факторам преступности.

И если это не новый вывод, как заметил один из наших критиков в порядке упрека, - как будто это не одно из свойств истины - упорно повторять себя, как бы ее ни забывали и ни возражали против нее, - мы должны, тем не менее, отметить, что теперь он повторяется с массой новых наблюдений и конкретных приложений, которые придают ему силу, неизвестную простым логическим умозаключениям.

Классическая школа занималась лишь смягчением наказания по сравнению со средневековой чрезмерностью; и по этой причине, поскольку у каждой эпохи своя миссия, она не могла также заниматься предупреждением преступлений, что гораздо полезнее и эффективнее. Несколько отдельных мыслителей, правда, написали несколько смелых и далеко идущих страниц о превентивных методах в противовес многочисленным томам о наказаниях; но их слова не оказали никакого влияния на криминалистов и законодателей, потому что наука еще не взялась за позитивное и методичное наблюдение за естественными факторами преступности.

Я ограничусь несколькими примерами, чтобы показать, что среди практических людей, как и среди государственных чиновников и законодателей, всегда преобладает иллюзия, что наказание является истинной панацеей от преступности. <p 99>.

Практичные люди заявляют, что "запретительный уголовный закон должен рассматриваться как первый и самый важный из превентивных законов". В своих циркулярах префекты, обеспокоенные ростом преступности, выдвигают в качестве суверенного средства самые бдительные и суровые репрессии. Советник Кассационного суда Франции пишет, что "в достойной системе социальной полиции нет лучшей гарантии порядка и безопасности, чем запугивание". Хранитель печати в своем отчете о французской уголовной статистике за 1876 год, говоря о продолжающемся росте числа непристойных нападений, приходит к выводу, что "в любом случае, только твердые и энергичные репрессии могут помочь в борьбе с прискорбным ростом преступлений против нравственности". А совсем недавно другой хранитель печати закончил свой отчет о статистике с 1826 по 1880 год замечанием, что "росту преступности можно противостоять только непрерывно энергичными репрессиями". М. Тарде согласился с этим выводом, заявив, что "если преступления, как уже было сказано, являются лишь железнодорожными авариями общества, движущегося на полной скорости, то не следует забывать, что чем быстрее поезд, тем сильнее должен быть тормоз... и

несомненно, что такое положение дел требует усиления или нового отхода от репрессий и наказаний".

Можно признать, что наш вывод не нов; но, как сказал Стюарт Милль, есть два способа осуществить полезные инновации: открыть то, что не было известно раньше, или же повторить с новыми демонстрациями забытые истины.

И эта иллюзия относительно влияния наказаний <р 100> настолько широко распространена, что хорошо бы поинтересоваться ее историческими и психологическими аргументами; ведь, как говорит Спенсер, чтобы решить, насколько ценна та или иная идея, полезно изучить ее генеалогию.

Мы можем пройти мимо основы первобытной мести, которая из эпохи частных поединков перешла в дух и форму самых ранних уголовных законов и до сих пор сохраняется в современном обществе в виде более или менее бессознательного и ослабленного остатка. Мы также можем пройти мимо наследственного влияния традиций средневековой суровости, которые возбуждают инстинктивную симпатию к суровому наказанию в связи с каждым преступлением.

Но одной из главных причин этой тенденции является ошибка психологической перспективы, в результате которой люди забыли о глубоких различиях в идеях, привычках и настроениях различных социальных слоев, о которых я говорил выше. По этой забывчивости честные и образованные люди путают свое собственное представление об уголовном законе и впечатление, которое он на них производит, с представлениями и впечатлениями социальных слоев, из которых рекрутируется большинство преступников. На это обращали внимание Беккариа, Карминьяни и Хольцендорф из классических криминалистов, а также Ломброзо и другие представители новой школы, изучавшие жаргон и литературу преступников, которые являются их психологическим зеркалом. Опять же, забывают, что для высших классов, помимо физического и морального отвращения к преступлению, которое является самой мощной отталкивающей силой, существует страх перед общественным мнением, почти неизвестный среди классов, которые <р 101>остановились на более низкой ступени человеческой эволюции.

Для высших классов достаточно одного примера. Это факт, отмеченный мистером Спенсером, что игорные долги и биржевые сделки неукоснительно исполняются, хотя для них не существует ни уголовных обязательств, ни письменных доказательств. К этому можно добавить, что тюремное заключение за долги никогда не способствовало выполнению контрактов, а его отмена не препятствовала этому.

Что касается низших классов, то для них достаточно одного визита в тюрьму. Там, если вы спросите заключенного, почему наказание не удержало его от преступления, вы, как правило, не получите ответа, потому что он никогда об этом не задумывался. Или же он отвечает, как это часто бывало со мной, что "если бы вы боялись навредить себе, когда шли на работу, вы бы отказались от работы". Именно таких чувств можно ожидать от представителей низших слоев общества, к которым честные чувства и идеи, которые для нас являются традиционными и органичными, приходят очень поздно - подобно тому, как мистер Стэнли заметил, что жители Центральной Африки только сейчас начинают использовать каменные орудия, которые в прошлые века использовались в Европе.

Еще одно заблуждение, способствующее укреплению доверия к наказаниям, заключается в том, что действие исключительных и суммарных законов рассматривается на той же основе, что и действие обычных кодексов, медленных и неопределенных в своей процедуре, которая

истощает всю их силу благодаря возможности иммунитета и промежутку между противоправным действием и его правовыми последствиями.

Ломброзо и Тарде, правда, привели мне исторические примеры энергичных и даже жестоких репрессий, с помощью которых удавалось искоренить некоторые эпидемические преступления. Но эти примеры не являются убедительными, поскольку я показал, что, как только эти исключительные репрессии прекращались, как, например, после смерти папы Сикста V, разбой и другие преступления упорно возобновлялись. Но моя главная реплика заключается в том, что эти исключительные репрессии зависят от *jus belli* и поэтому не могут входить в обычные и постоянные методы отправления наказания. Это может не иметь эффекта чрезвычайных репрессий, обеспеченных несколько беспринципной оперативностью, которая поражает невиновных и виновных одинаково; и, таким образом, невозможно рассматривать как равные или даже сравнивать влияние методов, которые по существу различны.

Еще одно ложное сравнение проводится между эффективной силой различных наказаний, и их потенциальные возможности смешиваются, в то время как необходимо отличать наказание письменного кодекса от наказания судьи, а тем более от наказания, приведенного в исполнение. На самом деле вполне естественно, что наказание должно в большей или меньшей степени пугать преступника, которого осудили и собираются осудить; но это ни в коем случае не доказывает его эффективность, которая должна была проявляться в угрозе закона, защищающего заключенного от преступления. Даже в случае со смертной казнью есть много случаев, когда осужденные, в силу врожденной невосприимчивости, цинично подчиняются ей. Более того, для тех, кто был охвачен ужасом, когда наступил момент казни, этот факт может свидетельствовать лишь о том, что <р 103>они так устроены, что полностью отдаются впечатлению момента, не имея сил сопротивляться ему. Другими словами, пока наказание было далеким и неопределенным, они не испытывали страха, но, всегда поддаваясь впечатлению момента, они поддавались преступному импульсу.

Что касается других наказаний, то известно, что карательные методы, даже если они не противоречат закону, как это иногда бывает в Италии, всегда менее суровы, чем это представляется простым людям, когда они читают кодексы и приговоры. А преступники, естественно, судят о наказаниях по собственному опыту, то есть в соответствии с их практическим применением, а не с более или менее откровенными угрозами законодателя.

Если к мстительному чувству, историческим традициям, забвению биопсихических различий социальных слоев, смешению исключительных законов и обычных наказаний, различной действенной силе наказания добавить настрой общественного сознания и естественную склонность криминалистов думать только о двух своих силлогистических символах - преступлении и наказании, - если к этому добавить покладистую мысль толпы, что внесение закона в свод законов является достаточным средством от социальных болезней, мы можем легко понять, почему эта преувеличенная и иллюзорная уверенность в наказании так настойчива и всплывает в каждой теоретической или практической дискуссии, несмотря на сильное опровержение, ежедневно предоставляемое фактами и психологическими наблюдениями.

Все действия человека, как и действия животных, развиваются между двумя противоположными полюсами удовольствия и боли, притяжением первого и отталкиванием второго. И наказание, которое является одной из социальных форм боли, всегда является прямым мотивом в поведении человека, а также косвенным проводником, в силу того, что оно является санкцией справедливости, бессознательно укрепляя уважение к закону. Но все

же эта психологическая истина, хотя и демонстрирует естественный характер наказания и вытекающую отсюда абсурдность его отмены как абсолютно неэффективного, не разрушает нашего вывода о малой эффективности наказания как противодействия преступлению.

Достаточно провести различие между наказанием естественным и наказанием социальным, чтобы увидеть, как действительно великая сила естественного наказания почти полностью исчезает в наказании социальном, которое во всех наших системах является лишь жалкой карикатурой.

Немая, но неумолимая реакция природы на каждое действие, нарушающее ее законы, и тяжкие последствия, которые неизбежно следуют для человека, нарушившего их, представляют собой репрессии самого действенного рода, в которых каждый человек, особенно в первые годы своей жизни, получает ежедневные и никогда не забываемые уроки. Это дисциплина естественных последствий, которая является подлинным методом воспитания, давно отмеченным Руссо и развитым Спенсером и Бейном.

Но в этой естественной и спонтанной форме наказание черпает всю свою силу из неизбежного характера последствий. И это одно из немногих наблюдений практической психологии, которое было сделано и повторено классическими исследователями преступлений, что в наказании, и особенно в наказании смертью, уверенность более действенна, чем суровость. И я добавлю, что даже небольшая неопределенность отнимает у боли, которой мы боимся, большую часть ее отталкивающей силы, тогда как даже большая неопределенность не уничтожает притягательности удовольствия, на которое мы надеемся.

Итак, здесь мы имеем главную и мощную причину малой эффективности правовых наказаний, заключающуюся в представлении множества шансов на побег. Во-первых, это шанс остаться незамеченным, который является самой мощной пружиной любого задуманного преступления: затем шанс, в случае обнаружения, что доказательства будут недостаточно вескими, что судьи окажутся милосердными или будут обмануты, что приговор может быть предотвращен среди хитросплетений судебного процесса, что милосердие может либо отменить, либо смягчить приговор. Таково множество психологических причин, которые, вступая в противоречие с естественным страхом перед неприятными последствиями, ослабляют отталкивающую силу законного наказания, в то время как естественному наказанию они неизвестны.

Существует также еще одно психологическое условие, которое, подрывая даже силу естественного наказания, почти полностью уничтожает силу социального наказания; и это - импровизация. Мы видим, что даже самые определенные естественные последствия оказываются под угрозой и теряют большую часть своей силы, чтобы защитить импровизированного человека от противоестественных и опасных действий. Теперь, что касается законного наказания, даже помимо страстного порыва, известно, что преступники, случайные и другие, особенно импровизационны, как и дикари и дети. Эта слабость достаточно заметна в низших и менее образованных классах, но среди преступников она является подлинной характеристикой психологической немощи.

Так вот, в то время как очень незначительная сила достаточна для того, чтобы производить очень большие и постоянные эффекты, когда она действует в гармонии с естественными тенденциями и окружающей средой, каждый процесс, с другой стороны, который противостоит естественным тенденциям человека или не следует им в точности, встречает сопротивление, которое в конце концов побеждает.

Повседневная жизнь дает нам множество примеров. Студент университета, играя в азартные игры, рискует на одну карту последним остатком своего содержания и готовит себе тысячу лишений. Шахтеры и рабочие опасных профессий отказываются от предостережения при виде товарищей, которых они видели умирающими или неоднократно пораженными болезнью. М. Деспин рассказывает, что во время холеры 1866 года в Бильбао некоторые имитировали болезнь, чтобы получить благотворительную помощь, хотя в нескольких случаях наступила смерть. М. Файе в своем очерке о статистике обвиняемых во Франции за двадцать лет отметил, что особую и пропорционально большую преступность проявляли нотариусы и судебные исполнители, которые лучше других знали о наказаниях, установленных законом. А в статистике смертных приговоров в Ферраре за девять веков я обнаружил знаменательный факт: в одном и том же городе нотариусов казнили за подлог, часто через очень короткие промежутки времени. Это подтверждает истинность наблюдения, сделанного Монтескье и Беккариа, <p 107>против сдерживающей силы смертной казни, поскольку люди привыкают к этому зрелищу; это также подтверждается фактом, упомянутым мистером Робертсом, тюремным капелланом, и М. В<e'>renger, магистрат, что несколько осужденных ранее присутствовали на казнях, а также другой факт, упомянутый Despine и Angelucci, что в том же городе, а часто и в том же месте, где были приведены в исполнение смертные приговоры, убийства часто совершаются в тот же день.

Человек не меняет своей личности; и никакой уголовный кодекс, будь он мягким или суровым, не может изменить его естественных и непобедимых наклонностей, таких как склонность к удовольствиям и постоянная надежда на безнаказанность.

Заметим также, что, как говорил Милль, постоянная эффективность любой меры в сфере политики, экономики и управления всегда обратно пропорциональна ее силе и внезапности. Наказание же не выдерживает испытания даже этим социологическим законом, поскольку по своей сути оно является лишь примитивной реакцией силы на силу. Правда, как говорил Беккариа, классическая школа всегда стремилась сделать социальную реакцию на преступление менее жестокой; но этого недостаточно. В дальнейшем, если мы хотим приспособиться к психологическим и социологическим законам, развитие нашей защитной администрации должно быть направлено на то, чтобы сделать эту социальную реакцию менее прямой. Если борьба за существование всегда будет оставаться высшим законом живых существ, то вовсе не обязательно, чтобы она всегда развивалась в жестоких формах примитивного человечества. Напротив, один из результатов социального прогресса состоит в том, чтобы сделать борьбу за существование менее жестокой и менее прямой. <p 108>

Так и непрерывная борьба между обществом и преступниками, вместо того чтобы быть физической и социальной силой, непосредственно противостоящей физической индивидуальной силе, должна стать скорее косвенной системой психических сил. Уголовное право в обществе обладает теми же качествами, что и воспитание в семье и педагогика в школе. Во всех этих трех сферах когда-то господствовала идея укрощения человеческих страстей силой; розга была главенствующей. Со временем выяснилось, что это приводит к неожиданным результатам, таким как насилие и лицемерие, и тогда люди сочли нужным изменить свои наказания. Но в наши дни школьные учителя видят преимущество в том, чтобы полагаться исключительно на свободную игру тенденций и биопсихологические законы. Точно так же защитная функция общества, как говорил Романьози, вместо того чтобы быть физической и репрессивной системой, должна быть моральной и превентивной системой, основанной на естественных законах биологии, психологии и социологии.

Сила всегда является плохим средством для лечения. В Средние века, когда наказания были жестокими, преступления были такими же жестокими; и общество, деморализуя

соперничество со зверствами преступников, работало в порочном кругу. Теперь, в низших слоях общества, жестокий человек, часто прибегающий к насилию, в свою очередь часто становится жертвой насилия; так что среди преступников шрам является в некотором роде профессиональным отличием.

Подводя итог, можно сказать, что наша доктрина относительно эффективности наказаний не сводится, как утверждают некоторые критики, слишком скупые на аргументы, к абсолютному отрицанию, а скорее и особенно возражает против традиционного предрассудка, что наказания являются лучшими и наиболее эффективными средствами борьбы с преступностью.

Мы говорим следующее. Наказание само по себе, как средство подавления, имеет скорее отрицательное, чем положительное значение; не только потому, что оно не оказывает одинакового влияния на все антропологические типы преступников, но и потому, что его применение скорее предотвращает серьезные беды, к которым привела бы безнаказанность, чем превращает, как некоторые воображают, антисоциальное существо в социальное. Но безнаказанность приведет к деморализации народного сознания в отношении преступлений и правонарушений, к усилению глубокого недостатка предусмотрительности у преступников и к устранению нынешнего препятствия к новым преступлениям во время срока заключения.

То же самое касается и образования, модифицирующую силу которого принято преувеличивать. Воспитание, хотя и оказывает длительное влияние на детей и, следовательно, более эффективно, чем наказание, гораздо более полезно для устранения антисоциальных тенденций, зародыши которых есть у каждого из нас, чем для какого-либо предполагаемого создания социальных тенденций и сил, которые не были заложены с рождения.

Таким образом, хотя последствия безнаказанности и отсутствия воспитания серьезны и пагубны, это еще не доказывает, что наказание и воспитание в действительности оказывают такое положительное влияние, какое им обычно приписывают.

Именно на основании этой отрицательной, но реальной действенности наказаний, особенно во время их исполнения, мы, высоко оценивая смягчение карательной дисциплины, достигнутое классической школой, считаем, с другой стороны, что сокращение ими срока наказаний совершенно ошибочно и опасно. Мы признаем, что наказание не должно быть произвольной и бесчеловечной пыткой, и по этой причине мы не симпатизируем системе одиночного заключения, которая сейчас в моде у классических юристов и тюремных властей, именно потому, что она бесчеловечна, а также неразумна и неоправданно дорога.

Психологический абсурд и социальная опасность, которые, тем не менее, лежат в основе нового итальянского уголовного кодекса, заключаются в том, что наказание должно все больше и больше заключаться в кратковременной изоляции заключенного. Ведь если отбросить такие известные результаты коротких наказаний, как коррупция и рецидивизм, очевидно, что таким образом наказание лишается своего главного элемента - негативной эффективности против преступности, а также своего эффекта в предотвращении преступлений во время содержания преступника в тюрьме.

II.

Так как наказания, вместо того чтобы быть простой панацеей от преступности, какой их представляет себе народное мнение, поощряемое мнениями классических писателей о

преступности и законодателей, весьма ограничены в своем сдерживающем влиянии, то естественно, что криминальный социолог должен искать других средств социальной защиты в действительном изучении преступлений и их естественного происхождения.

Повседневный опыт семьи, школы, объединений мужчин и женщин, история общественной жизни учат нас, что для уменьшения опасности вспышек страсти полезнее брать их в зародыше и во фланг, чем встречать их, когда они набрали силу.

Бентам рассказывает, что в Англии задержки, вызванные сильно пьющими курьерами, которых часто штрафовали без всякого результата, были устранены путем объединения пассажирских перевозок с почтовой службой. Работодателям гораздо легче обеспечить индустрию и наиболее продуктивную работу, предлагая долю от полученной прибыли, чем систему штрафов. В немецких университетах академическая ревность и нетерпимость были в значительной степени преодолены путем оплаты профессоров пропорционально количеству их учеников, так что факультеты заинтересованы в привлечении и поощрении лучших профессоров, чтобы привлечь как можно больше студентов. Таким образом, активность и усердие профессоров, магистратов и чиновников будут стимулироваться, если их вознаграждение будет зависеть не только от автоматического теста на выслугу лет, но и от успехов, демонстрируемых публикациями, не отмененными приговорами, не отмененными решениями и т. п. Лучше регулировать беспокойство детей своевременными развлечениями, чем пытаться подавлять его, нанося вред их физическому и моральному здоровью. Так и в психушках и тюрьмах работа - лучшее средство поддержания порядка и дисциплины, чем цепи и кастрация. Короче говоря, мы добиваемся от людей большего, считаясь с их самоуважением и интересами, чем угрозами и сдерживанием <р 112>.

Если противодействие наказания неизбежно должно быть направлено против преступной деятельности, то все же более благоприятным для общественного порядка является предотвращение или уменьшение этой деятельности с помощью косвенной и более эффективной силы.

В экономической сфере было замечено, что, когда основной продукт выходит из строя, приходится прибегать к менее уважаемым заменителям, чтобы удовлетворить естественные потребности человечества. Так и в уголовной сфере, поскольку мы убедились на опыте, что наказания почти лишены сдерживающего эффекта, мы должны прибегнуть к наилучшим доступным заменителям для целей социальной защиты.

Эти методы косвенной защиты я называл *заменителями наказаний*. Но если заменители пищи, как правило, являются лишь вторичными продуктами, вводимыми во временное пользование, то заменители наказания должны стать главными инструментами функции социальной защиты, для которой наказания станут вторичными средствами, хотя и постоянными. Ведь в этой связи нельзя забывать о законе криминального насыщения, который в любой социальной среде делает неизбежным минимум преступлений в силу естественных факторов, неотделимых от индивидуального и социального несовершенства. Наказание в той или иной форме всегда будет для этого минимума крайним, хотя и не очень выгодным средством борьбы со вспышками преступной активности.

Эти заменители наказания, когда они однажды утвердятся в сознании и методах законодателей, благодаря преподаванию уголовной социологии, станут признанной формой лечения социальных факторов преступности. И они будут более возможны и практичны, чем та всеобщая социальная метаморфоза, прямая и бескомпромиссная, на которой настаивают великодушные, но нетерпеливые реформаторы, презирующие эти заменители как

паллиативы, потому что гуманитарный энтузиазм заставляет их забывать, что социальные организмы, как и животные, могут быть преобразованы лишь частично и постепенно.

Вкратце идея этих заменителей наказания сводится к следующему. Законодатель, наблюдая за истоками, условиями и последствиями индивидуальной и коллективной деятельности, приходит к признанию их психологических и социологических законов, благодаря чему он сможет овладеть многими факторами преступности, и особенно социальными, и тем самым обеспечить косвенное, но более определенное влияние на развитие преступности. Иными словами, во всех законодательных, политических, экономических, административных и уголовных механизмах, от величайших институтов до мельчайших деталей, социальный организм будет так отрегулирован, что человеческая активность, вместо того чтобы постоянно и бесприбыльно угрожать репрессиями, будет незаметно направлена в некриминальное русло, оставляя свободный простор для энергии и удовлетворения индивидуальных потребностей в условиях, наименее подверженных насильственным беспорядкам или случаям нарушения закона.

Именно эта фундаментальная идея о замене наказания показывает, насколько необходимо, чтобы социолог и законодатель имел такую подготовку в области биологии и психологии, на которой справедливо настаивал мистер Спенсер в своем "Введении в социальную науку". И именно фундаментальную идею, а не сами заменители, мы должны иметь в виду, если <p 114>хотим осознать их теоретическую и практическую ценность как части системы криминальной социологии.

Что касается эффективности тех или иных заменителей наказания, то я с готовностью признаю, по крайней мере, в некотором смысле, частичную критику, которой они подвергаются. За исключением тех, кто просто говорит, что не верит в использование альтернатив наказанию, и тех, кто ограничивается бесполезным вопросом о том, принадлежит ли эта теория криминологии или полицейской администрации, большинство криминальных социологов в настоящее время определенно приняли доктрину заменителей наказаний. Эта теория принимается не как абсолютная панацея от преступности, но, как я всегда говорил, в смысле сочетания мер, аналогичных уголовной репрессии; вместо того, чтобы доверять исключительно репрессии для защиты общества от преступности.

Давайте рассмотрим несколько примеров.

I. *В экономической сфере.* - Свободная торговля (за исключением временной необходимости защиты определенной обрабатывающей или сельскохозяйственной промышленности), предотвращая голод и исключительно высокие цены и налоги на продукты питания, устраняет многие преступления и правонарушения, особенно против собственности. - Неограниченная эмиграция является предохранительным клапаном, особенно для страны, в которой это явление, принимая большие размеры, уносит многих людей, которых легко подтолкнуть к преступлению из-за нищеты или их неуравновешенной энергии. Так, в Ирландии число рецидивистов уменьшилось не благодаря тюремной системе, а благодаря эмиграции, которая достигла сорока шести процентов освобожденных заключенных. В Италии также наблюдается снижение преступности с 1880 года, вызванное другими причинами, такими как мягкие зимы и обильные урожаи, а также значительным увеличением эмиграции. Контрабанда, которая веками сопротивлялась чрезвычайно суровым наказаниям, таким как отсечение руки и даже смерть, и которая все еще сопротивляется тюрьме и огнестрельному оружию налоговых инспекторов, подавляется снижением импортного тарифа, как показал М. Виллерм на примере Франции. Таким образом, повседневные факты оправдывают систему Адама Смита, который говорил, что закон,

наказывающий контрабанду после создания соблазна и усиливающий наказание, когда он усиливает соблазн, противоречит всякой справедливости; в то время как Бентам, напротив, отступая от своей максимы, что наказания следует бояться сильнее, чем влечет преступление, призывал к суровому пресечению контрабанды. Система налогообложения, которая затрагивает богатство и видимые ресурсы, а не предметы первой необходимости, и которая пропорциональна доходу налогоплательщика, уменьшает систематические мошенничества, которые никакое наказание не в состоянии остановить, а также отменяет произвольные и преувеличенные фискальные традиции, которые были причиной восстаний и возмущений". Фактически, Фрэнк описывает преступные отрасли, которые возникают благодаря *octrois* и которые исчезнут с отменой этих абсурдных и несправедливых пошлин. И в то время как М. Аллар доказывал, что снижение налогов на предметы первой необходимости окажет благотворное влияние не только на экономику, но и на коммерческие махинации, отчет о французской уголовной статистике за 1872 год спокойно продолжал призывать к более жесткому пресечению таких махинаций. На это М. Мерсье ответил, что если не устранить причину, то есть непропорциональные налоги, то невозможно будет предотвратить последствия. Облегчение налогообложения до минимума, необходимого для существования, предотвращение конфискаций и последующее уменьшение мелкой собственности, что означает увеличение числа бедных, устранит многие преступления, как мы видим из аграрных условий в Ирландии. Таким образом, в Италии существует спрос на неотчуждаемость мелкой собственности, как в Америке в соответствии с законом об освобождении домовладений. - Общественные работы, во время голода и суровых зим, сдерживают рост преступлений против собственности, личности и общественного порядка. Например, во время нехватки в 1853-5 годах во Франции не было такого огромного роста краж, как во время голода 1847 года, только потому, что правительство организовало обширные работы по оказанию помощи в зимние месяцы.

Налоги и другие косвенные ограничения на производство и продажу алкоголя гораздо более эффективны, чем наши более или менее огромные тюрьмы. Вопрос о выраженном и хроническом пьянстве становится все более серьезным из-за его влияния на физическое и моральное здоровье людей.

Во Франции среднее потребление вина, оцениваемое в 62 литра (13,64 галлона) на голову в 1829 году, превысило 100 литров в 1869 году; а в Париже среднее потребление 120 литров в 1819-30 годах достигло 227 литров в 1881 году. Среднегодовое потребление алкоголя во Франции выросло с 0,93 в 1829 году до 3,24 в 1872 году и 3,9 в 1885 году, причем в некоторых городах этот показатель был еще выше. Общий объем производства алкоголя во Франции (95 процентов которого потребляется в виде напитков) вырос с 479 680 гектолитров в 1843 году до 1 309 565 в 1879 году и 2 004 000 в 1887 году. Одновременно мы видели, что во Франции увеличилось количество преступлений и правонарушений, в частности, число самоубийств возросло с 1 542 в 1829 году до 8 202 в 1887 году.

Более того, я показал с помощью специальной таблицы (*Archivio di Psichiatria*), что во Франции, несмотря на некоторые неизбежные колебания из года в год, существует явное соответствие между увеличением и уменьшением числа убийств, нападений и злостных ранений и более или менее обильным урожаем винограда, особенно в годы чрезвычайных колебаний, будь то неурожай (1853-5, 1859, 1867, 1873, 1878-80), сопровождавшийся заметным снижением преступности (нападения и ранения), или обильный урожай (1850, 1856-8, 1862-3, 1865, 1868, 1874-5), сопровождавшийся ростом преступности.

Я также первым показал, что в урожайные месяцы увеличивается число случайных преступлений и преступлений против личности, что объясняется той связью между выпивкой

и преступностью, которая уже была отмечена М. Пьеркеном и другими, и иллюстрируется газетными репортерами в дни, следующие за воскресеньями и праздниками.

Но если не считать их естественной вариации, связь между выпивкой и преступностью определенно установлена. Каждый день мы получаем подтверждение утверждению Мореля, что "алкоголизм породил деморализованный и огрубевший класс жалких существ, характеризующихся ранним разложением инстинктов и потворством самым аморальным и опасным поступкам". Бесплезно снова приводить здесь данные психопатологии и юридической медицины, или тюремной статистики, касающейся заключенных пьяниц, или кабацких потасовок как доказанных причин преступлений.

Тем не менее, факт остается фактом: причинно-следственная связь между пьянством и преступностью недавно была опровергнута с помощью аргументов, основанных на статистике. М. Таммео открыл дискуссию, заметив, что страны Европы и провинции Италии, отличающиеся наибольшим потреблением алкоголя, демонстрируют более низкие показатели по самым страшным преступлениям, связанным с насилием. Он придал своему замечанию относительную и ограниченную ценность, поскольку лишь отрицал, что злоупотребление спиртными напитками является самой активной причиной преступности. После него М. Фурнье де Фле, поддерживая то же положение с помощью тех же статистических аргументов и признавая, что "алкоголь - это особый бич для человека, который ему предается", все же заключил, что "алкоголизм - это не бич, который угрожает европейской расе". Он также повторил, что народы, потребляющие наибольшее количество алкоголя, отличаются меньшей частотой преступлений, особенно против личности. Наконец, М. Колаянни расширил то же предложение, используя статистические данные, так полно изложенные М. Куммером, и сделал еще более позитивный вывод, что "в отношениях, совпадениях и последовательности между алкоголизмом, преступностью и самоубийствами отсутствует постоянство, регулярность и универсальность, так что невозможно установить какую-либо статистическую связь причины и следствия между этими явлениями".

Минуя грубые ошибки фактов в брошюре М. Коладжанни, я лишь замечу, что эта позиция является чистым заблуждением в области статистической логики.

Если мы однажды признаем (а этого, к сожалению, нельзя отрицать) дурное влияние алкоголя на телесное и душевное здоровье, как в виде спиртных напитков, так и в виде вина - в связи с чем неверно говорить, что южные департаменты не являются потребителями алкоголя, - то нельзя утверждать, что алкоголь, который физически и морально вреден для отдельных людей, не вреден для наций, которые являются лишь совокупностью отдельных людей.

На статистические аргументы есть простой ответ. (1) Симметричное и постоянное совпадение цифр никогда не встречается ни в одном статистическом сборнике, поскольку во всем, что касается общества, неизбежно вмешательство индивидуальных, физических и социальных причин. (2) Отрицательный вывод из этих частичных и естественных расхождений (ведь в биологии и социологии особенно верно то, что каждое правило имеет свои исключения, обусловленные вмешательством причин) был бы оправдан только в том случае, если бы утверждалось, что алкоголизм является единственной и исключительной причиной преступности. Но поскольку этого никто никогда не утверждал, все статистические аргументы Фурнье и Колаянни основаны на заблуждении. И, к сожалению, они не разрушают причинно-следственную связь между пьянством и преступностью. Эта связь носит эпизодический характер: нападения, ранения и убийства при остром алкоголизме. При хроническом алкоголизме она привычна, как в преступлениях против собственности,

личности, нравственности, государственных служащих. И это несмотря на относительно низкие цифры, хотя и ниже, чем требуют факты, содержащиеся в общих заявлениях, помимо специальных и научных исследований алкоголизма как прямой и явной причины преступлений и самоубийств.

Еще в 1881 году я писал, что алкоголизм, прежде чем стать причиной, является следствием жалких социальных условий в бедных классах; и что к односторонней простоте экономических причин необходимо добавить некоторые биопсихические условия и условия физической среды, которые в значительной степени определяют географическое распространение спиртного алкоголизма (хронического и более серьезного, в северных странах и провинциях) и винного алкоголизма (острого и менее глубокого, в странах и провинциях юга).

Поэтому вполне естественно, что уже давно были приняты косвенные меры борьбы с алкоголизмом, такие как повышение налога на алкогольные напитки и снижение налога на полезные напитки, такие как кофе, чай и пиво; строгое ограничение количества лицензий; повышение ответственности владельцев лицензий перед законом, как в Америке; изгнание подвыпивших членов из рабочих обществ; обеспечение дешевых и полезных развлечений; проверка вин и спиртных напитков на фальсификацию; более организованные и объединенные общества воздержания; распространение трактатов о вредном воздействии алкоголя; отмена некоторых праздников, которые скорее способствуют деморализации, чем здоровью; отказ от обычая выплачивать зарплату в субботу; создание добровольных домов воздержания, как в Америке, Англии и Швейцарии.

Северная Америка, Англия, Швеция и Норвегия, Франция, Бельгия, Голландия и Швейцария применяли средства против пьянства (вплоть до государственной монополии на продажу напитков в Швейцарии), но с излишним рвением к государственным доходам, и под предлогом общественного здоровья, почти исключительно в виде пошлин на производство, распространение и потребление. Однако сами по себе эти пошлины совершенно недостаточны и даже могут нанести вред физическому и нравственному здоровью нации, повысить цены, привести к мошенничеству и фальсификации.

Уголовные законы против пьянства, к которым, естественно, прибегают во всех странах, далеко не всегда эффективны. До сих пор не существует системы прямых и косвенных мер борьбы с алкоголизмом, должным образом скоординированных, помимо налогообложения и наказания. И мы видим, как, например, во Франции, несмотря на репрессивный закон, введенный моим уважаемым другом сенатором Русселем (январь 1873 года), и несмотря на чрезвычайно высокие пошлины, которые были удвоены в 1872 и 1880 годах, алкоголизм продолжает существовать с ужасным и смертельным ростом. Так происходит, в большей или меньшей степени, во всех странах, несмотря на пошлины и наказания.

Нерегулярность заработной платы и обманчивая бодрость, которую придает первое обращение к алкоголю, бедность и чрезмерный труд рабочих классов, недостаток пищи, наследственные привычки и отсутствие эффективных профилактических мер - вот факторы, которые мешают рабочему человеку противостоять этому злу; и никакой фискальный или репрессивный закон, действующий только путем прямого принуждения, никогда не сможет парализовать эти естественные тенденции, которые можно ослабить только косвенными мерами <р 122>. С другой стороны, если вспомнить, что привычное опьянение, столь распространенное в средние века среди дворян и горожан, становится все менее и менее частым среди этих классов (чему способствует введение и быстрое распространение кофе

со времен Людовика XIV), то можно надеяться, что улучшение экономических, интеллектуальных и моральных условий среди населения постепенно приведет к изменению этой ужасной чумы пьянства, которую невозможно вылечить сразу.

Продолжая иллюстрацию заменителей наказаний, мы видим, что замена металлических денег бумажными уменьшает число фальшивомонетчиков, которые, напротив, раньше не поддавались пожизненному заключению. Фальшивые деньги легче обнаружить, чем фальшивую купюру. 14]- Торговцы деньгами и драгоценными камнями сделали больше, чем любое наказание, чтобы остановить преступление ростовщичества, как было показано на примере Испании после ее американских завоеваний; в то время как средние наказания никогда не предотвращали рецидив ростовщичества в той или иной форме. Народные и сельскохозяйственные кредитные банки, которые практически доступны всем, более эффективны против ростовщичества в наши дни, чем специальные репрессивные законы, вновь принятые в Германии и Австрии под влиянием старой иллюзии. - С уменьшением процентов по государственным фондам поток капитала был направлен в торговлю, производство и сельское хозяйство, что предотвратило застой, с <p 123>банкротствами, подделками, мошенничеством и т.д., Приведение заработной платы в соответствие с потребностями государственных служащих и общими экономическими условиями сдерживает волну коррупции и растрат, которые частично объяснялись их скрытой бедностью. Ограничение времени работы ответственных служб, от которых зависит безопасность общества, например, на железнодорожных станциях, гораздо полезнее для предотвращения несчастных случаев, чем бесполезное наказание виновных в непредумышленном убийстве. -Высотные дороги, железные дороги и трамваи рассеивают хищнические банды в сельских районах, так же как широкие улицы и просторные и просторные жилища, с общественным освещением и уничтожением трущоб, предотвращают грабежи с применением насилия, сокрытие украденных вещей и непристойные нападения. -Инспекция мастерских и сокращение времени для детского труда, с их надзором над замужними женщинами, могут быть сдерживающим фактором против непристойных нападений, которые не предотвращает каторга. -Дешевое жилье для рабочих и общие санитарные меры для домов как в городских, так и в сельских районах, при условии, что они не будут заполнены бедными семьями, способствуют физическому здоровью, а также предотвращают многие формы безнравственности. -Кооперативные и взаимные общества, общества обеспечения и страхования от старости, фонды для больных и немощных рабочих, ответственность работодателей за несчастные случаи во время работы, от машин или иным образом; народные сберегательные кассы, общества благотворительных организаций и тому подобное, предотвращают большое количество преступлений против собственности и личности гораздо лучше, чем уголовный кодекс. -Я утверждал в итальянском парламенте, что реформа религиозных благотворительных организаций, которые в Италии представляют собой фонды на сумму в два миллиарда, может привести к предотвращению преступлений. -Меры по борьбе с бездомностью и бродяжничеством, прежде всего в сельскохозяйственных колониях, как в Голландии, Бельгии, Германии и Австрии, были бы лучшей уголовной заменой очень частых преступлений, совершаемых бродягами. Таким образом, можно сделать вывод, что благоразумное социальное законодательство, не останавливаясь на поверхностных и пустяковых реформах, могло бы составить подлинный кодекс заменителей наказаний, который можно было бы использовать против массы преступных импульсов, порожденных жалкими условиями жизни самых многочисленных классов общества.

[14] Монетки и фальшивомонетки составляют .09% от общего числа осужденных во Франции и .04% в Бельгии; но в Италии они достигают .4%, вследствие большего обращения банкнот.

II. *В политической сфере* Для предотвращения политических преступлений, таких как убийства, восстания, заговоры, гражданские войны, произвольные репрессии и превентивные меры полиции бессильны; нет другого средства, кроме гармонии между правительством и национальными устремлениями. Ярким примером тому служит Италия, где под властью иностранцев ни эшафот, ни галеры не могли помешать политическим бесчинствам, которые исчезли с обретением национальной независимости. Так же было с Ирландией и Россией. Германия, полагавшая, что сможет искоренить социализм с помощью исключительных уголовных законов, обнаружила свою ошибку. Что касается так называемых преступлений в прессе (которые являются либо обычными преступлениями, совершаемыми с помощью прессы, либо вообще не являются преступлениями), то ничто, кроме свободы мнений, не может сделать нападения и провокации политического характера менее частыми. -Уважение к закону распространяется в нации благодаря примеру правящих классов и властей, постоянно уважающих права отдельных лиц и ассоциаций, гораздо лучше, чем полицейские и тюрьмы. -Избирательная реформа, приспособленная к условиям страны, является единственным средством против избирательных преступлений. -Также, в дополнение к уже указанным экономическим реформам, политические и парламентские реформы гораздо более полезны, чем уголовный кодекс, для предотвращения многих преступлений социального и политического характера, при условии, что между страной и ее законным представительством установлена более реальная гармония, и что последнее освобождено от поводов и форм, ведущих к его злоупотреблению, путем устранения технических вопросов от вредного политического влияния, и предоставления народу более прямой власти над государственными делами, включая *референдум*. -Наконец, та огромная масса преступлений, отдельных или эпидемических, порожденных неудовлетворенными потребностями и пренебрежением к отдельным частям страны, отличающимся по климату, расе, традициям, языку, обычаям и интересам, будет в значительной степени устранена, если мы откажемся от туманной глупости политической симметрии и бюрократической централизации, а вместо этого будем приспосабливать законы к особенностям соответствующих местностей. Национальное единство ни в коем случае не зависит от законодательного и административного единообразия, которое является лишь его нездоровым преувеличением. Действительно, неизбежно, что законы, которые в наше время представляют собой лишь способ контакта между самыми разнообразными моральными, социальными и экономическими условиями различных местностей, всегда должны быть неадекватны социальным потребностям - слишком ограниченными и медленными в действии для одной части страны, слишком широкими и преждевременными для другой части, подобно тому, как одежда среднего каторжника слишком длинна для тех, кто невысок, и слишком коротка для тех, кто высок. Административная федерация с политическим единством (*e pluribus unum*) предоставила бы нам совокупность заменителей наказаний, вернув каждой части социального организма ту свободу движения и развития, которая является универсальным законом биологии и социологии, ибо организм - это всего лишь федерация, слишком мало оцененная сторонниками искусственного единообразия, которое в итоге противоречит самому единству.

III. Развитие науки, создающее новые орудия преступления, такие как огнестрельное оружие, пресса, фотография, литография, новые яды, динамит, электричество, гипноз и т.д., рано или поздно дает и противоядие, более эффективное, чем уголовные репрессии: пресса, антропометрическая фотография заключенных, телеграфия, железные дороги - мощные

помощники в борьбе с преступностью.-Диссекция и прогресс токсикологии уменьшили количество случаев отравления; и опыт уже доказал, что "препарат Марша" сделал отравления мышьяком, когда-то столь распространенные, сравнительно редкими.-Схожий процесс недавно был предложен в качестве средства обнаружения в случаях подделки, поскольку, когда документы подвергаются воздействию паров йода, стертые или измененные надписи восстанавливаются.-Женщины-врачи уменьшат возможности безнравственности.-Свободное выражение мнения сделает больше для предотвращения возможных опасностей, чем судебные процессы более или менее скандального вида.- Пиратство, которое <р 127>не было искоренено наказаниями, которые теперь устарели, исчезает под воздействием парового судоходства.-Распространение мальтузианских идей предотвращает аборт и детоубийства. 15]-Систематическая бухгалтерия, благодаря своей ясности и простоте, предотвращает многие мошенничества и растраты, которые поощрялись старыми сложными методами.-Чеки, благодаря отсутствию необходимости часто передавать деньги, делают больше для предотвращения краж, чем могут сделать наказания.-Удостоверения, выдаваемые некоторыми банками своим клеркам, чья обязанность - засвидетельствовать подпись фактического должника, предотвращают подделку векселей. -Некоторые банкиры приняли практику мгновенного фотографирования каждого, кто предъявляет чеки на крупные суммы.-Сейфы, засовы и сигнальные колокольчики - отличная защита от воров. <р 128>В качестве профилактики убийств в железнодорожных вагонах было установлено, что сигналы тревоги и методы защиты дверей вагонов изнутри более эффективны, чем уголовные кодексы.

[15] Несомненно, во Франции, где общественное мнение слишком сильно озабочено проблемой депопуляции, могут возникнуть разногласия по этому вопросу. Я согласен с М. Вариньи (*La Théorie du Nombre, "Revue des Deux Mondes, Dec. 15, 1890*), что численность населения страны не является единственным или даже главным фактором. Помимо физических характеристик (расы), интеллектуальных и моральных качеств, а также продуктивности почвы, на которой живет М. Вариньи, мы должны принять во внимание, как мне кажется, непреложный закон, в силу которого борьба за существование, как среди людей, так и среди наций, постепенно становится менее острой и непосредственной. Война, которая у дикарей является повседневным делом, становится все более редкой и трудной. Разнообразное социальное и международное сознание цивилизованного человечества нельзя игнорировать, и оно должно учитываться как положительный фактор при рассмотрении судьбы наций. Люди продолжают говорить об опасностях войны (в которой количество играет большую роль, но не является исключительным элементом), как будто общественное сознание наших дней все еще остается таким же, как в Средние века. С другой стороны, в некоторых отношениях малочисленность населения Франции является одной из причин ее богатства, а значит, и могущества. Германия имеет более многочисленное, но и более бедное население. И я не верю, что действительная сила наций, от которой зависит их будущее, состоит в том, чтобы нагрузить народ оружием, ослабив его военными расходами, которые с 1880 года свидетельствуют о явной эпидемической мании на континенте Европы.

IV. В законодательной и административной сфере.- Мудрое завещательное законодательство предотвращает убийства из-за нетерпеливой жадности ближайших родственников, как во Франции в прежние времена, с помощью так называемого "порошка наследства".Закон, облегчающий получение согласия отца на брак детей (как предложил Гершель в своей "Теории вероятностей") в странах, где требуется согласие обоих родителей, а также за аффилиацию и нарушение обещания вступить в брак, с положением о внебрачных детях, является прекрасным средством против наложничества, детоубийства, абортов,

обнажения младенцев, непристойных нападений и убийств, совершаемых женщинами, брошенными после соблазнения. По этому поводу Бентам говорил, что сожительство, регулируемое гражданскими законами, будет менее пагубным, чем то, которое закон не признает, но не может предотвратить. - Дешевый и простой закон является профилактикой преступлений и правонарушений против общественного порядка, личности и собственности, как я уже говорил. - Древний итальянский институт защитника бедных, если заменить им нынешнюю иллюзорную помощь судов, предотвратил бы многие акты мести. Строгое и быстрое возмещение ущерба жертвам чужих преступлений, возложенное на государственного служащего, когда пострадавший не может прибегнуть к помощи закона; ибо, как я утверждал, с одобрения многих криминальных социологов, гражданская ответственность за преступления должна быть <р 129> таким же социальным обязательством, как и уголовная ответственность, а не просто частной заботой. - Упрощение закона предотвратило бы большое количество мошенничеств, правонарушений и т. д. Ибо, помимо метафизического и иронического утверждения, что незнание закона не оправдывает человека, несомненно, что наш лес кодексов, законов, указов, постановлений и т. д. приводит к бесконечным заблуждениям и ошибкам, а значит, к нарушениям и преступлениям. - Коммерческие законы о гражданской ответственности директоров, о процедуре банкротства и регистрации акционеров, об освобождении банкротов, о промышленных и других биржах сделали бы больше, чем каторга, для предотвращения мошеннического банкротства. - Суды чести, признанные и регулируемые законом, избавили бы от дуэлей, не прибегая к более или менее серьезным наказаниям. - Хорошо организованная система передачи дел предотвращает подлог и мошенничество, так же как регистрационные бюро почти упразднили подделку и отказ от детей, которые были так распространены в средневековые времена. Депутат Мишлен, чтобы воспрепятствовать двоеженству, предложил в 1886 году ввести в реестры рождений каждой коммуны специальную графу о гражданском состоянии каждого человека, чтобы каждый, кто собирается вступить в брак, должен был предъявить справку из этого реестра, и таким образом не смог бы скрыть предыдущий брак, который не был расторгнут из-за смерти или развода. - Форма обвинения из уст в уста в уголовном процессе предотвратила множество клеветы и ложных обвинений. - Приюты для отпрысков и сирот, или, что еще лучше, менее старомодные заменители, такие как больницы и домашний патронаж для молодых матерей, могли бы многое сделать для предотвращения детоубийств и аборт, которые не предотвращаются самым суровым наказанием. - Общества помощи заключенным, особенно молодым, могли бы быть полезны как заменители наказаний, хотя гораздо меньше, чем обычно утверждается, с большим количеством красноречия и малой практической работой. Против них всегда есть сильное возражение, что мы должны помогать рабочим, которые остаются честными, несмотря на свою нищету, перед теми, кто побывал в тюрьме; и опять же, вместо того, чтобы оказывать покровительство освобожденным заключенным без различия, многие из которых неисправимы, мы должны выбирать случайных преступников и преступников страсти, которые одни способны исправиться; и помогая им, мы должны избегать чего-либо похожего на полицейские формальности. На деле же оказывается, что даже в Англии, где эти общества наиболее активны, их вмешательство, как и вся прямая благотворительность, слишком отстают от потребностей тех, для кого необходимо обеспечение.

V. В сфере образования Доказано, что простое книжное образование, хотя оно и полезно для затруднения некоторых грубых мошенничеств, для расширения знаний о законах и, прежде всего, для уменьшения импровизации, столь характерной для случайных преступников, далеко не всегда является панацеей от преступности, которую люди представляли себе, когда находили в уголовной статистике большую долю неграмотных заключенных. Следует

также сказать, что школы, которые не подвергаются тщательному контролю, часто становятся рассадниками безнравственности. Поэтому необходимо полагаться на влияние более широкого образования, хотя оно и может быть ограниченным. Я имею в виду не механическое обучение моральным нормам, обращенное к интеллекту и не затрагивающее чувства, а примеры, которые дают всевозможные социальные институты, правительство и пресса, школа сцены и общественных развлечений. Было бы хорошо, однако, отменить некоторые вульгарные и чувственные развлечения и заменить их полезными забавами и упражнениями, общественными банями, за которыми должным образом следят и которые построены так, чтобы сделать невозможными частные встречи, дешевыми театрами и так далее. Таким образом, запрет жестоких зрелищ и подавление игорных домов являются прекрасными заменителями наказаний. -Экспериментальный метод в обучении детей, который применяет законы физиопсихологии в соответствии с физическим и моральным типом каждого ученика, и, давая ему меньше архаологии, и больше знаний, полезных в реальной жизни, с помощью умственной дисциплины естественных наук, которая одна может развить в нем чувство реального, такое, которое наши классические школы только ослабляют, будет лучше адаптировать людей к борьбе за существование, в то же время уменьшая число тех, кто остается без занятий, которые являются кандидатами на преступления. -Многие из причин преступности были бы пресечены в зародыше путем предотвращения дегенерации посредством физического воспитания молодежи, а также путем предотвращения деморализации посредством воспитания брошенных детей в таких учреждениях, как работные дома, школы для оборванцев и промышленные школы, так хорошо развитые в Англии, или, что еще лучше, путем интернирования детей, чтобы избежать чрезмерной скученности. -Один класс побуждений к преступлению <p 132> был бы устранен ограничениями, наложенными на скандальные издания, которые касаются исключительно преступлений, не имея другой цели, кроме как торговать самыми грубыми страстями, и которым разрешено существовать в соответствии с абстрактной концепцией свободы, за исключением того, что ответственные проводники наказываются, когда зло уже совершено. -Точно так же следует ограничить право на вход в полицейские суды и судилища, где наши женщины толкаются друг с другом, как римские женщины времен упадка, чтобы присутствовать на представлениях императорского цирка, и где наши молодые люди и наши закоренелые преступники получают уроки искусства совершать преступления с большей ловкостью и осторожностью.

Приведенные мною примеры, которые можно было бы умножить на превентивный кодекс, столь же длинный, как и уголовный, доказывают, насколько велика роль социальных факторов в генезисе преступности, особенно эпизодической. Но они еще более ясно доказывают, что законодатель, изменяя эти причины, может влиять на развитие преступности в пределах, налагаемых конкуренцией других антропологических и физических факторов. Поэтому Кетеле был прав, когда сказал в этой связи: "Поскольку преступления, совершаемые каждый год, кажутся необходимостью нашей социальной организации, и их количество не может быть уменьшено, если причины, которыми они обусловлены, не могут быть изменены в превентивном смысле, законодатели должны признать эти причины и устранить их, насколько это возможно. Они должны формировать <p 133>бюджет преступности так же, как они формируют бюджет национальных доходов и расходов".

Тем не менее, следует помнить, что все это должно быть сделано помимо уголовного кодекса; ведь, как ни странно, история, статистика и непосредственное наблюдение за криминальными явлениями доказывают, что уголовные законы наименее эффективны в

предотвращении преступлений, в то время как самое сильное влияние оказывают законы экономического, политического и административного порядка.

В заключение следует сказать, что законодатель должен быть убежден научными наблюдениями, что социальные реформы гораздо более полезны, чем уголовный кодекс, для предотвращения наводнения преступности. Законодатель, на которого возложена обязанность сохранять здоровье общественного организма, должен подражать врачу, который сохраняет здоровье отдельного человека с помощью экспериментальной науки, прибегает как можно реже и только в крайних случаях к более насильственным методам хирургии, мало верит в проблематическую эффективность лекарств и полагается скорее на надежные процессы гигиенической науки. Только в этом случае он сможет избежать опасного заблуждения, всегда популярного и полного жизни, которое синьор Вакка, Хранитель Печати, выразил в таких словах: "Чем меньше мы прибегаем к превентивным мерам, тем более суровыми должны быть наши репрессии". Это все равно, что сказать: когда у выздоравливающего нет супа, чтобы восстановить силы, мы должны дать ему сильнодействующее лекарство.

Именно в этом вопросе становятся очевидными практические, а не чисто теоретические различия между позитивной и классической школами уголовного права. В то время как мы считаем, что социальные реформы <р 134>и другие меры, предложенные на основе изучения естественных факторов преступности, наиболее эффективны для предотвращения преступлений, законодатели, использующие *априорный* метод классической школы, уже много лет обсуждают предлагаемые уголовные кодексы, в то время как они позволяют преступности неуклонно прогрессировать. Это еще один случай *Dum Rom<ae> consulitur, Saguntum expugnatur*.

И когда законодатели обнаруживают, что их византийские рассуждения о "юридических сущностях" преступления и наказания нарушаются рецидивом преступности или серьезным проявлением какого-либо явления социальной патологии, то все, что они могут сделать в своем недоумении и изумлении, - это принять какой-нибудь новый репрессивный закон, который на мгновение заглушает крик общественного мнения и снова переводит дело из острой в хроническую фазу.

Позитивная теория заменителей наказаний, не считая конкретных примеров, направлена именно на то, чтобы привить законодателям умственную дисциплину и донести до них обязанность постоянного усиления социальной профилактики, какой бы трудной она ни была, прежде чем зло достигнет своего апогея и заставит их слишком поздно прибегнуть к курсу репрессий, который настолько же прост, насколько и ошибочен. Несомненно, даже в частной жизни досадно и трудно постоянно следовать правилам здоровья; и легче, если даже опаснее, забыть о них и, когда беда заявляет о себе, обратиться к лекарствам, которые слишком часто обманчивы; но именно недостаток предусмотрительности, как общественной, так и частной, так важно преодолеть. И как гигиеническая наука не была возможна ни как теория, ни как практика до тех пор, пока не появились экспериментальные наблюдения и физиопатология над причинами болезней, особенно эпидемических и инфекционных, вместе с открытиями М. Пастера, создавшего бактериологию; так и социальная гигиена против преступности была возможна только как теория и не будет таковой как практика, пока не распространятся факты биологии и криминальной социологии, касающиеся естественных причин преступлений, особенно эпизодических преступлений.

Главное - убедиться, что для социальной защиты от преступности, как и для нравственного возвышения масс людей, малейший прогресс в реформах, предупреждающих преступность, во сто крат полезнее и выгоднее, чем издание целого уголовного кодекса.

Когда министр вводит закон, например, о железных дорогах, таможенных пошлинах, заработной плате, налогообложении, компаниях, гражданских или торговых учреждениях, мало кто задумывается о том, какое влияние эти законы окажут на преступность нации, ибо считается, что в этом отношении уже достаточно сделано реформами уголовного кодекса. С другой стороны, в социальном организме, как и в отдельных людях, существует неизбежная, хотя и часто скрытая, солидарность между самыми отдаленными и разными частями.

Именно из этих законов социальной физиологии и патологии мы выводим понятие заменителей наказания, которое в то же время нельзя отделять от закона насыщения преступности. Ибо если верно, что, изменяя социальные факторы, мы можем влиять на развитие преступности и особенно эпизодической преступности, то верно, к сожалению, и то, что в каждой социальной среде всегда существует минимум <p 136>неизбежной преступности, обусловленной влиянием других факторов, биологических и физических. В противном случае мы могли бы легко впасть в противоположную и столь же ошибочную иллюзию, думая, что мы могли бы абсолютно подавить все преступления и правонарушения. Ведь легко прийти, с одной стороны, к эмпирической идее уголовного терроризма, а с другой - к поспешному и одностороннему выводу, что упразднение какого-то конкретного института избавит от его злоупотреблений. Дело в том, что мы должны прежде всего подумать, не является ли меньшим злом мириться с институтами, какими бы неудобными они ни были, и реформировать их, чем лишиться всех преимуществ, которые они дают. И прежде всего следует помнить, что как общество не может существовать без закона, так и закон не может существовать без преступлений против закона. Борьба за существование может вестись как путем честной, экономической деятельности, так и путем нечестной, преступной. Вся проблема заключается в том, чтобы свести к минимуму более или менее преступные беспорядки и потрясения, не нарушая при этом "общественный порядок", среди безразличия или раболепия бездуховных людей, не прибегая к помощи полицейских и тюрем по каждому незначительному поводу.

Эти общие замечания о заменителях наказаний в связи с законом о насыщении преступности являются достаточным ответом на два главных возражения, выдвигаемых даже теми, кто согласен со мной в теории.

В сущности, утверждалось, что некоторые из перечисленных мною заменителей наказаний уже применялись, не предотвращая преступлений; и еще, что существуют некоторые институты, которые было бы абсурдно упразднять, поскольку устранение запрета устраняло бы и нарушение <p 137>.

Цель заменителей наказания состоит не в том, чтобы сделать невозможными все преступления и правонарушения, а лишь в том, чтобы сократить их число до наименьшего возможного в любой конкретной физической и социальной среде. Преступления, связанные с пиратством, существуют и по сей день, но использование пара в судоходстве, тем не менее, оказалось эффективнее всех уголовных кодексов. Убийства на железных дорогах случаются до сих пор, хотя и очень редко; но не менее верно и то, что замена железных дорог и трамваев на старые дилижансы и сценические кареты привела к сокращению разбоев на дорогах, как с убийствами, так и без них. Развод не устраняет убийство жены как следствие супружеской измены, но снижает его частоту. Точно так же, после защиты, предоставляемой

брошенным детям, мы не сможем закрыть трибуналы из-за отсутствия преступлений и правонарушений, но несомненно, что их количество значительно уменьшится.

Что касается второго возражения, то в отношении существующих институтов я осторожно сказал, что мы, естественно, должны рассмотреть, является ли зло, возникающее в результате их нарушения, или то, которое будет вызвано их подавлением, большим. Но мое главное утверждение заключается в том, что, реформировав эти институты, мы можем сделать больше для предотвращения преступлений, чем оставив их в том виде, в каком они существуют, или, в крайнем случае, предоставив им ошибочную защиту в виде одной или двух статей уголовного кодекса.

От себя добавлю критику теории заменителей наказаний, которая заключается в том, что их трудно применять. Стоит только подумать о том, какую огромную силу инерции привычек, традиций и интересов необходимо преодолеть, чтобы добиться применения не всех, а хотя бы одной из перечисленных мною замен. И некоторые из них не просты и не основаны на одном принципе, а представляют собой совокупность скоординированных реформ, таких как предотвращение пьянства, защита брошенных детей, доступность правосудия и так далее.

Но если законодатели должны учитывать реальные условия жизни людей и приспосабливаться к условиям времени и места, то дело науки - указать цель, какой бы далекой и труднодостижимой она ни была. Первое условие достижения законодательных и социальных реформ состоит в том, чтобы они заранее запечатлелись в общественном сознании; а это невозможно, если наука, несмотря на преходящие трудности, не будет решительно открывать дорогу, по которой нужно идти, без всякого компромисса с эклектизмом, который означает для науки то же, что гибридизм для органической жизни.

Можно привести еще два принципиальных возражения против сказанного. Первое заключается в том, что эта система заменителей наказаний - всего лишь привычный процесс профилактики преступлений. Второе заключается в том, что криминалист не должен ею заниматься, поскольку профилактика - это лишь вопрос хорошего управления, не имеющий ничего общего с изучением преступлений и наказаний.

На второе возражение я отвечаю, что на важность принятия мер для предупреждения преступлений, конечно, обращали внимание, особенно со времен Монтескье и Беккариа, но это было только <р 139> путем платонических и изолированных деклараций, без такого систематического развития, которое могло бы дать им практическое применение, основанное на экспериментальных наблюдениях. Более того, эта профилактика всегда рассматривалась как вспомогательная по отношению к репрессиям, тогда как мы пришли к позитивному выводу, что профилактика, вместо того чтобы быть просто вторичной помощью, должна отныне стать основной защитной функцией общества, поскольку репрессии оказывают лишь ничтожное влияние на преступность.

Кроме того, важно заметить глубокое различие между обычной профилактикой и заменяющими ее мерами наказания; или, другими словами, между профилактикой, осуществляемой полицией, и профилактикой, осуществляемой обществом. Первая лишь стремится предотвратить преступление, когда его зародыш уже развит и активен, и почти всегда использует методы прямого принуждения, которые, будучи сами по себе репрессивными по своему характеру, часто оказываются неэффективными, даже если они не провоцируют новых преступлений. Социальная профилактика, напротив, начинается с изначальных источников преступности, воздействуя на ее биологические, физические и социальные факторы, методами, которые являются полностью косвенными и опираются на свободную игру психологических и социологических законов.

Наука, как и законотворчество, до сих пор слишком сильно зависела от предпочтения репрессий или, по крайней мере, административно-полицейской профилактики. "Были авторитетные труды и ученые фолианты, - говорит Эллеро, - в которых речь шла не только о наказании, но и о пытках; не было ни одного, посвященного предоставлению средств, альтернативных наказанию" <р 140>.

После общих замечаний Монтескье, Филанджери, Беккариа и совсем недавно Тиссо о влиянии религии, климата, почвы и формы правления на систему наказаний, а не на предупреждение преступлений, авторы, изучавшие предупреждение преступлений более широко, Авторами, которые изучали профилактику более широко и систематически (исключая криминальных социологов, которые в большей или меньшей степени придерживались позитивной точки зрения), являются Бентам, Романьози, Барбакови, Карминьяни, Эллеро, Ломброзо и несколько англичан, которые, не делая больших выводов из теории, внесли много практических предложений по профилактической реформе. Но даже эти авторы либо ограничиваются общими синтетическими соображениями, как Романьози и Карминьяни, либо, переходя к фактам и даже принимая идею социальной профилактики, слишком мало говорят о тех физиолого-психологических законах как естественных факторах преступности, которые только и могут дать метод регуляции человеческой деятельности. И, когда все было сказано и сделано, они придерживались наказания как главного метода профилактики.

Поэтому их учение и их предложения не имели никакого веса для законодателей, поскольку последние не были убеждены, как мог бы убедить их только криминальный социолог, что наказания далеко не обладают той сдерживающей силой, которую им обычно приписывают, и что преступление - это не результат свободной воли, а скорее естественное явление, которое может исчезнуть или уменьшиться только при устранении его естественных факторов.

Законодатели, со своей стороны, не только пренебрегли определенным учением этих авторов с более чем обычной проницательностью, но и неуклюже и ненаучно ввели в действие то, что <р 141>на самом деле является заменителями наказаний.

Таким образом, мы изучили данные уголовной статистики в их теоретическом и практическом соотношении с уголовной социологией и пришли к выводу, что, поскольку преступность - явление естественное, определяемое факторами трех видов, она подчиняется закону криминального насыщения, в соответствии с которым физическая и социальная среда, при содействии индивидуальных склонностей, наследственных или приобретенных, и случайных импульсов, обязательно определяет масштабы преступности в каждом возрасте и стране, как в количественном, так и в качественном отношении. Иными словами, на преступность нации в естественной сфере влияют биопсихические условия индивидов и их физическая среда, а в социальной сфере - экономические, политические, административные и гражданские условия законов, гораздо больше, чем уголовный кодекс.

Тем не менее исполнение наказания, хотя и является менее важной частью функции социальной защиты, которая должна осуществляться в гармонии с другими функциями общества, всегда является последним и неизбежным вспомогательным средством.

И это полностью согласуется с универсальным законом эволюции, в силу которого при изменении животных и социальных организмов предшествующие формы не устраняются полностью, а продолжают служить основой для последующих форм. Таким образом, если будущая эволюция социального управления защитой от преступности должна состоять в развитии примитивных форм прямого физического принуждения в более высокие формы

косвенной психической дисциплины человеческой деятельности, то это <р 142>не означает, что примитивные формы должны полностью исчезнуть, особенно в отношении самых тяжких преступлений, которые по биологическим и психологическим условиям тех, кто их совершает, возвращают нас к примитивным эпохам и формам индивидуального и социального насилия.

В заключение я модифицирую старое сравнение, которым часто злоупотребляют. Преступность сравнивали с бурным потоком, который необходимо заключить между дамбами наказаний, чтобы цивилизованное общество не ушло под воду. Я не отрицаю, что наказания являются дамбами для преступлений, но я утверждаю, что они не имеют большой силы и пользы. Все народы знают на печальном и хроническом опыте, что их дамбы не могут спасти их от наводнений; так и наша статистика учит нас, что наказания имеют лишь ничтожную силу против силы преступности, когда ее зародыши полностью развиты.

Но как от наводнений лучше всего защититься, соблюдая законы гидростатики и гидродинамики, загоняя древесину на берегах у истоков потока, а также выпрямляя или выкапывая грунт вдоль его русла и вблизи устья, так и для защиты от преступлений лучше всего соблюдать законы психологии и социологии и пользоваться социальными заменителями, которые гораздо эффективнее, чем целые арсеналы репрессивных мер.

ГЛАВА III.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ.

Данные криминальной антропологии и статистики, а также вытекающая из них позитивная теория ответственности, хотя и были систематизированы только позитивной школой, тем не менее, слишком постоянно находят свое подтверждение, чтобы не попасть в суды и парламенты.

Я уже говорил об уголовной юриспруденции в ее отношениях с криминальной социологией, а теперь могу привести несколько примеров более или менее прямого и явного влияния новых данных на уголовное законодательство.

Современные законодатели, находясь под смутным впечатлением статистических и биологических, этнографических и антропологических данных и все еще проникнутые старыми предрассудками о социальной и политической искусственности, поначалу впали в обычную законодательную манию, при которой каждое вновь наблюдаемое социальное явление, казалось, требовало особого закона, постановления или статьи в уголовном кодексе. Затем, как сказал Спенсер в одном из своих самых блестящих эссе, гражданин оказывается в неразрывной сети законов, указов, постановлений и кодексов, которые окружают его, поддерживают его, сковывают и связывают его, даже до его рождения и после его смерти. Ибо <р 143> <р 144>те, кого М. Бордье называет садовниками и трусмейкерами общества, забывая о естественном характере социальных явлений, представляют себе общество как пасту, которой повар может придать любую форму, какую пожелает, будь то пирог с корочкой, пельмень или пирожное.

Поэтому со всех сторон, бок о бок с догмой в классических науках о праве, экономике и политике, мы видим эмпиризм в самих законах. Именно поэтому практические недостатки и постоянное бессилие репрессий в уголовном правосудии являются наиболее красноречивыми аргументами экспериментальной школы, которая расширяет и укрепляет свои собственные теоретические выводы практическими реформами, которые она предлагает.

Первым примером влияния новых идей на уголовное законодательство может служить предложение, уже реализованное в уголовных законах Голландии, Италии и т.д., двух параллельных систем наказания в виде заключения под стражу - одной для более тяжких и опасных преступлений, а другой, "простого заключения", или *custodia honesta* (как первоклассного проступка), для правонарушений, невольных преступлений и преступлений, не вдохновленных низменными страстями.

Аналогичным образом, содержащееся в некоторых кодексах, как, например, в Испании, и в старом проекте уголовного кодекса Манчини в Италии, перечисление основных отягчающих и смягчающих обстоятельств, общих для всех преступлений и правонарушений, таких как предшествующее поведение обвиняемого, преступная или непростительная страсть, раскаяние и признание в совершении преступления, степень нанесенного ущерба и т. п., является лишь элементарной и эмпирической формой биологической и психологической классификации преступников <р 145>.

Таким образом, основание психушек для содержания невменяемых преступников, несмотря на то, что с них снимается моральная ответственность; все более энергичные, но часто слишком эмпирические меры против прогрессирующего роста рецидивов; предлагаемые репрессивные меры в качестве альтернативы коротким срокам заключения; реакция против преувеличений, связанных с камерным заключением, которое я считаю одним из отклонений XIX века, - все это явные доказательства более или менее явного и логичного влияния данных криминальной биологии и социологии на современное уголовное законодательство.

Эти практические реформы, которые, будучи привиты к старому стволу классических теорий преступления и наказания, являются просто произвольными и неуместными целесообразностями, на самом деле представляют собой, когда они логически согласованы и завершены, новую систему социальной защиты от преступности, которая основана на научных данных и индукциях позитивной школы, и которую нам необходимо проследить от ее основ.

I.

Прежде всего, хотя позитивные теории в значительной степени снижают практическое значение уголовного кодекса, они, однако, еще больше повышают значение уголовно-процессуальных норм, которые призваны обеспечить практическое и повседневное действие уголовных мер для защиты общества от преступников. Ибо, как я утверждал в итальянском парламенте, если уголовный кодекс - это кодекс для злодеев, то уголовно-процессуальный кодекс - это кодекс <р 146> для честных людей, которые предстают перед судом, но еще не признаны виновными.

Это тем более верно, что если в Италии возможны уголовные кодексы, в которых механизм психологического принуждения поставлен на платоническую платформу пенитенциарных систем, честно выписанных в своих симметричных положениях, но все еще не существующих, то в отношении уголовной процедуры это невозможно. Положения кодекса "Инструкции" должны быть обязательно исполнены судебной рутинной. Уголовный кодекс может остаться мертвой буквой, как, например, когда в нем говорится, что наказание в виде заключения должно применяться в тюрьмах, построенных с камерами; ибо, к счастью, камеры, необходимые в Италии для пятидесяти или шестидесяти тысяч заключенных (или во Франции для тридцати или сорока тысяч), слишком дороги, чтобы позволить соблюдение этих статей уголовного кодекса, которые, тем не менее, стоили стольких научных дискуссий о лучшей пенитенциарной системе: `` обернская `` , `` филадельфийская `` , `` ирландская ``

или ``прогрессивная``." В организации правосудия, с другой стороны, каждое правовое предписание имеет свое немедленное применение, и поэтому реформы процедуры дают немедленные и видимые результаты.

Можно добавить, что если незначительное сдерживающее влияние, которое может оказать наказание, зависит, при его адаптации к различным типам преступников, от уверенности и быстроты его применения, то остальные зависят исключительно от организации полиции и уголовного судопроизводства.

Минуя специальные и технические реформы, которых <р 147> даже классические специалисты по преступности требуют в процессуальных системах, и часто скорее от имени преступников, чем от имени общества, мы можем связать положительные нововведения в судопроизводстве с этими двумя общими принципами:-(1) равное признание прав и гарантий заключенного, подлежащего суду, и общества, которое его судит; и (2) законный приговор, целью которого является не определение неопределенной моральной виновности заключенного, не обезличенная применимость статьи уголовного кодекса к рассматриваемому преступлению, а применение закона, наиболее подходящего к преступнику, в соответствии с его более или менее антисоциальными характеристиками, как физиологическими, так и психологическими.

Начиная с Беккариа, уголовное право развивалось как реакция против чрезмерной и произвольной суровости Средневековья - реакция, которая привела к постепенному снижению наказаний. Точно так же официальная уголовная процедура в XIX веке была и остается реакцией против средневековых злоупотреблений инквизиторской системы, в смысле постепенного увеличения индивидуальных гарантий против господства общества.

Как в интересах социальной самозащиты в уголовном праве мы считали необходимым бороться с индивидуалистическими излишествами классической школы, так и в уголовном процессе, признавая незыблемые гарантии свободы личности, обеспеченные старой системой, мы считаем необходимым восстановить равновесие между индивидуальными и общественными правами, нарушенное <р 148>в результате многочисленных преувеличений классических теорий, как мы сейчас покажем на нескольких примерах.

Презумпция невиновности, а вместе с ней и более общее правило "in dubio pro reo", безусловно, основаны на фактической истине и, несомненно, обязательны в ходе судебного процесса. Невыявленные преступники, к счастью, составляют очень незначительное меньшинство по сравнению с честными людьми; и поэтому мы должны считать каждого человека, который предстает перед судом, невиновным, пока не будет доказано обратное.

Но когда доказательство обратного очевидно, как, например, в случае вопиющего преступления или признания, подтвержденного другими элементами судебного процесса, кажется, что презумпция должна прекратиться в виду абсолютного факта; и особенно когда мы имеем дело с закоренелыми преступниками.

Даже преступники этого класса, которых я допрашивал, признают презумпцию противоположного рода. "Они осудили меня, - сказал один закоренелый вор, - потому что знали, что я мог это сделать, без всяких доказательств; и они были правы. Вас никогда не осудят, потому что вы никогда не воровали; и если мы однажды окажемся невиновными, то это нужно сопоставить с другими случаями, когда мы не были обнаружены". Ироническая улыбка нескольких из этих заключенных, осужденных по косвенным уликам, напомнила мне о положении, которое когда-то было предложено в итальянском уголовном кодексе, согласно которому человек, застигнутый врасплох при попытке совершить преступление,

если неизвестно, какую именно форму приняло бы его преступление, должен был быть признан виновным в менее тяжком преступлении. Это может быть хорошо для случайного преступника <р 149>или преступника по страсти, но было бы абсурдно и опасно для закоренелых преступников и старых правонарушителей.

Преувеличения презумпции "in dubio pro reo" объясняются своего рода мумификацией и вырождением юридических максим, когда предложения, основанные на наблюдении и обобщении существующих фактов, остаются в силе и механически применяются после того, как факты изменились или перестали существовать.

Какая может быть причина для предоставления временной свободы до рассмотрения апелляции тому, кто уже признан виновным и подлежит наказанию за преступление или правонарушение по приговору суда первой инстанции? Презумпция невиновности каждого человека во время первого судебного разбирательства является разумной; но упорствовать в презумпции, которая была разрушена фактами, после первого осуждения, было бы непонятно, если бы это не было явно преувеличенным результатом классических и индивидуалистических теорий, которые могут видеть только "жертву власти" в каждом обвиняемом, а также в каждом осужденном.

Другой момент - оправдательный приговор при равенстве голосов, особенно если речь идет о прирожденных и закоренелых преступниках. Я думаю, что было бы гораздо разумнее восстановить вердикт "не доказано", который римляне принимали в форме "non liquet" в качестве альтернативы "absolvo" и "condemno" и который может выноситься присяжными в Шотландии. Каждый, кто предстал перед судом, имеет право на признание своей невиновности, если она действительно доказана. Если же доказательства остаются неполными, то единственное его право - не быть осужденным, <р 150>поскольку его виновность не доказана. Но общество не обязано объявлять его абсолютно невиновным, если остаются подозрительные обстоятельства. В этом случае единственным логичным и справедливым вердиктом будет "не доказано". Такой вердикт уничтожит тень сомнения, которая ложится на оправданных лиц из-за одинаковых вердиктов в случаях доказанной невиновности и недостаточности доказательств, а с другой стороны, он позволит избежать тенденции к компромиссу, при которой судьи и присяжные, вместо того чтобы оправдать при недостаточности доказательств, иногда предпочитают осудить, но сделать наказание более мягким.

Еще одним примером преувеличения презумпции невиновности являются правила, касающиеся противоречивых или неправильных приговоров, которые могут быть исправлены только после вынесения обвинительного приговора; в то время как если ошибка привела к оправданию обвиняемого, она не может быть исправлена. Здесь проявляется влияние индивидуалистической и классической школы, ведь, как говорит М. Мажно, "справедливость приговоров основывается в равной степени как на справедливых осуждениях, так и на справедливых оправданиях". Если человек имеет право требовать, чтобы его не осуждали по ошибке или невежеству его судей, то общество также имеет право требовать, чтобы на свободу не выходили те, чье оправдание в равной степени является результатом ошибки или невежества.

На том же основании равновесия между правами личности и правами общества, которое стремится восстановить позитивная школа, следует сказать и о положении, согласно которому, если апелляция подается осужденным, наказание не может быть усилено. Один классик, занимающий официальную должность, вообще не давал права на апелляцию.

Если же апелляция допускается с целью исправления возможных ошибок первоначальных судей, то почему мы должны допускать это исправление при смягчении, а не при усилении наказания? И к этому практическому заверению осужденного, что ему нечего бояться второго суда, которое, похоже, было дано ему с единственной целью - поощрить его к злоупотреблению властью, поскольку апелляции слишком часто являются лишь предлогом для затягивания процесса, добавлено право прокурора требовать повторного слушания, но только "в интересах закона и без ущерба для оправданного лица".

Последним примером такого же защитного регулирования для защиты злодеев являются новые судебные разбирательства, которые допускаются только в случаях, когда уже было вынесено осуждение, причем на произвольных и поверхностных основаниях. Большинство классиков процессуального права и не мечтают о возможности пересмотра дела в случае оправдательного приговора, и все же, как справедливо отмечает Майно, "даже если он нажил на лжесвидетельстве, подделке документов, запугивании или подкупе судьи или любом другом преступлении, оправданный спокойно наслаждается своим хвастовством и даже может похвастаться своей долей в деле, не опасаясь, что его снова отдадут под суд". Австрийский и немецкий процессуальные кодексы допускают пересмотр оправдательного приговора, и позитивное правило в этой связи должно состоять в том, что дело должно быть <р 152>пересмотрено, если приговор об осуждении или оправдании явно ошибочен.

Из того же принципа равенства гарантий отдельного преступника и честного общества вытекает необходимость большей строгости в возмещении ущерба жертвам преступлений. Вместо платонического возмещения ущерба, которое теперь добавляется ко всем видам наказаний, но почти всегда неэффективно, мы считаем, что должно быть заменено строгим обязательством, действие которого должно контролироваться государством, так же как и другое последствие преступления, которое называется наказанием. Я вернусь к этому, когда буду описывать контуры позитивной системы социальной защиты от преступников.

Позитивная школа, именно потому, что она стремится к равновесию между правами личности и общества, не довольствуется тем, что общество выступает против личности. Она также берет на себя роль индивида против общества.

Прежде всего, сами реформы, которые мы предлагаем для возмещения ущерба жертвам преступлений, рассматриваемого как социальная функция, а также для исполнения наказания, носят индивидуалистический характер. Индивидуализм классической школы, в сущности, даже не был полным; ведь гарантии, которые она предлагала, касались только отдельного преступника и не затрагивали его жертв, которые также являются отдельными людьми и гораздо более достойны сочувствия и защиты.

Но, помимо этого, мы можем указать на три реформы как на пример позитивных и разумных гарантий личности против злоупотреблений или недостатков <р 153>общественной власти. Две из этих реформ были выдвинуты и классической школой, но, как и приюты для умалишенных, альтернативы коротким срокам лишения свободы и т. д., они в целом остались недействительными, поскольку не согласуются с основной частью традиционной теории, и только в позитивной системе имеют органичную и действенную связь с данными криминальной социологии. Речь идет о реализации народного мнения, исправлении судебных ошибок, переводе различных наказуемых преступлений в разряд гражданских правонарушений.

Учреждение Министерства юстиции соответствует требованиям общей социологии, требующей разделения труда даже в коллективных организациях, и требованиям криминальной социологии, требующей специального и отдельного органа для выполнения

социальной функции защиты от преступности. В самом деле, она стала незаменимой в качестве необходимого судебного органа даже в таких странах, как Англия, которые еще не создали ее официально. Таким образом, не смешивая прокурора с судебным органом, мы видим необходимость придания этому ведомству более возвышенного характера и отдельной личности, с более сильными гарантиями независимости от исполнительной власти.

Тем не менее, деятельность Министерства юстиции в его нынешнем виде может быть неадекватной для защиты жертв преступлений, либо косвенно из-за недостаточного количества его сотрудников, либо напрямую, через функциональный недостаток, на котором настаивает М. Гнейст, "партийный дух или предрассудки в пользу правящих сил". Последним, действительно, несмотря на возражение М. Глейзера о невозможности давления со стороны правительства, нет необходимости давать специальные инструкции более или менее компромиссного характера, чтобы оказать особое влияние в каждом конкретном случае. Нет необходимости в чем-то, выходящем за рамки консервативного духа, присущего каждому государственному институту, или принципа власти, являющегося его особой формой, если не считать менее респектабельных мотивов заинтересованного подчинения тем, кто занимает должность и распоряжается продвижением по службе.

Поэтому при возбуждении уголовного дела полезно дополнить действия государственного обвинителя (но не подменять его) действиями частных лиц.

Уголовное преследование граждан может иметь две формы, в зависимости от того, возбуждается ли оно только потерпевшим лицом или каким-либо частным лицом.

Первый способ, уже допускаемый во всех цивилизованных странах, нуждается в различных поправках, особенно в отношении подчинения уголовного иска иску потерпевшего, которое должно быть ограничено и даже отменено. В самом деле, если до сих пор это право регулировалось законом только с учетом юридической и материальной тяжести преступления, то в будущем оно должно зависеть от извращенности преступника; ведь общество гораздо больше заинтересовано в защите от автора незначительного преступления, если он прирожденный преступник или преступник-лунатик, чем в защите от автора более серьезного преступления, если он случайный преступник или преступник по страсти. А необходимость возбуждения частного иска в отношении некоторых преступлений <р 155>является лишь источником злоупотреблений и деморализующих сделок между преступниками и пострадавшими.

С другой стороны, такое преследование гражданина, пострадавшего от преступления или правонарушения, должно иметь более эффективные гарантии, как для осуществления прав пострадавшего, так и против возможного пренебрежения или злоупотребления со стороны прокурора. Если, действительно, он обязан рассматривать каждое обвинение и иск, то он также является (в Италии и Франции, но не в Австрии или Германии, например) единственной инстанцией в отношении уголовных дел и, следовательно, в отношении уголовных приговоров.

В Италии из 264 038 дел, поступивших к прокурору в 1880 году, шесть процентов, или 16 058, были "занесены в протокол", или, другими словами, не получили продолжения; а в 1889 году из общего числа 271 279 дел 27 086, или десять процентов, остались нерасследованными. То есть за десять лет их число почти удвоилось.

Во Франции среднегодовое количество жалоб, обвинений и судебных процессов, которыми занимался прокурор, составило 114 181 в 1831-5 годах, 371 910 в 1876-80 годах и 459 319 в

1887 году. А нерассмотренных дел было 34 643, или тридцать процентов, в 1831-5 годах; 181 511, или сорок восемь процентов, в 1876-80 годах; и 239 061, или пятьдесят два процента, в 1887 году. Иными словами, за пятьдесят лет их фактическая и относительная численность почти удвоилась.

Возможно ли, чтобы за десять или даже за пятьдесят лет нравственные условия нации и ее склонность к возбуждению уголовных дел настолько изменились, что число дел, лишенных основания, <р 156>было почти удвоено? Несомненно, что в разных нациях и разных провинциях существует разная степень готовности выдвигать обвинения против нарушителей закона, а не мстить им лично. Но в одной и той же нации этот мстительный дух и эта готовность выдвигать обвинения не могут меняться так сильно и быстро, особенно в течение десяти лет, как в Италии; ведь устойчивость народных настроений - общеизвестный факт. Объяснение этому факту, который также объясняется тенденцией к сокращению статистического учета преступлений, следует искать скорее в склонностях чиновников министерства юстиции, которые гораздо более изменчивы.

Итак, почему гражданин, подавший заявление о том, что он считает преступлением или правонарушением, должен подчиняться решению прокурора, который разрешил его иск? Это соображение привело к субсидиарному уголовному преследованию, уже разрешенному в Германии и Австрии и включенному в проекты процессуальных кодексов Венгрии, Бельгии и Франции, которое является подлинной гарантией личности против социальной власти. Однако мы не должны обманывать себя относительно эффективности и частоты его применения, особенно в латинских странах, где не слишком развита индивидуальная инициатива.

Вторая форма частного обвинения - это "народное наказание", существовавшее в римском уголовном праве, которое, как можно заметить мимоходом, не так уж незначительно, как предполагала классическая школа. Утверждение М. Каррары, которое слишком часто повторяется, что "римляне, которые были гигантами в гражданском праве, являются свиньями в уголовном праве", на мой взгляд, не является верным. Действительно, римское уголовное право не было организовано в философскую систему; но оно демонстрирует удивительно практическое суждение римских юристов; и действительно, нельзя понять, почему они должны были потерять это чувство при рассмотрении преступлений и наказаний. С другой стороны, я склонен думать, что значение римского гражданского права преувеличено, и что дух этого свода законов проистекает из социальных и экономических условий, настолько отличающихся от наших, что мы не можем больше чувствовать себя обязанными подчиняться его тирании. Уголовное право римлян, однако, содержит несколько максим, основанных на неоспоримом здравом смысле, которые заслуживают спасения от забвения, на которое их обрек догматизм классической школы. В качестве примера можно привести народное наказание; различие между *dolus bonus* и *dolus malus*, которое относится к теории мотивов; акцент на намерениях, а не на их фактическом результате; закон *exceptio veritatis* в случаях клеветы, который в условиях фарисейства классической теории служит лишь для того, чтобы дать иммунитет плутам; наказание в виде двукратного или трехкратного возмещения за кражу вместо нескольких дней или недель в тюрьме; осуждение наиболее закоренелых преступников на рудники, вместо того чтобы предоставить им камеры, столь же удобные, сколь и неэффективные, - не считая того, что угар в рудниках и антисанитария в каторжных поселениях были бы менее пагубны, если бы их жертвами были наиболее опасные преступники, а не честные шахтеры и земледельцы.

Возвращаясь к популярному уголовному наказанию, следует отметить, что оно так часто отстаивается даже классической школой, что необходимо сказать еще одно слово по этому вопросу.

Гнейст, со своей особой точки зрения, предлагал ввести это действие в уголовный процесс, как против избирательных и печатных преступлений, преступлений против закона о публичных собраниях и ассоциациях, а также злоупотребления публичной властью. Но я считаю, что это действие было бы необходимой гарантией, в случае всех преступлений и правонарушений, для разумного и определенного регулирования прав личности и общества.

Другая реформа, направленная на более эффективное обеспечение прав личности, - это пересмотр судебных ошибок в интересах всех, кто несправедливо осужден или привлечен к ответственности. За такую реформу выступали и некоторые представители классической школы, но она, похоже, так и останется для них лишь благожелательным выражением мнения, ибо осуществить ее можно только путем сокращения тюремного заключения и более частого и строгого наложения штрафов, за что ратует позитивная школа.

Компенсация судебных ошибок, санкционированная в некоторых особых случаях как исключительная мера - например, в прошлом веке Тулузским парламентом, а в наш век - английским парламентом, - стала необходимой во Франции в конце XVIII века, после ряда несправедливых приговоров, даже смертных, которые заставили Вольтера и Беккариа потребовать отмены смертной казни. В 1781 году Общество искусства и литературы в Ш^алонсюр-Марне предложило премию за сочинение на эту тему и присудило ее Бриссо де Варвиллю за его работу *Le Sang Innocent Vengé*. В протоколах Собрания депутатов было много голосов в пользу этой реформы, которую Людовик XVI ввел 8 мая 1788 года. В 1790 году Дюпор внёс соответствующую меру в Учредительное собрание; но она была отклонена после короткого обсуждения в феврале 1791 года, в ходе которого были выдвинуты те же практические возражения, которые повторялись до сих пор. Тем не менее, Конвентом были приняты специальные компенсации, как, например, тысяча франков в 1793 году для одного Бюссе, "за произвольное тюремное заключение и преследование". В 1823 году вышеупомянутое общество в Ш^алонсюр-Марн предложило ту же тему для эссе; и она была объектом различных предложений, все из которых были отклонены, как в 1867 году во время обсуждения уголовных апелляций, с поправками, внесенными Жюлем Фавром, Ришаром и Олливье; а также в 1883 году Д^епут^е Пьейром и в 1890 году Д^епут^е Рейнахом.

За эту реформу выступали, в частности, Неккер в своем мемуаре "Финансовое управление во Франции", Пасторе, Вольтер, Бентам, Мерлин, Леграверенд, Х^{ели}, Тиссо и более полно Марсанги в своей работе "Реформа уголовного права" (1864). Марсанги выступал за многие другие практические реформы, которые с тех пор были приняты взамен нежелательных коротких сроков тюремного заключения. Совсем недавно во Франции эта тема рассматривалась магистратами Бернаром, Паско, Николя, Джакобби, а также генеральными прокурорами Молинесом, Журданом, Уссаром, Дюпри, Бужаром в их инаугурационных обращениях.

В Италии заметным прецедентом этой <р 160>реформы была Казна штрафов, созданная для Тосканы в 1786 году, а для королевства Двух Сицилий - в уголовном кодексе 1819 года, с целью создания фонда для компенсации в случаях судебных ошибок. В 1886 году депутат Павеси внес на рассмотрение меру, которая не обсуждалась; и эта компенсация, которая уже была предложена в 1873 году хранителем печатей Де Фалько в его проекте итальянского уголовного кодекса, не была включена в последующие законопроекты, в основном из-за

финансовых трудностей. Среди криминологических авторов за это выступали в Италии Каррара, Пессина и Бруса, в Германии - Гейер и Шварце, в Бельгии - Принс и другие, а в последнее время - М. Гарофало в своем докладе на третьем Национальном конгрессе по праву во Флоренции в сентябре 1891 года.

Среди существующих законов возмещение ущерба за судебные ошибки, ограниченное случаями, в которых невиновность осужденных может быть доказана, или распространенное на лиц, несправедливо привлеченных к ответственности, включено в уголовные кодексы Венгрии и Мексики, а также специальными законами в Португалии (1884), Швеции (1886), Дании (1888) и особенно в Швейцарии, в кантонах Фрибург, Во, Невшатель, Женева, Базель и Берн.

Правовой принцип, согласно которому государство должно возмещать материальный и моральный ущерб, нанесенный его чиновниками по злему умыслу или халатности гражданину, который не сделал ничего, чтобы подвергнуть себя преследованию или осуждению, не может быть серьезно оспорен. Но вся сложность сводится к тому, чтобы решить, в каких случаях право на возмещение ущерба должно быть признано, а затем обеспечить фонд, из которого государство сможет выполнять эту обязанность.

Для последней цели необходимо предусмотреть в бюджете соответствующую сумму. Это было сделано в Баварии в 1888 году путем выделения 5 000 марок в год; и первый, кто воспользовался этим положением, получил пенсию в размере 300 марок в год, после того как он стал нетрудоспособным в результате семилетнего тюремного заключения за преступление, которого он не совершал. Но если политика сокращения расходов, навязанная европейским государствам их безумными военными расходами и хроническими войнами, не позволит осуществить это предложение, существует итальянский прецедент Казначейства штрафов, которое, вместе со штрафами, наложенными или подлежащими наложению на осужденных, и продуктами тюремного труда, обеспечит необходимую сумму для компенсаций, которые государство должно выплачивать невинным лицам, осужденным или привлеченным к ответственности, а также жертвам преступлений.

Что касается случаев, в которых следует признать право на возмещение ущерба за судебные ошибки, то мне кажется очевидным, что в первую очередь к ним следует отнести дела осужденных, признанных невиновными при пересмотре приговора. Среди лиц, несправедливо привлеченных к ответственности, я считаю, что компенсация полагается тем, кто был оправдан, поскольку их действия не были преступлением или правонарушением, или потому, что они не принимали участия в действиях (отсюда также следует необходимость вердиктов "недоказано", чтобы отличать случаи оправдания на основании доказанной невиновности) - всегда при условии, что преследуемые лица не дали разумного предлога для суда своим поведением, или предыдущим рецидивом, или привычной преступностью. Третье предложение позитивной школы в отношении индивидуальных гарантий, которое также выдвинул М. Апулей, связано с реформой уголовного кодекса, и особенно с более эффективным возмещением ущерба жертвам преступлений. Цель состоит в том, чтобы сократить длинный и постоянно увеличивающийся список преступлений, правонарушений и нарушений, включающий все действия, которые приводят к легким травмам, совершенным случайными преступниками или "псевдопреступниками", то есть обычными людьми, действующими просто по неосторожности или неосмотрительности. В этих случаях личный и общественный вред не причиняется злонамеренно, а преступник не является опасным, так что тюремное заключение более чем когда-либо неуместно, несправедливо и даже опасно по своим последствиям. Подобные деяния должны быть исключены из уголовного кодекса и рассматриваться просто как гражданские правонарушения, как __*простая__ кража у

римлян; ведь строгое возмещение ущерба будет для авторов этих деяний более эффективной и в то же время менее деморализующей и опасной защитой закона, чем гротескное осуждение на несколько дней или недель в тюрьме. Понятно, что классическая теория абсолютной и вечной справедливости не может касаться этих мелочей, которые, тем не менее, составляют две трети нашего повседневного социального и судебного существования; ведь, согласно этой теории, всегда есть преступление, которое должно понести соразмерное наказание, как и убийство, или грабеж на дороге, или клеветническое слово. <р 163>Но для позитивной школы, которая осознает реальные и практические условия социальной и карательной справедливости, с другой стороны, существует очевидная необходимость освободить кодексы, трибуналы и тюрьмы от этих микробов преступного мира, исключив все наказания в виде тюремного заключения за то, что Вентури и Турати с удовольствием называют атомными частицами преступления, и ослабив в некоторой степени эту чудовищную сеть запретов и наказаний, которая так непреклонна для мелких правонарушителей и преступниц, но так эластична для серьезных злодеев.

II.

Реформы, которые мы предлагаем в карательном праве, основаны на фундаментальном принципе, уже установленном на данных антропологии и уголовной статистики. Если исключить этическую идею наказания как возмездия за преступление из репрессивной функции общества и рассматривать эту функцию просто как защитную силу, действующую через закон, то уголовное правосудие уже не может быть сведено к поминутному подсчету моральной ответственности или виновности преступника. Оно не может иметь иной цели, кроме как доказать, во-первых, что человек, находящийся под судом, является автором преступления, а затем, к какому типу преступников он принадлежит, и, как следствие, на какую степень антисоциальной испорченности и приспособляемости указывают его физические и психические качества.

Первым и основным следствием в каждом уголовном <р 164>процессе всегда будет установление факта преступления и идентификация преступника.

Но когда связь обвиняемого с преступлением установлена, либо обвиняемый представляет доказательства своей честности или правильности своих мотивов - единственный случай, когда можно требовать оправдания или принимать во внимание его оправдание, либо доказано, что его мотивы были антисоциальными и незаконными, и тогда нет места для этих гротескных и часто неискренних состязаний между обвинением и защитой, чтобы предотвратить или обеспечить оправдание, которое будет невозможно, каковы бы ни были психологические условия преступника. Единственный возможный вопрос между обвинением и защитой - определить по характеру обвиняемого и его действий, к какому антропологическому классу он принадлежит, является ли он прирожденным преступником, или сумасшедшим, или привычным, или случайным преступником, или преступником по страсти.

В этом случае у нас больше не будет тех хитроумных поединков, манипуляций, заявлений и юридических приемов, которые превращают каждый уголовный процесс в азартную игру, разрушая доверие общества к отправлению правосудия, в некую паутину, которая ловит мух и выпускает ос.

Преступление всегда будет объектом карательного права, даже при позитивной системе судопроизводства; но вместо того, чтобы быть исключительной заботой судьи, оно станет лишь основанием для процедуры и одним из симптомов деградации и переадаптации преступника, который сам будет истинным и живым объектом судебного разбирательства.

Как и прежде, весь процесс развивается из материального факта; и вся забота судьи состоит в том, чтобы дать ему юридическое определение, так что преступник всегда остается на заднем плане, рассматриваемый лишь как конечная заготовка для принятия юридического решения в соответствии с какой-нибудь статьей уголовного кодекса - при том, что фактическое соблюдение этой статьи находится во власти тысячи случайностей, о которых судья ничего не знает, и которые все чужды преступлению и преступнику.

Если избавиться от предположения, что мы можем измерить моральную виновность обвиняемого, то весь процесс уголовного разбирательства сводится к сбору фактов, обсуждению и принятию решения на основе доказательств. Для классической школы, с другой стороны, такой процесс рассматривался как последовательность гарантий личности против общества, и, в результате своего рода реакции против методов юридического доказывания, был поставлен в зависимость от частного убеждения, не говоря уже об интуиции, судьи и адвоката.

Уголовный процесс должен проследивать путь самого преступления, отступая от преступного действия (нарушения закона), чтобы обнаружить преступника, а в психологической сфере - установить определяющие мотивы и антропологический тип. Отсюда вытекает необходимость для позитивной школы пересмотреть показания по уголовному делу, чтобы придать им полную значимость и подкрепить их данными и выводами не только обычной психологии, как это всегда делала классическая школа (например, Пагано, а также Бентам, Миттер, Эллеро и другие), но и, прежде всего, данными и выводами криминальной антропологии и психологии.

В развитии теории доказательств можно выделить четыре характерных этапа, как заметил М. Тарде: религиозный этап с его испытаниями и битвами; юридический этап, сопровождаемый пытками; политический этап с частным осуждением и присяжными; научный этап с экспертным знанием экспериментальных результатов, систематически собранных и изученных, что является новой задачей позитивной процедуры.

Мы должны рассмотреть каждый из трех элементов уголовного процесса: сбор доказательств (полиция и предварительное следствие), обсуждение доказательств (обвинение и защита) и принятие решения на основании доказательств (судьи и присяжные).

Прежде всего, как я уже отмечал в первом издании этой работы и как подтвердили Ригини, Гарофало, Ломброзо, Алонги и Росси, очевидно, что изучение антропологических факторов преступности дает блюстителям и администраторам закона новые и более надежные методы в выявлении виновных. Татуировка, антропометрия, физиогномика, физическое и психическое состояние, учет чувствительности, рефлекторной деятельности, сосудодвигательных реакций, дальности зрения, данные уголовной статистики облегчают и дополняют сбор доказательств, идентификацию личности и подсказки относительно способности совершить то или иное преступление; их часто бывает достаточно, чтобы дать агентам полиции и следственным судьям научное руководство в их расследованиях, которые сейчас полностью зависят от их индивидуальной остроты и умственной проницательности <p 167>.

А если вспомнить об огромном количестве преступлений и правонарушений, которые не наказываются из-за отсутствия или недостаточности доказательств, и о частоте судебных процессов, основанных исключительно на косвенных уликах, то легко увидеть практическую пользу первичной связи между уголовной социологией и уголовным судопроизводством.

Практическое применение антропометрии для идентификации преступников и решения вопроса о рецидивизме, начатое в Париже М. Бертильоном и впоследствии принятое почти во всех государствах Европы и Америки, слишком хорошо известно, чтобы нуждаться в описании. Достаточно вспомнить модификацию системы Бертильона Анфоссо с фактическим сбором антропометрических данных и включением их в обычные протоколы правосудия.

Так, сфигмографические данные о циркуляции крови, выявляющие внутренние эмоции, несмотря на внешнее спокойствие или безразличие, уже послужили доказательством того, что человек, обвиненный в краже, не был виновен в ней, а, напротив, был виновен в другой краже, в которой его даже не подозревали. В другом случае они доказали невиновность человека, приговоренного к смерти. Более наглядные и частые иллюстрации мы получим, когда эти исследования будут регулярно использоваться в уголовном судопроизводстве.

Сфигмограф также может быть полезен для диагностики симулированных заболеваний, по примеру М. Вуазен в случае с мнимым эпилептиком в Париже, "чья сфигмографические линии не имеют никакого сходства с линиями истинных эпилептиков до и после припадка, и <168> только напоминают те, которые производятся нормальными людьми после бурной жестикуляции".

Что касается возможного использования гипноза, то мы должны быть осторожны, прежде чем делать из него какие-либо юридические выводы; но нельзя сомневаться в том, что это ценный источник научной помощи в систематическом сборе доказательств по уголовным делам.

Но в настоящее время наиболее надежными и выгодными помощниками в сборе доказательств являются те, которые предоставляются органическими и психическими характеристиками преступников. В своем исследовании убийств я насчитал множество психологических и психопатологических симптомов, характеризующих убийцу, сумасшедшего, совершившего убийство в состоянии аффекта. И в своей профессиональной практике я часто убеждался на собственном опыте, что эти психологические симптомы обладают большой наводящей эффективностью в отношении поведения преступника до, во время и после совершения преступления; и очень важно научно донести эти знания до детективов и судей.

Эти данные применимы не только к обвиняемым. Если вспомнить об огромном значении устных показаний в цепи уголовных доказательств и о грубом традиционном эмпиризме критериев достоверности, которые ежедневно применяются во всех процессах ко всем видам свидетелей людьми, рассматривающими их, как и заключенных, в качестве среднего абстрактного типа - исключая только конкретные случаи неспособности давать показания, которые определяются заранее с такой же методичностью, как и случаи безответственности, - то необходимость обращения за помощью к научной психологии и психопатологии становится очевидной. <p 169>.

Например, не останавливаясь на абсурдном нарушении этих традиционных критериев достоверности, когда полицейские допускаются в качестве свидетелей (часто единственных свидетелей) сопротивления власти или насилия, где они являются вдвойне заинтересованными сторонами, как часто в наших судах мы задумываемся о случайном воображении или доверчивости детей, женщин, слабонервных или истеричных людей и так далее? Адвокат защиты или обвинения, желающий узнать, является ли тот или иной свидетель истериком или нет, вызовет улыбку на лице судьи, несомненно, сведущего в римском праве или юридических прецедентах, но, безусловно, невежественного в

физиологии, психологии и психопатологии. Склонность к клевете в истерических случаях, которую так красноречиво доказывал М. Ченери в знаменитом судебном процессе, или склонность к неправде у детей, которую умело проиллюстрировал М. Моте, - это лишь очевидные и простые примеры применимости нормальной, криминальной и патологической психологии к достоверности показаний свидетелей. И под ее влиянием, сколько чистой атмосферы человечности будет стимулировать наши суды, которые все еще слишком изолированы от мира и человеческой жизни, где, тем не менее, заключенные и свидетели приходят, и слишком часто приходят снова, живые фантомы, которых судьи не знают, и только смутно видят сквозь густой туман юридических максим, и статей кодекса, и уголовного процесса.

Помимо этих примеров, доказывающих важность того, что М. Сарраут справедливо назвал "судебным применением криминальной социологии", фундаментальной реформой, необходимой для научной подготовки уголовных <р 170>доказательств, является создание магистратуры экспертов в каждом суде предварительного следствия. В вопросах подлога, отравления или аборта судья прибегает к помощи экспертов по почерку, химии или акушерству; но помимо этих технических, специальных и менее частых случаев, в каждом уголовном процессе основу расследования составляют или должны составлять данные криминальной биологии, психологии и психопатологии. Поэтому, помимо знаний этих наук, необходимых судьям, мировым судьям и полицейским, крайне важно, чтобы при каждом суде по уголовным делам состоял эксперт или несколько экспертов по криминальной антропологии.

Это обеспечит нам антропологическую классификацию, определенную и быструю, каждого осужденного, а также юридическую классификацию существенного факта, и мы избежим скандала с так называемыми экспертами для обвинения и экспертами для защиты. Должно быть только одно заключение экспертов, либо по соглашению между ними, либо по научной ссылке в арбитраж, как в немецкой, австрийской и русской системах; и над этим заключением судьи и тяжущиеся стороны не должны иметь другой власти, кроме как требовать объяснений от главы экспертов.

Таким образом, мы избежим скандала с судьями, совершенно не знающими элементарных представлений о криминальной биологии, психологии и психопатологии, как, например, председатель суда присяжных, которого я слышал, говоря присяжным, что он не может сказать, почему эксперт "хотел исследовать ноги заключенного, чтобы прийти к решению о его голове". Этот председатель, <р 171>бывший прекрасным судьей и эрудированным юристом, был совершенно не знаком с элементами теории вырождения, как и один из его коллег, которого я слышал, когда эксперт говорил о ненормальной форме ушей заключенного (в соответствии с запросами Мореля и Ломброзо): "Это зависит от того, как носится шляпа".

Вследствие предположения, высказанного Кантом и другими, что вопросы психических заболеваний принадлежат скорее философу, чем врачу, а также абсурдного и поверхностного представления, которое поверхностные люди имеют о невменяемых, представляя их как постоянно бредящих, судья или присяжный, доверяющий эксперту по почерку, считает себя выше необходимости выслушивать мнение эксперта по невменяемости.

Следует, однако, признать, что это глупое предположение отчасти объясняется разумной заботой о безопасности общества под влиянием классических теорий, позволяющих оправдывать и освобождать преступников, признанных невменяемыми. Со временем это

исчезнет либо благодаря более широкому распространению элементарных представлений о психопатологии, либо благодаря применению позитивных теорий, которые далеки от того, чтобы доказать невменяемость заключенного до опасного и абсурдного вывода о его оправдании.

После первого этапа сбора доказательств, во время которого мы можем допустить юридическое представительство обвиняемого, особенно для выяснения обеих сторон вопроса, не доходя, однако, до отдельных преувеличений полной публичности предварительного следствия, мы переходим ко второму <р 172>этапу процедуры, а именно к публичному обсуждению доказательств.

Главные участники этого обсуждения - обвинение (государственное или частное) и защита; и для них, поскольку я не могу вдаваться в большие подробности, я упомяну только одну необходимую реформу. Это учреждение своего рода общественной защиты, осуществляемой юристом, подобным тому, что существует в некоторых итальянских провинциях, под названием "адвокат бедных", который должен быть наравне с государственным обвинителем и заменить собой нынешний институт официальной защиты, который является полным провалом.

Что касается собственно обсуждения доказательств, то, когда мы установим научные правила доказывания, основанные на экспертном знакомстве с криминальной антропологией, и когда мы устраним все словесные споры о точной мере моральной ответственности заключенного, все дебаты будут сводиться к критике личных и материальных признаков, определяющих мотивов и антропологической категории, к которой принадлежит обвиняемый, и к последующей форме социальной защиты, наиболее приспособленной к его физическому и психическому характеру.

Практическое завершение уголовного процесса происходит на третьем этапе - этапе принятия решения по доказательствам.

В нашем понимании уголовный суд имеет простое качество научного исследования, субъективного и объективного, в отношении обвиняемого как возможного преступника и в отношении деяния, автором которого он якобы является. Поэтому мы, естественно, требуем от судьи определенных научных <р 173>знаний, а не просто интуиции здравого смысла.

Но поскольку консультации с присяжными, в силу их неотъемлемого политического аспекта, должны проходить в закрытом режиме, мы можем настаивать только на коренной реформе судебной организации, которая одна может реализовать научный принцип уголовного судопроизводства". Именно Гарофало в ранние годы позитивной школы настаивал на том, что судьи по гражданским и уголовным делам должны быть совершенно разными, и что последние должны разбираться в антропологии, статистике и криминальной социологии, а не в римском праве, истории права и тому подобном, что не проливает никакого света на вынесение уголовного решения.

Ученые юристы, сведущие в гражданском праве, меньше всего подходят на роль судьи по уголовным делам, привыкшие, как и они, к абстракциям человечества, обращаясь исключительно к юридическим аспектам, поскольку гражданское право в основном не знает всего, что касается физической и моральной природы людей. Деморализация или добродетельность кредитора, например, не имеет никакого влияния на действительность его кредита.

Поэтому юрист, вынося решение по уголовному делу, полностью упускает из виду личные качества обвиняемого и социальные условия общества, ограничивая свое внимание делом и максимами так называемой карательной справедливости. Те, кто призван судить преступников, должны обладать идеями, необходимыми для естественного изучения преступного человека, и поэтому должны составлять орден магистратов, совершенно отличный от гражданских судей" <р 174>.

Практические средства обеспечения этой фундаментальной реформы судебной системы должны начаться с организации университета, поскольку в курсы юридического факультета необходимо будет ввести более энергичный и современный поток социальных и антропологических исследований, которые также должны в конечном итоге вдохнуть новую жизнь в древние максимы гражданского права.

Во-вторых, студенты юридических факультетов университетов должны быть допущены к тому, что Эллеро называл наукой клинической криминологии, то есть к беседам с заключенными и систематическим наблюдениям за ними. Первый конгресс по криминальной антропологии одобрил предложение М. Tarde, по следующему предложению Moleschot- Ferri: "Конгресс, в согласии с научной тенденцией криминальной антропологии, считает, что тюремные власти, принимая необходимые меры предосторожности для внутренней дисциплины и индивидуальных прав осужденных заключенных, должны допускать к клиническому изучению преступников всех профессоров и студентов уголовного права и юридической медицины, под руководством и ответственностью их собственных профессоров, и, если возможно, в характере обществ для помощи действующим и освобожденным заключенным".

Наконец, следует основать специальную школу для полицейских и тюремных надзирателей, с целью подготовки сыщиков, отличающихся не только личными способностями, но и знанием криминальной биологии и психологии.

К этим реформам, гарантирующим научный потенциал уголовного судьи, следует добавить реформы, которые обеспечат его полную независимость от исполнительной власти, которая в настоящее время является единственным органом, ответственным за продвижение и распределение судей. Но эта независимость не должна быть свободна от всякого рода контроля, такого как общественное мнение и дисциплинарная власть, до некоторой степени отличная от *персонала* судейской коллегии, ибо в противном случае судебная власть вскоре превратится в другую форму невыносимой тирании.

Наиболее эффективным способом обеспечения независимости судей является улучшение их положения в жизни. Если признать, что фиксированное жалование, выплачиваемое каждый месяц, заставляет человека довольствоваться несколько меньшей цифрой, то все же несомненно, что в наши дни, за несколькими почетными исключениями, подбор судей не является удовлетворительным, поскольку низкая зарплата привлекает только тех, кто не может заработать больше, занимаясь своей профессией.

Личный характер судей жизненно влияет на качество работы правительства в целом. Самые академические и возвышенные кодексы малоэффективны, если нет хороших судей для их применения; но при наличии хороших судей не имеет большого значения, если кодексы или статуты несовершенны.

В уголовном праве применение закона к конкретному делу не является, да и не должно являться, простым вопросом юридической и абстрактной логики, как это происходит в гражданском праве. Оно предполагает адаптацию абстрактного правила, в психологическом

смысле, к живому и дышащему человеку; ведь судья по уголовным делам не может отделить себя от окружающей среды и социальной жизни, чтобы стать более или менее механическим *lex loquens*. Живые и человеческие испытания каждого уголовного приговора находятся в условиях деяния, автора и реагирующего общества в гораздо большей степени, чем в писаном законе.

Здесь у нас есть возможность решить старый вопрос об авторитете судьи, в котором мы перешли от одной чрезмерности к другой, от неограниченного авторитета средневековья к бэконовскому афоризму о законе и судье, согласно которому закон прекрасен, когда он меньше всего оставляет судье, а судья прекрасен, когда он оставляет себе меньше всего независимого суждения.

Если бы функция уголовного судьи всегда была, как и сейчас, иллюзорным и количественным исследованием моральной виновности обвиняемого, с такими же количественными и византийскими правилами о покушении, соучастии, конкурирующих преступлениях и так далее - то есть, если бы закон применялся к преступлению, а не к преступнику, то необходимо, чтобы власть судьи была ограничена числовыми барьерами статей кодекса, количеством дозируемых лет, месяцев и дней заключения, подобно тому, как китайский закон с большой точностью определяет длину и диаметр бамбуковых прутьев, которые в уголовной системе Поднебесной занимают такое же место, как у нас пенитенциарные камеры.

Но если уголовный процесс должен быть, с другой стороны, физико-психологическим исследованием обвиняемого, причем преступление отодвигается на второй план, что касается наказания, а преступник остается на первом, то очевидно, что уголовный кодекс должен быть ограничен несколькими общими правилами о способах защиты и социального наказания, а также о составных <р 177>элементах каждого преступления и правонарушения, в то время как судья должен иметь большую свободу, контролируемую научными и позитивными данными процесса, чтобы он мог судить человека, стоящего перед ним, со знанием гуманности.

Неограниченная власть судьи недопустима в отношении процессуальных форм, которые для обвиняемого гражданина являются фактической гарантией от судебных ошибок и неожиданностей, но которые следует тщательно отличать от того пустого и суеверного формализма, который порождает самые гротескные нелепости, такие как ошибка в слове в присяге свидетелей или экспертов или чернильная клякса на подписи клерка.

III.

Научное знание преступников и преступления не только как деяния, предшествовавшего судебному процессу, но и как природного и социального явления - вот основополагающий принцип любой реформы судебного порядка; и это тоже осуждение присяжных. В то время как Бруса, один из самых доктринеров итальянской классической школы, предсказывал неуклонный упадок "технического элемента" в магистратуре и, следовательно, постоянное вмешательство народного влияния в отправлении правосудия, позитивная школа, с другой стороны, всегда предсказывала неизбежный упадок суда присяжных при рассмотрении преступлений и обычных правонарушений[16].

[16] Интересно отметить, что Каррара, несмотря на свою публичную защиту присяжных, писал в частном письме в 1870 году (опубликованном на открытии его памятника в Лукке): - "Я высказал свое мнение о присяжных в 1841 году в статье, опубликованной в *"Анналах тосканской юриспруденции"*, а именно, что уголовное правосудие превращается в лотерею.

Правосудие лишается своих весов и снабжается коробкой для игры в кости. Это, как мне кажется, главный недостаток суда присяжных. Все остальные недостатки могут быть устранены хорошим законом, но этот недостаток неотделим от суда присяжных. . . . Даже среди мировых судей можно найти суровых и мягких; но в основном они судят по юридическим аргументам, и всегда можно более или менее предвидеть исход процесса{...?} Но в случае с присяжными все прогнозы опрометчивы и обманчивы. Они решают, руководствуясь чувствами, а что может быть более неопределенным и непостоянным, чем чувства{...?} . В суде присяжных ремесло более полезно для адвоката, чем знания. Однажды мне пришлось защищать мужа, который убил любовника своей жены в кафе. Я бросил вызов холостякам в жюри и согласился на женатых мужчин. После этого я был уверен в успехе, и мне это удалось. . . . Это настоящий существенный порок суда присяжных, который не может преодолеть никакая законодательная мера".

Теодор Жуффруа, прослушав в Пизанском университете лекцию Карминьяни против суда присяжных, сказал: "Вы защищаете логику, но убиваете свободу".

Помимо вопроса о том, возможна ли свобода без логики, факт остается фактом: в жюри присяжных всегда есть видный политический деятель. Этим объясняется более или менее декламационная защита этого судебного института, нелюбимого криминальными социологами.

В конце XVIII века, когда в науке и законодательстве наметилась тенденция к созданию самостоятельного института мировых судей, Французская революция, не доверяя всей аристократии и социальным кастам, выступила против этой тенденции, горячо веря во всемогущество и всезнание народа, и учредила суд присяжных. И если в политическом плане его вдохновляла классическая античность, то в области правосудия он перенял этот институт из Англии. Суд присяжных был небызвестен Афинской и Римской республикам, но в Средние века он был разработан "варварами" как инструмент, который помог народу избежать тирании при отправлении правосудия. Раньше говорили, что суд присяжных воплощает в жизнь народный суверенитет и заменяет здравый смысл и добрую волю людей холодным догматизмом юристов, пронизанным сословными предрассудками. С этой точки зрения суд присяжных слишком соответствовал общей тенденции развития идей того времени, чтобы не быть с жадностью принятым. Это был еще один пример тесной связи между философскими идеями, политическими институтами и судебной организацией.

Суд присяжных, перенесенный на континент, несмотря на улучшения, отмеченные Бергассом в его докладе Учредительному собранию 14 августа 1789 года, был всего лишь подделкой того, чем он был и остается в Англии. Но его политический характер по-прежнему настолько привлекателен, что у него и по сей день много сторонников, хотя результаты его применения в разных странах не слишком радостны.

Тем не менее, поскольку суд присяжных является правовым институтом, мы должны рассмотреть его преимущества и недостатки как с политической, так и с юридической точки зрения, и принять вывод, навязанный нам преобладанием той или иной точки зрения.

С политической точки зрения несомненно, что суд присяжных является уступкой народному суверенитету; ведь признается, что власть закона не только исходит от народа, но и непосредственно им осуществляется <р 180>.

Суд присяжных также может быть гарантией гражданских и политических свобод от злоупотреблений правительства, которые гораздо легче осуществить при наличии небольшого числа судей, более или менее подчиненных правительству.

Кроме того, суд присяжных может служить средством утверждения чувства равенства между гражданами, каждый из которых может завтра стать судьей равных себе, и распространения политического образования с практическим знанием закона. Правда, при таком знании закона присяжные узнают подробности всех видов преступлений, не имея столь же постоянных свидетельств добродетельных поступков; и здесь существует опасность морального заражения от преступлений. Но, с политической точки зрения, несомненно, что вместе со знанием закона присяжные могут пробудить сознание гражданских обязанностей, которые слишком часто принимаются как вынужденное и хлопотное бремя.

Однако по поводу этих политических преимуществ суда присяжных можно сделать несколько замечаний.

Прежде всего, уступка народному суверенитету сводится к очень малым пропорциям из-за ограничений списка присяжных и их функций, которые законодательство каждой страны вынуждено налагать.

Существенным признаком, отличающим присяжного от судьи, является, прежде всего, происхождение их власти; ведь присяжный является судьей просто потому, что он гражданин, в то время как мировой судья является судьей только в результате всенародного избрания или назначения главой государства. Таким образом, любой человек, вступивший в свои гражданские и политические права и достигший необходимого возраста, <p 181>должен, согласно духу этого института, вершить правосудие по любому гражданскому или уголовному вопросу, какой бы важности он ни был, и не только выносить окончательный вердикт, но и вести судебное разбирательство. Однако не только древний суд народных собраний невозможен в великих государствах наших дней, но и вера во всезнание народа не помогла предотвратить всевозможные ограничения принципа присяжных. Таким образом, политический принцип суда присяжных таков, что его невозможно реализовать без заблуждений, ограничений и обесценивания.

В самом деле, даже в Англии, где присяжные могут по собственной инициативе объявлять в вердикте свои мнения, замечания и предложения о реформе, вытекающие из судебного процесса, они всегда подчиняются руководству судьи и не используются в менее серьезных и наиболее многочисленных делах, где все решение остается за мировыми судьями, которым, очевидно, нельзя доверять решение преступлений более серьезного характера.

Что же касается других политических преимуществ суда присяжных, то опыт показывает, что он зачастую скорее вредит, чем помогает свободе.

Во-первых, в континентальных Штатах суд присяжных - это всего лишь институт, искусственно привитый росчерком пера к организму закона, не имеющий ни жизненной связи, ни общих корней с этим и другими социальными организмами, как это имеет место в Англии. Кроме того, пример классической античности противопоставляется институту присяжных, который был навязан нам путем охотного подражания и политической симметрии; ведь если суд присяжных исчез у континентальных народов, это означает лишь то, что он не нашел в этнических типах, нравах и обычаях, физической и социальной среде этих народов достаточного запаса жизненной силы, какой он сохранился, например, в результате стольких исторических изменений у англосаксов.

И если иногда присяжные могут противостоять злоупотреблениям правительства, то слишком часто они не могут противостоять своим собственным страстям или влиянию социального класса (*буржуазии* в наши дни), к которому принадлежат почти все присяжные. Известно, что присяжные более строги к заключенным, обвиняемым в преступлениях против

собственности, чем к тем, кто обвиняется в преступлениях против личности, особенно в преступлениях, подстрекаемых личными мотивами, такими как ненависть, месть и тому подобное; ведь каждый присяжный думает, что он сам может стать жертвой подвигов вора или нападения убийцы ради корысти; тогда как меньше оснований опасаться убийства, вызванного местью, возмущением, растратой государственных денег и тому подобным. Еще Маккиавелли говорил, что люди предпочитают, чтобы у них брали кровь из вены, а не деньги из кармана.

Кроме того, те же присяжные, которые могут противостоять давлению со стороны правительства, не могут противостоять давлению со стороны народа, прямому или косвенному, особенно учитывая тайну их индивидуальных голосов. Несомненно, есть благородные исключения; но общество состоит из средних добродетелей, и только на них оно может рассчитывать"[17].

[17] В Дублине, на суде над убийцами Берка и лорда Фредерика Кавендиша в 1883 году, набрать присяжных было очень трудно, потому что никто не хотел подвергать себя мести фанатиков.

И когда постоянно утверждается, по словам Жуффруа, что суд присяжных является форпостом свободы, или по словам Каррара, что он является ее необходимым дополнением, мы должны заметить, что это было бы верно, если бы суд присяжных был учрежден деспотическим правительством; но когда народные свободы имеют гораздо более эффективные гарантии в политической организации государства, тогда это качество суда присяжных является скорее кажущимся, чем реальным.

В общем, либо правительство деспотично, и тогда присяжные недостаточно сильны, чтобы сохранить свободу, как в Англии со времен Генриха VIII до Якова II; либо, как сказал Миттермайер, "когда власть коррумпирована, а судья труслив или терроризирован, присяжные не могут помочь в защите свободы". Или же правительство либерально, и тогда судьи тоже независимы, так что присяжные не нужны, особенно при тех гарантиях их независимости, на которые я уже указывал.

История напоминает нам, что суд присяжных никогда не вводился деспотическими правительствами. Так, например, в Верхней Италии он был отвергнут Наполеоном в 1815 году, в Неаполе - Бурбонами в 1820 году, в Ломбардии - Австрией в 1849 году, а в наше время в России - за политические преступления, хотя за обычные преступления он разрешен.

Таким образом, присяжным, как политическому и либеральному институту, странным образом суждено быть исключенными, когда они могли бы быть полезными, и бесполезными, когда они допускаются. Это напоминает нам судьбу Национальной гвардии.

Но даже в Англии суд присяжных рассматривается в первую очередь как юридический институт, и главные качества, приписываемые ему в этой связи, - это моральные суждения и частное убеждение. <p 184>

Закон, как нам говорят, всегда имеет определенную суровость и недостаточность, поскольку он должен предусматривать будущее, опираясь на прошлое, а он не может предусмотреть все возможные случаи. В современном обществе прогресс настолько быстр и многообразен, что уголовные законы не успевают за ним, даже если их часто пересматривают, как, например, в Баварии, где за одно столетие появилось три уголовных кодекса, или во Франции, где на первоначальный текст самого древнего кодекса в Европе почти ежедневно нагромождаются специальные законы.

Присяжные своим моральным суждением, в какой-то степени соответствующим справедливости древних, способны исправить *summum jus*, вынося вердикты, превосходящие писанный закон. И, кроме того, присяжные всегда следуют своему частному убеждению, вдохновению чувств, голосу совести, чистому инстинкту, вместо суровых и искусственных предписаний опытного юриста.

Я не отрицаю этих качеств присяжных; но я очень подозреваю, что они являются скорее серьезными и опасными пороками, чем полезными качествами в правовом институте.

Прежде всего, я считаю, что разграничение полномочий или социальных функций, соответствующее естественному закону разделения труда, не должно быть уничтожено присяжными. Обязанность судебной власти, прежде всего, состоит в том, чтобы соблюдать и применять писанный закон; ибо если мы однажды допустим возможность того, что судья (народный или обученный) должен изменить закон, то вся гарантия свободы будет потеряна, а власть индивида неограниченна. Как я уже говорил выше, <р 185>мы допускаем власть судьи только тогда, когда у нас есть реальные гарантии его способности и независимости, и всегда в пределах общих предписаний закона и под контролем высшей дисциплинарной власти.

Но всемогущество присяжных, освобожденных от всякого разумного регулирования, не имеющих никаких руководящих мотивов для своего вердикта и никакой возможности контроля, - это обоюдоострый клинок, который иногда может улучшить закон или, по крайней мере, полезно указать законодателю на тенденции общественного мнения в отношении того или иного преступления. Но он также может нарушать закон и свободу личности, и тогда мы слишком дорого платим за то небольшое преимущество, которое может дать суд присяжных и которое может быть заменено другими проявлениями общественного мнения. В любом случае, как говорил Бентам, лучше иметь средство защиты в законе, чем в подрыве закона.

Что касается частного убеждения, то мы охотно признаем, что ни одна система юридических доказательств не является приемлемой. Но одно дело - подменять юридические и искусственные гарантии закона гарантиями судьи, рассматривающего дело, и совсем другое - подменять убеждение, основанное на аргументах, и критическое рассмотрение доказательств, собранных в ходе судебного разбирательства, слепыми и простыми побуждениями инстинкта или чувств.

Даже если не принимать во внимание технические понятия, которые мы считаем необходимыми для физиопсихологического суда над любым обвиняемым, социальная справедливость, конечно, не может быть отправлена через сиюминутные и необдуманные впечатления случайного присяжного. Если бы уголовный процесс <р 186>состоял из простого заявления о том, что тот или иной поступок был хорошим или плохим, то, несомненно, морального сознания человека было бы достаточно; но поскольку речь идет о ценности доказательств и об исследовании объективных и субъективных фактов, морального сознания недостаточно, и все должно быть подвергнуто критическому упражнению интеллекта.

К инстинктивной слепоте суждений присяжных следует добавить их безответственность.

Несомненно, если бы законодатель требовал от всех судей простого "да" или "нет", то, возможно, присяжные были бы так же хороши, как и мировой судья. Но вместо

необъяснимого вердикта, который Карминьяни назвал "методом кади", мы считаем, что всегда должен быть заменен приговор, основанный на причинах и поддающийся контролю, особенно в позитивной системе уголовного процесса, которая требует от судьи знакомства с антропологией и уголовной социологией, а от его приговора - элементов, необходимых для последующего обращения с осужденным, в соответствии с особенностями его индивидуальности и его преступления.

Но суд присяжных не только не обладает теми качествами, которые ему приписывают; он имеет фатальный недостаток, которого одного достаточно для осуждения этого института закона.

Во-первых, нелегко понять, как дюжина присяжных, отобранных наобум, может реально представлять народную совесть, которая действительно часто протестует против их решений. В любом случае, основополагающая концепция присяжных состоит в том, что сам факт их принадлежности к народу дает им право судить; а поскольку древние собрания более невозможны, суть присяжных состоит в том, что только случай должен решать вопрос о практическом осуществлении этой народной прерогативы.

Эти два представления о суде присяжных находятся в явном противоречии с универсальным правилом общественной и частной жизни, согласно которому социальные функции должны выполняться людьми, отобранными как наиболее способные.

Так, в повседневной жизни мы все требуем от каждого работника той работы, к которой он особенно способен. Никто, например, не мечтает, чтобы его часы чинил сапожник. Напротив, отправление уголовного правосудия требуется от любого, кто попадетс нам на глаза, будь то бакалейщик или человек с достатком, маляр или пенсионер, который, возможно, никогда в жизни не был свидетелем уголовного процесса!

Нерегулярность наших законов соответствует неспособности отдельных присяжных; ведь очевидно, что мы не можем навязать первому встречному строгий процесс особой процедуры. А закон усиливает абсурд, прямо заявляя, что присяжные должны выносить свое решение, не обращая внимания на последствия своего вердикта! Присяжные не выполняют свой высший долг, когда они принимают во внимание уголовный закон и учитывают последствия, которые их вердикт может иметь для обвиняемого" (статья 342 Уголовно-процессуального кодекса Франции).

Иными словами, уголовное правосудие должно быть основано на пренебрежении элементарным правилом справедливости, согласно которому каждый человек должен всегда учитывать возможные последствия своих действий. А уголовный закон требует от присяжных такого доказательства своей слепоты (что, к счастью, невозможно), чтобы они судили с завязанными глазами, не обращая внимания ни на заключенного, ни на последствия, которые может иметь для него их вердикт.

Невозможно, чтобы защитники присяжных не увидели абсурдность этих принципов; и они были вынуждены их замалчивать, во всяком случае, в обычной практике.

В отношении состава присяжных были введены ограничения: списки лиц, имеющих право на участие в процессе, выбор по жребию, необязательное исключение определенного числа присяжных прокурором и защитой и т. д. Однако все эти меры, некоторые из которых вводятся по необходимости, могут гарантировать лишь общую и предположительную дееспособность, поскольку они имеют лишь негативный эффект, способствуя исключению наиболее явных моральных или интеллектуальных неспособностей. Но единственная

способность, которая необходима судье, а именно специальная и позитивная способность, не гарантируется этими ограничениями, которые, в конце концов, отрицают сам принцип присяжных.

И даже если бы суд присяжных всегда состоял из лиц, обладающих достаточной дееспособностью, он все равно был бы осужден двумя неизбежными аргументами человеческой психологии.

Во-первых, собрание нескольких индивидов с типичными способностями никогда не дает гарантии коллективной способности, поскольку в психологии встреча индивидов далеко не равнозначна совокупности их качеств. Как в химии соединение двух газов может дать жидкость <р 189> так и в психологии собрание индивидов, обладающих здравым смыслом, может дать тело, лишенное здравого смысла. Это явление психологического брожения, при котором отдельные склонности, наименее хорошие и мудрые, то есть наиболее многочисленные и эффективные, доминируют над лучшими, как правило доминирует над исключением. Это объясняет древнюю поговорку: "Сенаторы - хорошие люди, но сенат - озорное животное".

И этот факт коллективной неполноценности, чтобы не сказать вырождения, наблюдается в случайных собраниях, таких как присяжные, собрания и тому подобное, гораздо чаще, чем в организованных и постоянных советах судей, экспертов и так далее.

Во-вторых, присяжные, даже если они состоят из людей со средними способностями, никогда не смогут в своей судебной функции следовать лучшим правилам интеллектуальной эволюции.

Человеческий интеллект, как индивидуальный, так и коллективный, в действительности демонстрирует эти три фазы прогрессивного развития: здравый смысл, разум и наука, которые не являются принципиально различными, но значительно отличаются по степени своей сложности. Очевидно, что собрание людей, обладающих средними способностями, но не техническими, в своих решениях будет руководствоваться только правилами здравого смысла или, в крайнем случае, правилами разума, то есть своими общими умственными привычками, более или менее направляемыми определенной природной способностью. Но высшие правила науки, которые все же необходимы для суждения, столь сложного, как то, которое касается преступлений и преступников, всегда будут ему неизвестны" <р 190>.

Что касается нерегулярности действий присяжных, то считается, что она может быть устранена формальным различием между решением факта и решением права, в соответствии с советом Монтескье, что "народному суду мы должны представить один предмет, один факт, один факт".

Но, не останавливаясь на замечании Хье-Глюнека, что таким образом юридическая проблема, которая должна быть такой же неделимой, как и создающий ее силлогизм, оказывается разрезанной на две части, очевидно, что Камбак<e'>р<e!>с был вполне оправдан, заявив в Государственном совете, что отделение факта от права - это заблуждение.

В конце концов, не только при позитивной системе уголовного судопроизводства, которая требует от судьи, помимо юридических представлений о преступлении, некоторых антропологических и социологических знаний о преступниках, но и в настоящее время правильнее сказать, что присяжные занимаются преступлением, то есть, по словам Биндинга, юридическим, а не просто материальным фактом; в то время как судья занимается

наказанием. Таким образом, в суде присяжных разделение суждений происходит не между фактом и законом, а только между преступлением и наказанием.

Даже если допустить возможность такого разделения факта и закона, логика и опыт уже опровергли утверждение тех, кто говорит вместе с Беккариа, что "для оценки фактов обычный интеллект лучше науки, здравый смысл лучше высших умственных способностей, а обычная подготовка лучше научной" <р 191>.

Напротив, уголовный процесс связан не только с непосредственным восприятием фактов, но также и особенно с их критической реконструкцией и психологической оценкой. В гражданском праве факт действительно является принадлежностью, и обе стороны могут быть согласны в его изложении, хотя и спорят о применении закона к этому факту. Но в уголовном правосудии факт является главным элементом, и необходимо не просто признать или принять решение по той или иной детали, но и рассмотреть его причины и последствия, с индивидуальной и социальной точки зрения, не говоря уже об общей сложности критической и доказательной оценки массы значимых обстоятельств. Так что, как говорил Эллеро, в уголовном процессе решение по факту гораздо сложнее, чем по закону. И к этому времени повседневная практика накопила столько доказательств, более или менее скандальных, неспособности присяжных даже оценить факты, что останавливаться на них бесполезно.

В заключение этого вопроса о суде присяжных остается сказать о его недостатках, которые не являются более или менее устранимыми последствиями более или менее удачного применения принципа, как это могло бы быть с любым социальным институтом, а, напротив, являются неизбежным следствием законов психологии и социологии.

Для науки факт существует в связи с общим законом. Для здравого смысла, напротив, актуальность конкретного факта является единственным предметом заботы. Отсюда неизбежная тенденция присяжных к доминированию отдельных фактов, не имеющих иного руководства, кроме чувства, которое, особенно в южных расах, ограничивает всю жалость преступниками, в то время как преступление и его жертвы почти забыты. Та самая острота чувств, которая побуждает людей вершить "суммарное правосудие" над преступником, когда он удивлен фактом, полностью меняется в его пользу, когда он предстает перед судом с угрюмым видом через несколько месяцев после совершения преступления. Таким образом, мы получаем бесстрастное и слепое правосудие.

А преобладание чувств над разумом присяжных проявляется в неизлечимой ныне форме судебных дискуссий. Нет нужды и пользы в юридических и социологических исследованиях, в технических знаниях; нужны лишь ораторская убедительность и сентиментальные декламации. Так, мы слышали, как один адвокат говорил присяжным, что "в процессах, в которые врываюся страсти, мы должны принимать решения со страстью". Отсюда и деградация науки в судах присяжных, ее неправильное применение и совершенно ошибочные последствия.

Более того, вердикт присяжных не может представлять собой сумму спонтанных и индивидуальных убеждений - не только в странах, где присяжные подвержены всевозможным влияниям во время перерывов в обсуждении, но даже в Англии, где требуется единогласие и где всякое общение присяжных с внешним миром запрещено до окончания процесса. Ибо в каждом деле всегда неизбежно влияние наиболее интригующих или наиболее уважаемых присяжных в совещательной комнате. Так что у нас даже <р 193> были безответственные предложения о публичном обсуждении со стороны присяжных.

Против этих недостатков присяжных их защитники выдвигают возражение, касающееся подготовленного судьи, а именно: привычка судить о преступлениях и проступках непреодолимо склоняет судью рассматривать каждого заключенного как виновного и уничтожать презумпцию невиновности даже в тех случаях, когда она была бы наиболее оправдана.

Это возражение действительно имеет под собой психологическую основу; ведь превращение сознательного в бессознательное, поляризация интеллектуальных способностей и склонностей - это факты повседневного наблюдения, определяемые биологическим законом экономии сил. Но этого недостаточно, чтобы заставить нас предпочесть присяжных судьям.

Помимо того, что этой ментальной привычке судей можно противостоять путем лучшего отбора магистратов в рамках реформ, которые я указал, следует отметить, что презумпция невиновности, как мы видели, не столь абсолютна, как некоторые хотели бы нас убедить, особенно в случае судебного разбирательства, которое следует за рядом расследований и доказательств на предварительном слушании.

Опять же, эта тенденция судей сдерживается и корректируется публичностью обсуждений. И все, или почти все, известные и часто повторяемые случаи судебных ошибок восходят ко времени инквизиционного и тайного суда, в связи с чем возникает интересная историческая проблема, а именно сосуществование инквизиционного суда, который нарушает все индивидуальные гарантии, с политическими свободами средневековых итальянских республик.

Вот почему количество оправдательных приговоров и признание смягчающих обстоятельств всегда очень примечательно, даже в исправительных трибуналах, которые в Италии по своим пропорциям не сильно отличаются от судов присяжных.

Мы должны помнить, что в нашей современной уголовной процедуре отсутствуют не индивидуальные гарантии, такие как указание причин приговора, почти полная отмена наказаний, которые не могут быть пересмотрены, апелляции, отмены, пересмотр, которые были бы еще более эффективны при позитивной системе, которую мы предлагаем.

Одним из логических следствий психологического возражения против судей было бы предоставление присяжных даже в исправительных трибуналах, хотя опыт, который мы имеем в судах присяжных, не настолько обнадеживает, чтобы оставить много сторонников присяжных в судах малой инстанции.

Но против суда присяжных можно выдвинуть решительное возражение, основанное на самых позитивных данных социологии.

Закон естественной эволюции доказывает, что ни одно изменение в растительном или животном организме не является полезным или долговечным, если оно не является результатом медленной и постепенной подготовки органическими силами и внешними условиями. Так, орган, который перестает выполнять свою функцию, подвергается атрофии, и ни один новый орган не может развиваться, если его не требует новая функция, которой он соответствует.

То, что было сказано об органических вариациях, справедливо и для социальных институтов. И если рассматривать суд присяжных с этой точки зрения, то мы видим, что <p 195>он был искусственно привит росчерком пера законодателя к судебным институтам континента, без тех длительных, спонтанных и органических связей, которые он имел, например, с

английским народом. Суд присяжных исчез даже из тех континентальных стран, в которых он оставил следы своего существования; ибо он не нашел в расовых характеристиках или социальном организме той благоприятной среды, которая в Англии обеспечивается естественной основой институтов и принципов, которые, как говорит Миттермайер, являются его необходимым коррелятом.

Присяжные в том виде, в каком они политически утвердились на европейском континенте, являются тем, что Спенсер называет ложной мембраной в социальном организме, не имеющей физиологической связи с остальными частями политического тела. Так что даже во Франции, после столетия непрерывных испытаний, она еще не акклиматизировалась[18].

[18] Фактическое состояние законодательства в Европе, в том что касается суда присяжных по общим преступлениям и правонарушениям, таково: Англия, Шотландия, Ирландия и Швейцария имеют суд присяжных для ассизов и судов первой инстанции. Франция, Италия, Цислейтанская Австрия, Истрия, Далмация, Рейнская Пруссия, Эльзас-Лотарингия, Бавария, Богемия, Галлия, Бельгия, Румания, Греция, Португалия, Россия и Мальта имеют только уголовный суд присяжных. Испания приостановила его действие, но восстановила в 1888 году. В Пруссии, Саксонии, Бадене, Вюртемберге есть суд присяжных по уголовным делам и *эчевины* (органы граждан, заседающие вместе с судьями) по исправительным и полицейским делам. Дания, Швеция и Финляндия *имеют эчевины*. Голландия, Норвегия, Венгрия, Славония, Польша, Сербия и Турция не имеют ни присяжных, ни эшевенгов.

Что касается другого биосоциологического закона, о единых органах для единых функций, то мне кажется, что если в Англии суд присяжных и магистратура развивались бок о бок и переплетались, то это лишь случай органической интеграции. Но на континенте, поскольку <р 196>присяжные были искусственно добавлены к магистратуре, это, с другой стороны, подлинный пример неестественного роста.

И если утверждать, что суд присяжных, как переход от гомогенного к гетерогенному, свидетельствует о более высокой степени социальной эволюции, мы должны провести различие между дифференциациями, которые равнозначны эволюции, и теми, которые, напротив, являются симптомами распада. Разделение труда, физиологическое или социальное, является истинной эволюционной дифференциацией; в то время как изменения, вызванные болезнью в животном организме или бунтом в социальном организме, являются лишь началом более или менее продолжительного распада.

Теперь суд присяжных относится к области социальной патологии, поскольку он по существу противоречит закону специализации функций, согласно которому каждый орган, который становится более приспособленным к определенной задаче, уже не приспособлен ни к какой другой. Только у низших организмов одна и та же ткань или орган может выполнять различные функции, в то время как у позвоночных желудок может служить только для пищеварения, легкие - для насыщения кислородом и так далее. Точно так же в примитивных обществах каждый человек является солдатом, охотником, землепашцем и т. д., в то время как с развитием социальной эволюции каждый человек выполняет свою особую функцию и становится непригодным для другого труда. В суде присяжных мы возвращаемся к первобытному смешению социальных функций, предоставляя любому случайному человеку, который может быть отличным рабочим или художником, очень деликатную судебную функцию, для которой у него нет способностей сегодня и не будет опыта завтра. <р 197>.

В современных обществах, по правде говоря, есть еще одна функция, возложенная на всех граждан, вне их специальных возможностей, и это избирательный долг. Но случаи очень разные. Избирательная обязанность не требует такого сложного и тонкого труда, как

критическое суждение, реконструкция условий действия и его автора. Оно не оказывает прямого влияния на позитивную функцию избираемого лица, а, напротив, является признанием особой неспособности избирателя сделать то, что он возлагает на способности избираемого лица. Франшиза - это элементарная функция ассимиляции физиологических элементов в социальном организме, которую в животном организме выполняет совокупность живых клеток, а в обществе - совокупность индивидов, не являющихся идиотами или преступниками, обладающих минимумом социальной энергии.

Совсем другое дело - отправление уголовного правосудия, техническая и очень благородная функция, которая не имеет ничего общего с элементарной функцией франшизы. Я не могу согласиться с утверждением Каррара, который считает противоречием отказ народу в участии в осуществлении судебной власти, когда ему разрешено участвовать в осуществлении законодательной власти. Прежде всего, народ имеет лишь весьма косвенное участие в законодательной функции, и даже там, где существует референдум, весьма полезный, как я считаю, народ имеет лишь простую, почти отрицательную функцию - сказать "да" или "нет" закону, который он не принимал и не имел бы технической возможности принять. Таким образом, аргумент Каррары может привести <р 198>только к всенародному избранию судей, как и законодателей, и к контролю народа за административными действиями судей, когда они избраны. Несомненно, это имело бы теоретические преимущества, хотя, на мой взгляд, вызвало бы практические трудности, особенно у народов, которые не обладают очень острой совестью и политической активностью, после ослабления веками деспотизма или политической и административной опеки и централизации.

Таким образом, суд присяжных, как показывают история и социология, является регрессивным институтом, поскольку он представляет собой промежуточную и инстинктивную фазу уголовного правосудия. У него, правда, есть несколько преимуществ (в несчастье всегда есть определенная выгода), особенно когда он действует на конечный результат классических теорий, - например, призывает к непреодолимой силе против повторных краж или убийств, совершенных по подстрекательству других. А иногда она привлекала внимание к необходимым реформам уголовного законодательства, после принятия некоторых выводов позитивной школы, таких как оправдание преступников страсти и политических заключенных, или большая строгость по отношению к закоренелым преступникам.

Но единственным возможным выводом из вышеизложенной критики является то, что суд присяжных должен быть отменен при рассмотрении общих преступлений, **после* введения реформ, которые обеспечили бы способность и независимость судей.

Между тем, поскольку создать новый социальный институт гораздо легче, чем упразднить его, стоит указать на основные и наиболее срочные реформы, которые следует провести в системе присяжных, чтобы <р 199>устранить ее наиболее серьезные и часто встречающиеся недостатки.

Теоретическое различие классической школы между обычными и политическими преступлениями не совсем точно, ибо так называемые политические преступления либо не являются преступлениями (как в случае, когда они сводятся к проявлению идеи), либо это обычные преступления, которые происходят от возвышенной и социальной страсти в отдельных людях, обладающих свойствами преступника по страсти, или, другими словами, - являются лишь квази-преступниками; или же это обычные преступления, совершаемые обычными злоумышленниками под предлогом популярной идеи. Я думаю, что вместо того,

чтобы различать преступления, мы должны различать обычных и политических преступников в соответствии с их определяющими мотивами, а также социальными последствиями и историческим моментом их деяний. В то же время, пока наши уголовные законы сохраняют это различие, я считаю полезным сохранить присяжных для рассмотрения политических преступлений и правонарушений, а также тех, которые связаны с прессой и обществом в целом; Ибо если в этих случаях присяжные могут поддаться влиянию классовых интересов и предрассудков (как, например, при рассмотрении дел, вытекающих из конфликта капитала и труда), опасность все же будет меньше, чем в случае с одними судьями, которые недостаточно независимы от исполнительной власти, которая, в свою очередь, является лишь светской рукой господствующего класса и которая, следовательно, сочетает интересы и предрассудки политического порядка с интересами экономического и морального порядка, господствующими над присяжными.

В отношении общеуголовных преступлений было бы необходимо исключить из суда присяжных суд над заключенными, которые признаются в своем преступлении. Суть суда по обвинительному акту заключается в том, что обсуждение наказания является частным делом, и оно не имеет больше оснований для существования, когда одна из сторон отказывается от поединка. Отсюда английское недоверие к признанию заключенным своей вины, которое в инквизиционном процессе, напротив, является главной опорой доказательств. И все же я считаю, что в этих случаях шотландская система предпочтительнее английской. В Англии судья начинает с того, что спрашивает заключенного, виновен он или нет, и в случае признания выносит приговор без вердикта присяжных. В Шотландии, напротив, прокурор может представить свои доказательства, несмотря на признание заключенного, и потребовать вердикта присяжных. Таким образом можно избежать не только скандального оправдания заключенных, признавших свою вину (как это происходит в Италии, Франции и других странах), но и опасности того, что признание может оказаться неправдой и осудить невиновного человека.

Кроме того, присяжные должны, как предлагает М. Эллеро, указывать смягчающие обстоятельства, по каждому из которых им должен быть задан специальный вопрос.

Присяжные также должны иметь право спонтанно прийти к выводу в смысле менее серьезном, чем указано в обвинении, даже если им не был задан соответствующий вопрос.

Но в то же время нельзя отрицать, что это будут лишь паллиативы, более или менее эффективные.

Единственный положительный вывод состоит в том, что, сохраняя суд присяжных для преступлений политического и социального порядка, мы должны стремиться к его отмене для обычных преступлений, сразу же после проведения строгих реформ в отношении независимости и способности судей.

IV.

Не нужно больше доказывать, что современная организация наказания, основанная отчасти на предположении, что мы можем измерить моральную ответственность преступников, а отчасти на иллюзии относительно их общего исправления, и почти полностью сведенная, в результате, к тюремному заключению и системе камер, абсолютно не смогла защитить общество от преступности.

Хольцендорф, один из самых известных представителей классической школы, откровенно признался, что "тюремные системы потерпели кораблекрушение". Так же и в Италии мы

имеем рассуждения "о бесполезности репрессий", а в Германии утверждается, что "существующее уголовное право бессильно против преступности". Таким образом, необходимость принятия мер по борьбе с этим провалом навязывается нам с каждым днем все больше и больше. Мы должны действовать либо путем законодательных реформ, настолько эффективных, насколько мы можем их сделать, но всегда вдохновляемых реакцией против сложившейся тюремной системы, либо путем пропаганды на научной основе. Наиболее яркой формой последнего процесса является Международный союз уголовного права, который в 1891 году, через два года после своего основания, насчитывал около шестисот членов различных национальностей и который во втором пункте своего устава, несмотря на различные оговорки нескольких членов, в значительной степени поддерживал позитивные теории.

Недостатки пенитенциарной системы, навеянные <р 202>теориями классической школы уголовного права и реальными правилами классической тюремной школы, могут быть кратко суммированы. Это: ошибочная шкала моральной ответственности; абсолютное незнание и игнорирование физико-психологических типов преступников; промежутки между приговором и наказанием, с одной стороны, и между приговором и его исполнением - с другой, с последующим злоупотреблением помилованиями; катастрофические практические последствия коррупции и преступного сообщества в тюрьмах; миллионы людей, осужденных на короткие сроки заключения, которые глупы и абсурдны; и постоянный, неумолимый рост рецидивизма.

Таким образом, трибуналы Европы, как заметил М. Принс, с абсолютной безличностью современного правосудия, позволяют своим приговорам падать на несчастных, как вода из крана падает капля за каплей на землю.

Не считая штрафов и полицейских арестов, за десять лет 1880-89 годов в Италии было приговорено к различным срокам тюремного заключения 587 938 человек преторами и 465 130 - исправительными трибуналами. То есть более миллиона сроков в судах для несовершеннолетних за десять лет!

А общее число приговоренных в Италии к различным наказаниям преторами, трибуналами и судами присяжных за те же десять лет составило не менее 3 230 000 человек.

Что касается рецидивной преступности, то, не повторяя привычных цифр ее ежегодного роста, достаточно напомнить о поразительном факте, на который я обратил внимание в центральной Комиссии судебно-правовой статистики. <р 203>То есть среди заключенных, осужденных в 1887 году за простое убийство, было 224 человека, которые уже были осуждены либо **за то же преступление* (63), либо за преступление, упомянутое в том же разделе уголовного кодекса (181); и даже среди тех, кто был осужден за квалифицированное непредумышленное убийство, 78 человек уже были осуждены либо **за то же преступление* (8), либо за аналогичное.

Во Франции мы имеем цифры, не менее поразительные, поскольку они относятся не к эффекту исключительных условий или условий, характерных для той или иной страны, а к единообразным последствиям классических теорий уголовного права и организации тюрем.

Общее число приговоренных к тюремному заключению французскими трибуналами и задержанных полицией за десять лет 1879-88 годов составило 1 675 000 человек; приговоров трибунала до шести дней - 113 000.

А общее число приговоренных к различным наказаниям судами присяжных, трибуналами и полицейскими судами достигло за те же десять лет огромной цифры в 6 440 000 человек!

Смысл этого заключается в том, что уголовное правосудие в настоящее время представляет собой огромную машину, пожирающую и вновь выбрасывающую на поверхность огромное количество людей, которые теряют среди ее колес свою жизнь, свою честь, свое нравственное чувство и свое здоровье, неся отныне неизгладимые шрамы и попадая в постоянно растущие ряды профессиональной преступности и рецидивизма, слишком часто без надежды на выздоровление[19].

[19] Что касается рецидива и огромного количества судимых, то Англия находится в таком же плохом положении, как Италия и Франция. См. мои статьи в *„Nineteenth Century“*, 1892, и *„Fortnightly Review“*, 1894.- Ред.

Невозможно, таким образом, отрицать настоятельную необходимость замены нашей нынешней пенитенциарной организации более совершенной системой, соответствующей условиям преступности, более эффективной для социальной защиты и в то же время менее губительной для отдельных лиц, с которыми она имеет дело.

Позитивная школа, в дополнение к частичным реформам, предложенным Ломброзо и мной во втором издании этой работы, выдвинула в *„Криминологии“* Гарофало "рациональную систему наказаний", краткое изложение которой представляется желательным.

I. Убийцы (моральное бесчувствие и инстинктивная жестокость), которые совершают...

Убийство из жадности или других корыстных побуждений

Уголовные психушки: или

Убийство, не спровоцированное жертвой, смертная казнь.

Убийство с сопутствующей жестокостью

II. ЖЕСТОКИЕ ИЛИ ИМПУЛЬСИВНЫЕ ХАРАКТЕРЫ (недостаток чувства жалости, предрассудки о чести, о долге мести и т. д.). Взрослые, совершившие...

Насильственное нападение, внезапно спровоцированное Удаление преступника из района, где он жестоко пострадал, в отношении жертвы или оправданного убийства в целях самообороны его семьи.

Перевозка на остров, в колонию

Убийство из мести за честь (изолированное или деревенское, на свободе, под или эндемичного) под надзор (на неопределенный неопределенный срок, от 5 до 10 лет надзор).

Телесное повреждение во время ссоры; Ущерб и штраф: тяжелый за такой незначительный и преходящий злой умысел; как можно заплатить. Альтернатива удары; угрозы; клевета; словесное наказание: вычет из заработной платы, оскорбления или принудительный труд. Тюремное заключение в случае отказа.

Злостное нанесение увечий или обезображивание; уголовный приют для умалишенных (за увечья; изнасилование или возмущение истериком или эпилептиком), или насилие; ограничение личного транспорта на неопределенный срок, с надзором от 5 до 10 лет.

<р 205> Молодые люди, совершившие...

Уголовные психушки (для лиц с врожденными

Преступления, связанные с насилием без оправдания, склонности).
или изнасилования Уголовно-исполнительная колония в случае рецидива.
Перевозка без ограничения свободы.

III. НЕЧЕСТНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ. Взрослые, совершившие...

Кражи, мошенничество, поджоги, лунатические лечебницы (если безумны или подлог, вымогательство, эпилепсия). Транспорт.

Трудовые банды (нефиксированные сроки);

Эпизодическая кража; мошенничество; или приостановление права на осуществление подлог; вымогательство; поджог, до полного возмещения ущерба.

Чинопочитание; растрата; продажа Утрата должности. Отстранение от должности; злоупотребление властью гражданскими правами. Штраф. Реституция.

Возмещение ущерба (с факультативным поджогом; мстительное уничтожение в виде тюремного заключения). Преступник имущества (без личного психушки (для умалишенных). ущерба) Транспортировка (для рецидивистов).

Банкротство, если оно вызвано недобросовестным исполнением обязанностей Возмещение ущерба. Запрет на торговлю или исполнение общественных обязанностей.

Подделка фальшивой монеты; подделка акций Тюремное заключение (на неопределенный срок) и сертификатов; лишение лица и штраф, в дополнение к потере лжесвидетельства и т.п. должности, и реституция.

Двоеженство, подделка или утаивание родового акта Изгнание на неопределенный срок.

Молодые люди, совершающие...

Сельскохозяйственная колония (на неопределенный срок)

Воровство, мошенничество и т. д.).

IV. Лица, виновные в...

вспышках, сопротивлении или неповиновении Лишение свободы (на неопределенные сроки)

властям

Иными словами, система репрессий, предложенная М. Гарофало, сводится к следующему

<р 206> Абсолютная ликвидация преступности Смертная казнь

Убежище для умалишенных.

Транспортировка с сохранением свободы.

Бессрочное изгнание.

Относительная ликвидация Изгнание на различные сроки.

Сельскохозяйственные колонии.

Изгнание из определенного
района.

Выплата денег.

Возмещение ущерба Вычет из заработной платы.

Штраф (в пользу государства) Принудительный труд, без

Возмещение ущерба жертвам Лишение свободы.

Лишение свободы на определенный срок за особые преступления (подлог и вспышки); или как альтернатива возмещению ущерба или принудительным работам. Запрет на выполнение определенных профессий и государственных функций.

М. Лист также, соглашаясь с позитивной школой в отношении необходимости радикальной реформы уголовной системы, но с некоторыми оговорками, предложил схему, которая, однако, поскольку она недостаточно учитывает различные классы преступников, которых он делит только на привычных и случайных, нуждается в доработке, особенно в сравнении с хорошо обоснованной схемой Гарофало. Система М. Листа выглядит следующим образом.

Наказание штрафами.

Пропорционально имуществу преступника - безальтернативно за *правонарушения* (безальтернативно тюремному заключению).

Может быть отработано принудительным трудом без лишения свободы (без лишения свободы).

Условные приговоры.

Для лиц, впервые совершивших преступление, приговариваемых к тюремному заключению, с поручительством или без него За *преступления*, наказуемые

поручительством на три года лишения свободы.

<р 207> __Тюремное заключение_ (на неопределенный срок, максимальный и минимальный вводится в действие). Раздельное заключение - от шести недель до двух лет.

Дом заключения (раздельное от 2 до 15 лет (с полицией
один год, затем постепенное ослабление надзора и помощи
освобожденных заключенных) - или пожизненно.

Возмещение ущерба (всегда в качестве гражданской ответственности), добавляемое к другим наказаниям.

Я считаю, однако, что прежде чем разрабатывать практические и подробные схемы, более или менее полные, необходимо установить некоторые общие критерии, основанные на антропологических, физических и социальных данных о преступности, которые могут привести к созданию позитивной системы социальной защиты.

Эти фундаментальные критерии, как мне кажется, могут быть сведены к трем следующим: (1) отсутствие постоянства в периодах сегрегации преступников; (2) социальный и общественный характер взыскания ущерба; (3) адаптация защитных мер к различным типам преступников.

1. Проблема наказания за каждое совершенное преступление должна состоять не в том, чтобы назначить определенную дозу, соразмерную моральной виновности преступника; Но она должна быть ограничена вопросом о том, необходимо ли по фактическим условиям (нарушение закона или причинение вреда) и по личным условиям (антропологический тип преступника) навсегда или на более или менее длительный срок отделить преступника от его социальной среды, в зависимости от того, считается ли он способным или неспособным вернуться в общество, или достаточно потребовать от него строгого возмещения вреда, который он нанес.

В этой главе кроется радикальное противоречие. <р 208>Существующие схемы наказаний, различные по своему механизму (и не согласующиеся с приговором судьи, а часто даже с условиями закона), все основаны на принципе фиксированных сроков наказания, градуированных на сотни и тысячи возможных доз, и имеют отношение гораздо больше к преступлению, чем к преступнику. С другой стороны, мы имеем позитивную систему наказаний, основанную на принципе *нефиксированной сегрегации* преступника, что является логическим следствием теории, согласно которой наказание должно быть не возмездием за преступление, а защитой общества, адаптированной к опасности, которую олицетворяет преступник.

Этот принцип нефиксированного наказания не нов, но только позитивная теория придала ему систему и жизнь. Представление о правосудии как о назначении наказания за преступление, измеряемого днями и неделями, слишком сильно противоречит принципу неопределенного наказания, чтобы позволить ему получить какое-либо систематическое исследование под влиянием классических теорий. Лишь отдельные и исключительные случаи его применения, такие как уединение сумасшедших преступников в специальных убежищах, "на время ее величества", в Англии. Тем не менее, личная свобода (которая, как считается, нарушается уединением на неопределенный срок) пользуется большим уважением у английского народа.

Основополагающим принципом права является ограничение, обусловленное необходимостью существования общества. Поэтому, прежде всего, очевидно, что уединение на неопределенный срок, как и пожизненное заключение, никак не противоречит этому принципу права, если оно налагается в силу необходимости. Так, даже классическая школа предлагала его в качестве способа компенсации или корректировки.

Если, действительно, мы допускаем увеличение наказания за первый рецидив, то логично, что это увеличение должно быть пропорционально количеству рецидивов, пока мы не дойдем до вечного уединения или перевозки, и даже до смерти, как по средневековым законам. Так что есть некоторые представители классической школы, которые,

руководствуясь логикой, если не практикой, и отказываясь признать прогрессивное увеличение, начинают с того, что отказываются от увеличения в любой степени, даже при первом рецидиве.

Более того, если юристы согласны разрешить условное освобождение до срока, назначенного в приговоре, когда заключенный, кажется, дал доказательства исправления, то естественным следствием, по абстрактной логике, должно быть продление наказания для заключенного, который не исправлен, но продолжает быть опасным.

Это признают, в частности, Ортолан, Давеси де Пон<e!>s и Roeder, которые цитируют как благоприятные, хотя и только для рецидивистов, Хенке Штельцера, Райхмана, Моля, Грооса, фон Струве, фон Лихтенберга, Г<o:>ттинга, Краузе, Аренса, Лукаса Бонневиля, Конфорти и других, среди студентов-криминалистов; и Ducpetiaux, Ferrus, Thomson, Mooser, Diez, Valentini и D'Alinge среди специалистов по тюрьмам.

После этого первого периода принцип сегрегации на неопределенный срок, как основа пенитенциарной системы, был поддержан Деспином и развит несколькими немецкими писателями. Последние настаивали <p 210>особенно на недостатках пенитенциарных систем, вдохновленных классическими теориями, хотя и несколько перегибали палку, как, например, Миттельст<a:>дт, который предлагал вновь ввести жестокое наказание в виде порки.

В телесных наказаниях, правда, есть определенный выигрыш в эффективности, особенно против таких закоренелых преступников, как прирожденные преступники, так что существует реакция в пользу этих наказаний. Например, М. Ронкати, пишущий о тюремной гигиене, говорит, что он был бы рад увидеть "материнский режим" с его спасительным использованием физической боли до того, как у ребенка разовьется моральное чувство; а если порка неприемлема, можно прибегнуть к электричеству, которое способно причинять боль, не будучи опасным для здоровья или вызывающим отвращение. Аналогичным образом Бейн утверждает, что физиологическая теория удовольствия и боли тесно связана с теорией поощрений и наказаний, и что, поскольку наказание должно быть болезненным, пока оно не вредит здоровью осужденного (что с такой же вероятностью может сделать тюремное заключение), мы могли бы прибегнуть к электрическим разрядам, которые пугают субъекта своей таинственной силой, не вызывая отвращения. Опять же, английская комиссия по расследованию результатов применения закона о каторге заявила в своем отчете, что "в английских тюрьмах дисциплинарные телесные наказания (ранее плеть, затем розги) применяются только за самые серьезные проступки. Факты показывают, что во многих случаях они дают хорошие результаты".

Тем не менее телесные наказания как основная форма репрессий, даже если они осуществляются с помощью менее <p 211>варварских инструментов, слишком глубоко противоречат чувствам гуманности, чтобы быть возможными в уголовном кодексе. В то же время они допустимы в качестве дисциплинарных наказаний, в виде холодных ванн, ударов током и т. д., тем более что, независимо от того, предписаны они законом или нет, они неизбежны в тюрьмах и, когда не регулируются законом, порождают множество злоупотреблений, как это было показано на Стокгольмской тюремной конференции в 1878 году.

Я согласен с Кирхенхаймом, что схема д-ра Крепелина, предусматривающая уединение на неопределенный срок, более практична и обнадеживает. Когда мера наказания определена

заранее, судья, как говорит Виллерт, "подобен врачу, который после поверхностного диагноза назначает пациенту черновик и называет день, когда его отправят из больницы, не обращая внимания на состояние его здоровья в это время". Если больной выздоровел до назначенной даты, он все равно должен оставаться в больнице; и он должен уйти по истечении срока, выздоровев или нет".

Семаль пришел к такому же выводу в своей работе "Безусловное освобождение" на втором конгрессе по криминальной антропологии.

И эта идея раздельного содержания на неопределенный срок, выдвинутая в 1867 году для неисправимых преступников Швейцарской ассоциацией тюремной реформы, уже достигла большого прогресса, особенно в Англии и Америке, поскольку Тюремный конгресс в Лондоне (1872) обсуждал именно этот вопрос о бессрочных приговорах, который Национальный тюремный конгресс в Цинциннати одобрил в предыдущем году.

В 1880 году М. Гарофало и я оба высказались в пользу бессрочной сегрегации, хотя и только для неисправимых рецидивистов; та же идея получила яркую поддержку в речи М. Ван Хамеля на тюремном конгрессе в Риме (1885). Красноречивый эксперт по уголовным делам из Амстердама, говоря "о свободе усмотрения, которая должна быть оставлена судье при назначении наказания", провел основное различие между закоренелыми преступниками, неисправимыми и испорченными, и случайными преступниками. Для первой группы бессрочное тюремное заключение должно зависеть от определенных условий, установленных законом, и от решения судьи после дополнительного расследования. Для второй группы применение неопределенного наказания после отбытия первого срока наказания должно зависеть в более серьезных случаях от условий, установленных законом, а в менее серьезных случаях от тех же условий вместе с решением судьи, который время от времени, после дополнительного расследования, будет решать вопрос о необходимости продления срока заключения. Что касается третьей группы, то судья должен быть ограничен законом при принятии решения о наказании специальными максимумами и общим минимумом".

Римский тюремный конгресс, естественно, не принял принцип наказания на нефиксированные сроки. Более того, развивая классическую тенденцию, он постановил, что "закон должен устанавливать максимум наказания, за пределы которого судья ни в коем случае не может выходить; а также минимум, который, однако, может быть уменьшен, если судья сочтет, что преступление сопровождалось смягчающими обстоятельствами, не предусмотренными законом".

Только в последние годы, в связи с реакцией ²¹³против коротких сроков заключения, принцип сегрегации на неопределенные сроки был разработан и принят различными авторами, несмотря на слабые возражения Таллака, Вальберга, Ламезана, фон Ягеманна и др.

Помимо теоретических дискуссий, этот принцип был в значительной степени применен в Соединенных Штатах, посредством "неопределенного приговора". Исправительный дом в Эльмире (Нью-Йорк) для молодых преступников вводит в действие, с особыми правилами физической и моральной гигиены, бессрочное заключение молодых заключенных; и этот принцип, одобренный тюремными конгрессами в Аталанте (1887), Буффало (1888) и Нэшвилле (1889), был также применен в тюрьмах Нью-Йорка, и в штатах Массачусетс, Пенсильвания, Миннесота и Огайо.

М. Лист предлагает, чтобы неопределенный характер наказания был только относительным, то есть ограниченным между минимумом и максимумом, которые устанавливаются в приговоре судьи. Специальные комиссии по надзору за исполнением наказаний, состоящие из начальника тюрьмы, прокурора, судьи, рассматривавшего дело, и двух членов, назначенных правительством (вместо суда, вынесшего приговор, как предлагали Виллерт и Ван Хамель), должны принимать решение о реальной продолжительности наказания после изучения осужденного и его послужного списка. Таким образом, эти комиссии могли бы сразу освобождать (с условиями или без) или назначать более длительное наказание, особенно для закоренелых преступников <р 214>.

С созданием этих комиссий можно было бы связать тюремные исследования и помощь освобожденным заключенным, о которых говорилось на предыдущей странице.

Но я думаю, что это предложение М. Листа приемлемо только для комиссий по надзору или исполнению наказаний, подобных тем, которые уже существуют в некоторых странах, с целью исключительно управления тюрьмами и благотворения, и в которых, конечно, должны принимать участие специалисты по уголовной антропологии, которые, как я уже предлагал, должны быть включены в каждое предварительное уголовное расследование. Что касается определения максимума и минимума в таком приговоре, то я считаю, что это нецелесообразно; действующие комиссии могут счесть необходимым выйти за их пределы, и это будет противоречить самому принципу неопределенной сегрегации. Довод, приведенный М. Листом, что при таком положении контраст с существующими системами наказаний будет менее заметен, не кажется мне решающим; ибо принцип, которого мы придерживаемся, настолько радикально противоречит традиционным теориям, законодательным и судебным обычаям, что это необязательное преодоление пределов не только не создаст никаких трудностей, но и уничтожит преимущества новой системы.

Иными словами, когда условия совершенного деяния и преступника, его совершившего, показывают, что возмещение причиненного ущерба недостаточно в качестве меры защиты, судья должен будет лишь объявить в своем приговоре о бессрочном заключении в приют для умалишенных, тюрьму для неисправимых или учреждения для случайных преступников (колонии и т. д.).

Исполнение этого приговора станет <р 215>определенным благодаря последовательным шагам, которые уже не будут отделены, как сейчас, от действий магистрата и предприняты без его ведома, а станут систематическим продолжением его работы. Постоянные комиссии по надзору за наказанием, состоящие из административных чиновников, экспертов в области криминальной антропологии, мировых судей, представителей прокуратуры и защиты, сделают невозможным то опустошение и забвение осужденного, которые сейчас следуют почти сразу после вынесения приговора, с исполнением которого судье ничего не остается делать, кроме как следить за тем, чтобы он был представлен. Помилование, условное освобождение или отбывание полного наказания - все это в настоящее время отдано на волю слепой чиновничьей рутины. Эти комиссии имели бы большое социальное значение, так как они означали бы, с одной стороны, защиту общества от необдуманного освобождения наиболее опасных преступников, а с другой - защиту менее опасных от опасности тюремного заключения, признанного чрезмерным и ненужным.

С принципом неопределенной сегрегации связан принцип условного освобождения, который вместе с прогрессивной тюремной системой, известной как ирландская, сегодня принят почти во всех европейских странах. Но условное освобождение в системе определенных наказаний, без различий между типами преступников, противоречиво в

теории и неэффективно на практике. В настоящее время, действительно, оно применяется лишь механически и почти безличностно, с одним ошибочным критерием - предполагаемым "хорошим поведением" заключенного, которое, согласно английской следственной комиссии 1863 года, "может иметь лишь отрицательное значение отсутствия серьезных нарушений дисциплины".

Понятно, что условное освобождение, как оно будет организовано в позитивной системе бессрочной сегрегации, должно предоставляться только после физико-психологического обследования заключенного, а не после официальной проверки документов, как сейчас. Таким образом, отказ в нем будет осуществляться уже не в зависимости, как сейчас, почти исключительно от тяжести преступления, а в зависимости от большей или меньшей приспособленности преступника к социальным условиям. Поэтому придется отказывать в нем сумасшедшим и прирожденным преступникам, виновным в тяжких преступлениях.

Условное освобождение теперь осуществляется под особым надзором полиции; но это неэффективная мера для хитрых преступников и губительная для случайных преступников, которым надзор закрывает возможность вернуться к нормальной жизни. Система неопределенной сегрегации делает бесполезным любой специальный надзор. Более того, эта обязанность только отвлекает полицейских, заставляя их следить за несколькими сотнями освобожденных осужденных и игнорировать тысячи других преступников, которые увеличивают число неизвестных преступников.

То же самое можно сказать и об обществах помощи освобожденным заключенным, которые, несмотря на многочисленные сентиментальные заявления и прекрасные намерения, остаются столь же бесплодными, сколь и доброжелательными. Причина здесь также в том, что они <p 217>забывают принимать во внимание различные типы преступников, и что они привыкли оказывать свое покровительство беспристрастно всем освобожденным заключенным, независимо от того, подлежат они восстановлению или нет. Кроме того, не следует забывать, что эта помощь злоумышленникам не должна преувеличиваться, когда есть миллионы честных рабочих, более несчастных, чем эти освобожденные заключенные. Несмотря на весь сентиментализм обществ помощи заключенным, я считаю, что мастер всегда будет прав, если предпочтет честного рабочего на вакантное место в своих мастерских освобожденному заключенному.

В то же время эти общества могут дать хорошие результаты, если они будут заниматься исключительно случайными преступниками, особенно молодыми, а изучение преступлений будет способствовать подготовке будущих судей и адвокатов.

2. Вторым основополагающим принципом позитивной системы социальной защиты от преступности является принцип возмещения ущерба, на котором позитивная школа всегда останавливалась в сочетании с радикальными, теоретическими и практическими реформами.

Возмещение ущерба, причиненного жертвам преступлений, может рассматриваться с трех различных точек зрения: (1) как обязанность преступника перед потерпевшей стороной; (2) как альтернатива тюремному заключению за незначительные преступления, совершенные случайными преступниками; и (3) как социальная функция государства в интересах потерпевшего лица, но также в косвенных и не менее важных интересах социальной защиты. <p 218>.

Позитивная школа утвердила две последние реформы: вторую - по инициативе Гарофало и Апулея, а третью - по моему собственному предложению, которое, будучи более

радикальным, подверглось более резкому оспариванию со стороны классической и эклектической школ.

В своем трактате "Право на наказание как социальная функция" я сказал: "Пусть нам не говорят, что __гражданское_ возмещение ущерба не является частью *уголовной* ответственности. Я не вижу реальной разницы между выплатой денежной суммы в качестве штрафа и ее выплатой в качестве возмещения ущерба; но более того, я считаю, что была допущена ошибка в том, что гражданские и уголовные меры были разделены слишком абсолютно, тогда как они должны быть объединены в оборонительных целях, для предотвращения определенных антиобщественных действий". И снова, классифицируя меры социальной защиты (``меры предупреждения, возмещения, пресечения и устранения"), я сказал в отношении мер возмещения: "Предлагаемая нами реформа не является чисто теоретической, ибо, действительно, можно уже сказать, что в большинстве случаев это обязательство возмещения ущерба установлено; но она должна быть прежде всего практической реформой, в том смысле, что вместо разделения гражданских и уголовных мер мы сделаем их совместное применение более определенным, и даже потребуем специальных правил, чтобы заставить уголовных судей, например, оценивать ущерб, и таким образом избежать задержек и неприятностей, связанных с новым разбирательством в гражданских судах, и заставить прокурора официально требовать, даже когда по незнанию или страху нет никаких действий со стороны пострадавшего лица, чтобы преступник был осужден возместить ущерб, который он нанес <р 219> причиненного им ущерба. Тогда станет ясно, что страх перед необходимостью строгого возмещения ущерба будет стимулировать усердие обеспеченных людей в отношении недобровольных преступлений, в то время как для бедных мы сможем вместо денежного возмещения вменить в обязанность работу в пользу пострадавшего".

Вскоре после этого Гарофало писал: "По мнению нашей школы, для многих преступлений, особенно незначительных преступлений против личности, было бы полезно заменить несколько дней тюремного заключения эффективным возмещением ущерба пострадавшей стороне. Возмещение ущерба могло бы стать подлинным заменителем наказания, когда вместо того, чтобы быть, как сейчас, правовым последствием, правом, которое может быть обеспечено правилами гражданского судопроизводства, оно стало бы обязательством, от которого обвиняемый никак не мог бы освободиться".

Из всех представителей позитивной школы Гарофало наиболее решительно настаивал на этих идеях, развивая их в различных предложениях по практической реформе судопроизводства.

Этот принцип получил дальнейшее развитие после выступления М. Фиоретти на первом конгрессе по уголовной антропологии (Рим, 1885), который принял резолюцию, выдвинутую М. М. Ферри, Фиоретти и Венецианом: "Конгресс, будучи убежден в важности обеспечения гражданского возмещения ущерба в непосредственных интересах не только пострадавшей стороны, но и превентивной и репрессивной социальной защиты, считает, что законодательство могло бы наиболее быстро принять наиболее подходящие меры против тех, кто причиняет ущерб другим лицам, а также против их сообщников и пособников, рассматривая взыскание ущерба как социальную функцию, как<р 220>подписанной его должностными лицами, т.е. прокурором в суде, судьями в их приговорах, тюремными чиновниками в окончательной оплате тюремного труда и при условном освобождении."

Классический принцип, согласно которому возмещение убытков, причиненных противоправным деянием, является сугубо гражданским и частным обязательством

преступника (подобно тому, которое возникает при нарушении договора!) и, следовательно, должно существенно отличаться от уголовного наказания, которое является публичным возмещением, неизбежно привел к полному забвению возмещения в повседневной судебной практике. Ибо жертвы преступлений, вынужденные обращаться в суд и опасаящиеся расходов на гражданское судопроизводство для исполнения приговора о возмещении ущерба и процентов по нему, были вынуждены отказаться от надежды на реальную и своевременную компенсацию своих потерь. Отсюда необходимость в каком-то мизерном компромиссе, который приходится принимать почти как щедрую уступку со стороны обидчика, а также возрождение частной мести и утрата доверия к возмещению ущерба со стороны социальной справедливости.

Даже в научной сфере получилось так, что эксперты-криминалисты оставили вопрос о возмещении ущерба экспертам-цивилистам, а те, в свою очередь, почти предали его забвению, так как всегда считали его относящимся к вопросам уголовного права и процесса.

Только благодаря радикальному новаторству позитивной школы этот правовой обычай обрел новую энергию и жизненную силу. <р 221>.

Я, однако, не намерен здесь рассматривать возмещение ущерба с первой точки зрения, а именно формы процедуры, необходимые для того, чтобы сделать его более строгим и эффективным, такие как официальное требование и исполнение со стороны прокурора, даже если пострадавшая сторона не подает иск; установление ущерба в каждом приговоре; немедленное залоговое право и требование на имущество осужденного, чтобы избежать предлога о неспособности платить; уплата всей суммы или части жалования или заработной платы платежеспособных ответчиков; принудительный труд тех, кто не в состоянии платить; отчисление части тюремного жалования в пользу потерпевших; уплата всей или большей части ущерба как необходимое условие помилования или условного освобождения; создание казны штрафов для предварительной выплаты семье потерпевшего; ответственность наследников осужденных за возмещение ущерба и т. д.

Все эти предложения резко контрастируют со ст. 37 нового итальянского уголовного кодекса, которая не дает никаких других гарантий жертвам преступлений, кроме излишней, или ироничной, или аморальной декларации о том, что "досрочное осуждение не ущемляет права пострадавшего лица на реституцию и возмещение ущерба" - как будто в этом можно сомневаться.

Я хочу лишь настоять на принципиальном вопросе, то есть на принципиально общественном характере, который мы придаем возмещению ущерба как социальной функции. Для нас сравнивать ответственность преступника по возмещению ущерба, причиненного его преступлением, с ответственностью, возникающей при нарушении договора, просто аморально. <р 222>.

Преступление, так же как оно предполагает социальную реакцию в виде бессрочной изоляции преступника, когда деяние серьезно, а его автор опасен, должно также предполагать социальную реакцию в виде возмещения ущерба, дополняющего изоляцию, когда это необходимо, или достаточного для социальной защиты, когда деяние несерьезно, а его автор не опасен. В случае незначительных правонарушений, совершаемых случайными преступниками, строгая компенсация, с одной стороны, позволит избежать недостатков коротких сроков заключения, а с другой стороны, будет гораздо более эффективной и разумной, чем гарантированное предоставление пищи и крова на несколько дней или недель в государственных тюрьмах.

Возмещение ущерба, естественно, может принимать две формы: штраф или компенсация, выплачиваемая государству, и компенсация или возмещение ущерба, выплачиваемое пострадавшему лицу.

Можно также добавить, что государство должно нести ответственность за права жертв и предоставлять им немедленное удовлетворение, особенно в случае насильственных преступлений, взыскивая с преступника, как оно это делает или должно делать в отношении судебных издержек.

Эволюция наказания - яркое тому подтверждение. Сначала борьба с преступностью носит исключительно частный характер; затем она принимает более слабую форму в виде денежного возмещения, часть которого, в конце концов, переходит к государству, которое в настоящее время удерживает всю сумму, оставляя жертве скудное утешение в виде отдельного обращения за компенсацией. Поэтому ничто не может быть более соответствующим этой эволюции наказания, чем предлагаемая реформа, в результате которой возмещение чисто частного ущерба, как оно рассматривается на примитивной стадии уголовного правосудия, становится общественной функцией, поскольку оно является правовым и социальным последствием преступления.

Классические принципы в этом отношении и вытекающие из них практические последствия больше похожи на юмористический фарс, чем на институт правосудия; и только сила привычки не позволяет миру осознать всю комичность этого явления.

В общем, граждане платят налоги в обмен на общественные услуги государства, среди которых главная - обеспечение общественной безопасности. И на эту социальную функцию государство ежегодно тратит миллионы. Тем не менее, за каждым совершенным преступлением следует гротескная комедия. Государство, которое несет ответственность за то, что не смогло предотвратить преступление и дать гражданам более надежные гарантии, арестовывает преступника (если оно может его арестовать - а семьдесят процентов **раскрытых* преступлений остаются безнаказанными). Затем, имея перед собой обвиняемого, государство, "которое должно заботиться о возвышенных интересах вечной справедливости", не заботится о жертвах преступления, оставляя возмещение ущерба их прозаическим "частным интересам" и отдельному призыву к справедливости. И тогда государство, во имя вечной справедливости, требует от преступника в виде штрафа, подлежащего уплате в государственную казну, компенсацию за собственную защиту, которую оно не обеспечивает, даже если преступление заключается лишь в посягательстве на частную собственность!

Таким образом, государство, которое не может предотвратить преступление, а может только пресечь его в небольшом количестве случаев, и <p 224>которое, соответственно, не выполняет свою первую обязанность, за которую граждане платят ему свои налоги, требует за все это цену! И снова государство, приговорив полтора миллиона к тюремному заключению в течение десяти лет, перекладывает расходы на питание и жилье на плечи тех же граждан, которых оно не смогло ни защитить, ни возместить понесенные ими убытки! И все это во имя вечного возмездия.

Этот метод "отправления правосудия" должен быть радикально изменен. Государство должно возмещать людям ущерб, причиненный преступлениями, которые оно не смогло предотвратить (как это частично признается в случаях общественных бедствий), взыскивая с преступников.

Только в этом случае мы обеспечим строгое возмещение ущерба, ибо государство приведет в движение свой неумолимый фискальный механизм, как это происходит сейчас при взыскании налогов; с другой стороны, принцип социальной общности интересов будет действительно признан и применен не только против индивида, но и для него. Мы считаем, что если человек должен всегда отвечать за преступления, которые он совершает, то он должен также всегда получать компенсацию за преступления, жертвой которых он стал.

В любом случае, как бессрочная изоляция преступника является основополагающим принципом позитивной системы социальной защиты от преступности, помимо технических систем заключения и содержания под стражей, так и возмещение ущерба как социальная функция является вторым существенным принципом, помимо специальных правил процедуры для приведения его в действие. <р 225>.

Эти два основополагающих принципа позитивной системы были бы неполными, если бы не вступали в практическое действие в соответствии с общим правилом, которое ведет к практической организации социальной защиты, то есть к адаптации защитных мер к различным типам преступников.

Тенденция классических теорий преступности и тюремной дисциплины резко контрастирует с ними, поскольку их идеалом является "единообразие наказания", которое лежит в основе всех последних уголовных кодексов.

Если для классической школы преступник - это всего лишь средний и абстрактный тип, то все различие в обращении с ним, конечно же, сводится к градации "количества преступлений" и "количества наказаний". И тогда естественно, что эта карательная дозировка должна быть более трудной, когда наказания различны по виду и не очень похожи по степени совпадения их аффективной и исправительной силы. Таким образом, идеалом становится единое наказание, назначаемое сначала законодателем, а затем судьей, в неопределенном количестве доз.

То тут, то там раздается одинокий голос, даже среди классических экспертов, возражающий против этой тенденции к догматическому единообразию; но он не имеет никакого влияния. Вопрос, выдвинутый М. Д'Алинге на Тюремном конгрессе в Лондоне (*Proceedings*, 1872, p. 327), "должна ли моральная классификация заключенных быть главной основой пенитенциарных систем, либо объединенных, либо по камерному плану", который он сам решил утвердительно, не только не обсуждался, но даже не затрагивался на последующих конгрессах в Стокгольме (1878), Риме (1885) и Санкт-Петербурге (1889). Напротив, конгресс в Стокгольме постановил, что, "сохраняя незначительные и особые наказания для некоторых незначительных нарушений закона или для таких, которые не указывают на порочность их авторов, желательно принять для каждой тюремной системы максимально возможную юридическую ассимиляцию наказаний в виде тюремного заключения, без различий, кроме их продолжительности и последствий, следующих после освобождения"[20].

[20] *_Proceedings_*, i. 138-70, 551-7, 561-3. Время от времени, однако, тюремный эксперт более позитивных взглядов утверждает ``очень большую пользу, или, скорее, научную необходимость, классификации заключенных как основы для карательной и тюремной системы`` (Белтрани Скалия).

Для позитивистов "единообразие наказания", даже простого содержания под стражей, представляется просто абсурдным, поскольку оно игнорирует главный факт существования различных категорий преступников.

Должна быть однородность между злом и его средством; ибо, как говорит Дюмеснил, "заключенный - это моральный (я бы добавил - физический) пациент, более или менее излечимый, и мы должны применять к нему великие принципы медицинского искусства. К разным болезням мы должны применять разные средства".

В этой связи, однако, мы должны избегать двух крайностей: единообразия наказания и так называемой индивидуализации наказания, последняя особенно в моде среди американских тюремных экспертов. Несомненно, было бы желательно применять к каждому осужденному особое лечение, после физического и психологического изучения его индивидуальности и условий, которые привели его к преступлению; но это неосуществимо, когда количество заключенных очень велико, а управляющий персонал не имеет адекватных представлений о криминальной биологии и психологии. Как может начальник тюрьмы индивидуализировать лечение четырех или пяти сотен заключенных? И разве камерная система, сводящая к минимуму характерные проявления личных склонностей заключенных, нивелирующая их однообразием рутины и тишины, не делает невозможным наблюдение и знакомство с особым характером каждого осужденного, а значит, и специализацию дисциплины? Где же найти необходимых надзирателей и смотрителей, которые знали бы, как выполнять эту сложную обязанность? Тот факт, что отдельные исправительные или карательные дома находятся в прекрасном состоянии, когда их руководители обладают психологической интуицией де Меца, Крофтона, Спальярди или Рукавичникова, и чахнут, когда он уходит, поразительно показывает, что весь секрет успеха кроется в духе мудрого руководителя, сведущего в психологии, а не в слабых достоинствах камеры.

Как несовершенный кодекс с хорошими судьями преуспевает лучше, чем "монументальный" кодекс с глупыми судьями, так и тюремная система, какой бы изобретательной и симметричной она ни была, ничего не стоит без соответствующего персонала.

А поскольку вопрос о персонале всегда очень серьезен, особенно по финансовым причинам, я считаю, что вместо неосуществимой идеи индивидуализации наказаний нам следует заменить ее классификацией, которая не менее эффективна и более проста в применении. Нельзя отрицать, что криминальные антропологи не все согласны с классификацией <p 228>преступников</p 228>. Но я уже показал, что различия между предложенными классификациями лишь формальны и имеют второстепенное значение; и опять же, число тех, кто согласен с предложенной мной классификацией, растет с каждым днем.

Прежде чем задаться вопросом о том, как можно практически организовать позитивную систему социальной защиты на основе этой антропологической классификации преступников, мы должны помнить о двух правилах, общих для всех технических предложений той же системы.

Во-первых, необходимо следить за тем, чтобы сегрегация не стала и не продолжала оставаться (как это слишком часто происходит в настоящее время) желанным прибежищем безделья и преступного сообщества, вместо лишения.

Пенитенциарные учреждения для осужденных - классические специалисты по тюрьмам не делают различий между камерами для заключенных, находящихся под стражей до суда, и камерами для осужденных - не должны быть настолько комфортабельными, чтобы вызывать зависть (что является большой несправедливостью и неосмотрительностью) у честного и плохо питающегося сельского рабочего, прозябающего в своем коттедже, или у рабочего, тоскующего в своей мансарде.

Во-вторых, обязанность трудиться должна быть обязательной для всех, кто находится в тюрьме, за исключением случаев болезни. Заключение должны платить государству не за табак и вино, как сейчас, а за еду, одежду и жилье, а оставшаяся часть их заработка должна идти на возмещение ущерба их жертвам.

Классическая теория провозглашает, что "государство, - как пишет Пессина, - будучи вынужденным принять лишение свободы в качестве основного средства уголовного пресечения и возмездия, несет абсолютную <р 229>обязанность обеспечить тех, кого оно наказывает таким образом, не только телесным пропитанием, но и средствами удовлетворения их интеллектуальных и моральных потребностей". Таким образом, государство содержит в праздности большинство даже тех, кто, как говорят, "приговорен к каторжным работам", а преступление, после того как оно отслужило свой срок, еще больше обеспечивает преступника бесплатным жильем и пищей, перекладывая это бремя на плечи честных граждан.

Я не вижу, по какому моральному или юридическому праву преступление должно освобождать преступника от ежедневной необходимости обеспечивать себе пропитание, которую он испытывал до совершения преступления и которую все честные люди переносят с такими жертвами". Ирония этих последствий классических теорий на самом деле не может быть более удивительной. Пока человек остается честным, несмотря на жалкие страдания и горести, государство не берет на себя труд гарантировать ему средства существования за счет его труда. Оно даже запрещает тем, кто имеет дерзость напоминать обществу, что каждый человек, в силу самого факта своей жизни, имеет право на жизнь, и что, поскольку труд является единственным средством получения средств к существованию, каждый человек имеет право (как и все должны признавать обязанность) работать, чтобы жить.

Но как только кто-либо совершает преступление, государство считает своим долгом проявить о нем максимальную заботу, обеспечивая ему удобное жилье, обильную пищу и легкий труд, если не дарует ему счастливое безделье! И все это, опять же, во имя вечной и карающей справедливости.

Можно добавить, что наши предложения - это единственный <р 230>способ разрешить часто возникающий вопрос об экономической конкуренции (по цене товаров) и моральной конкуренции (по регулярности труда), которую тюремный труд несправедливо ведет со свободным и честным трудом. На самом деле, поскольку заключенные могут только бездельничать или работать, их, безусловно, нужно заставлять работать. Но их нужно заставлять работать на тех работах, которые в меньшей степени конкурируют со свободным трудом, и особенно необходимо давать заключенным зарплату, равную зарплате свободных рабочих, при условии, что они будут платить государству за свое питание, одежду и жилье, а остаток пойдет на возмещение ущерба их жертвам.

Над воротами тюрьмы я хотел бы высечь универсальную максиму: "Кто не хочет работать, тот и не ест".

V.

Со времени новаторских предложений, выдвинутых полвека назад, в частности, докторами Жорже и Бьерре де Буамон, была опубликована целая библиотека томов в пользу приютов для умалишенных. То тут, то там раздавались голоса против или сдержанные, но они почти полностью прекратились.

Уголовные психушки были приняты в Англии еще в 1786 году. В 1815 году Вифлеемская больница была отведена под приют для умалишенных, а в 1863 году был основан приют Бродмур. Подобные убежища существуют в Дандруме в Ирландии (1850), в Перте в Шотландии (1858), в Нью-Йорке (1874) и в Канаде (1877).

На европейском континенте до сих пор не существует регулярного приюта для сумасшедших преступников, хотя Франция, после эксперимента по лечению осужденных сумасшедших в Бикетре, открыла для них отдельное отделение в тюрьме в Гайоне. Голландия выделила для них госпиталь в Босмалене (Брабант); Германия имеет специальные отделения в заведениях в Вальдхайме, Брухзале, Галле и Гамбурге; а Италия, основав в 1876 году специальное отделение в заведении для рецидивистов в Аверсе, превратила заведение Амброджиана в Монтелупо (Тоскана) в приют для умалишенных и заключенных, находящихся под наблюдением как невменяемые. Новый итальянский уголовный кодекс, хотя и не признает открыто создание убежищ для преступников, оправданных по причине невменяемости, в общем духе эклектизма наделяет судей правом передавать их компетентным органам, когда освобождать их было бы опасно (ст. 46). В убежище Монтелупо преступники, оправданные по причине невменяемости, также содержатся под стражей, сначала под наблюдением, затем по определенному распоряжению председателя трибунала, который может отменить свое распоряжение по ходатайству семьи или властей.

Исследование существующего законодательства в отношении невменяемых преступников, предпринятое `Societ  G rale des prisons de Paris', показало, что во Франции, Германии, Австро-Венгрии, Хорватии, Бельгии, Португалии и Швеции авторы преступлений или правонарушений, оправданные по причине невменяемости, выведены из-под всякого контроля судебной власти и переданы под более или менее регулярный и эффективный контроль административных властей. В Англии, Голландии, Дании, Испании и России, напротив, судебная власть уполномочена и даже вынуждена распорядиться об уединении этих лиц в обычном или уголовном сумасшедшем доме.

Из возражений, выдвигаемых против этой формы социальной защиты от невменяемых преступников, я опускаю возражение о стоимости, которая является значительной; ибо даже с финансовой точки зрения я считаю, что фактическая система, которая не дает гарантии безопасности против сумасшедших с преступными наклонностями, обходится администрации дороже, хотя бы по причине ущерба, который они причиняют. Я также опускаю другое возражение, основанное на сценах насилия, которые, как утверждается, неизбежны при объединении таких заключенных; ибо опыт показывает, что предчувствия не имеют под собой оснований в отношении криминальных приютов, где заключенные классифицируются в соответствии с их наклонностями, под руководством персонала со специальными знаниями, который в состоянии предотвратить такие вспышки. В обычных же приютах достаточно нескольких невменяемых преступников, чтобы сделать поддержание порядка очень трудным, а их неизбежные и частые вспышки оказывают тяжелое воздействие на остальных пациентов.

Самые серьезные и повторяющиеся трудности в отношении приютов для умалишенных вытекают из самих принципов защитной функции общества.

Прежде всего, утверждается, что автор опасного поступка - либо сумасшедший, либо преступник. Если он сумасшедший, то ему нечего делать в уголовном правосудии - так

говорили Фабре, Мендель и другие; его действия не являются преступлением, поскольку он не контролирует себя, и его следует поместить в обычную психушку, приняв для него специальные меры, как и для любого другого опасного сумасшедшего. Или же он преступник, и тогда ему нечего делать в приюте для умалишенных, и он должен отправиться в тюрьму.

Но в этой дилемме есть ошибка, поскольку она оставляет без внимания промежуточные случаи и типы, когда конкретные люди одновременно являются и сумасшедшими, и преступниками. И даже если бы речь шла только о сумасшедших, логическим следствием этого не было бы запрещение специальных приютов, поскольку представляется очевидным, что если обычные сумасшедшие (не преступники, то есть не авторы опасных действий) должны отправляться в обычный приют, то преступные сумасшедшие, или сумасшедшие, склонные к совершению опасных или преступных действий, а также те, кто их совершил, должны отправляться в специальный приют для этой категории сумасшедших. Ибо, с другой стороны, мы постоянно видим, что административные власти, соблюдающие одинаковые правила уединения обычных и преступных сумасшедших, не препятствуют освобождению последних через некоторое время после совершения преступления, когда расстройство сознания и даже воспоминания о содеянном уже почти стерлись; а преступные сумасшедшие совершают другие жестокие или возмутительные эксцессы очень скоро после того, как они остаются подверженными своим болезненным наклонностям"[21].

[21] М. Лунье, писавший в 1881 году об эпилептиках и методах лечения и помощи, подходящих для них, говорит, что из 33 000 известных эпилептиков во Франции 5200 находятся в частных или государственных лечебницах, в то время как 28 000 остаются со своими семьями. Исходя из этих цифр, представляется весьма вероятным, что эти 28 000 эпилептиков, оставленных на свободе, совершают преступления и правонарушения.

На это можно ответить, что достаточно иметь <p 234>специальные отделения в обычных приютах, которые также преодолели бы отвращение семей против общения их тихих и безобидных пациентов с убийцами и возмутительными сумасшедшими. Но опыт уже доказал, что эти специальные отделения не дают хороших результатов, так как слишком трудно с тем же персоналом применять такое разнообразное лечение и дисциплину, которые необходимы для обычных и преступных сумасшедших.

Фабре говорит, что "так называемый преступник, когда он признан сумасшедшим, должен перестать считаться преступником и должен чисто и просто вернуться к своим обычным правам".

Но, во-первых, если сумасшедшего отличает от всех других безобидных сумасшедших тот серьезный факт, что он убил, или сжег, или возмутился, то ясно, что он не может "чисто и просто" вернуться к тому же виду обращения, который применяется к безобидным сумасшедшим.

Правда в том, что этот аргумент применим к большому количеству идей, которые наука постоянно отсеивает и которые исходили из предположения, что безумие - это произвольное несчастье, которое нужно лечить, а преступление - это добровольная вина, которая должна быть наказана. С другой стороны, очевидно, что преступление, как и глупость, будучи результатом аномальных условий индивида, физической и социальной среды, всегда является вопросом для социальной защиты, независимо от того, сопровождается ли оно у преступника более или менее выраженной и клинической формой психического заболевания или нет.

Тот же самый ответ применим и ко второму возражению против убежищ для сумасшедших, когда говорят, что <р 235>сумасшедший не может, по той лишь причине, что он убил или украл, быть закрыт в убежище на неопределенный срок, возможно, навсегда.

Манчини, который был хранителем печатей и в то же время великим адвокатом по уголовным делам, метко выразил идеи классической школы, отвечая на реплику депутата Риги об основании приютов для умалишенных: "Я никогда не мог понять, как один и тот же суд, который по закону обязан оправдать обвиняемого по вердикту присяжных, что он невинен и поэтому не несет ответственности, может также постановить принудительное заключение в приюте на любой срок того же обвиняемого. Потому ли, что он совершил преступление? Но это не так, ибо человек, не ведавший, что творит, и по этой причине объявленный невинным перед законом и безответственным, не может совершить преступление. Следовательно, нет никаких законных оснований для того, чтобы он лишился возможности пользоваться свободой, в которой не отказывают другим несчастным существам, больным, как он сам".

Невозможно более четко изложить чистую классическую теорию преступления и наказания; но, возможно, также невозможно проявить меньше заботы о социальной защите от преступных посягательств. Ибо несомненно, что безумный убийца "не совершил никакого преступления" с этической и юридической точки зрения классической школы; но еще более несомненно, что есть мертвый человек и семья, оставшаяся после него, которая может быть разрушена этим поступком, и весьма вероятно, что этот убийца, "невинный перед законом", <р 236>возобновит свое злодеяние на других жертвах - во всяком случае, невинных.

А что касается неопределенного срока уединения в психушке, то с точки зрения прав личности нелишне вспомнить, что формула, по которой сумасшедшего преступника помещают в психушку "на время, пока Ее Величество благоволит", возникла в Англии, в классической стране *habeas corpus* - простыни, служащей якорем для обычного гражданина. Опять же, легко понять, что бессрочное уединение сумасшедших преступников становится необходимым по тем же причинам, которые создают фундаментальное правило для преступников любого рода. Таким образом, речь может идти о том, чтобы разрешить или запретить общие принципы позитивной школы. Но нельзя отрицать, что они неоспоримы как в теории, так и на практике. Преступность - явление столь же естественное, как и безумие; существование общества вынуждает организованное сообщество защищаться от любого антисоциального действия индивида; единственная трудность заключается в том, чтобы приспособить форму и продолжительность этой самозащиты к форме и интенсивности (мотивам, условиям и последствиям) действия. Бессрочное уединение в специальном учреждении, таким образом, неизбежно в силу особого состояния этих индивидов.

Практические соображения социальной защиты настолько сильны, что подавляющее большинство классических криминалистов в настоящее время признают уголовные психушки, несмотря на их явное противоречие формальным теориям моральной ответственности, на основании которых против этих психушек выступали и продолжают выступать непримиримые представители классической школы. Вот почему новый <р 237>Итальянский уголовный кодекс, несмотря на свою прогрессивную цель, не отважился в 1889 году принять их откровенно; и в окончательном тексте, как и в министерском проекте, он укрылся в эклектичной схеме, которая уже встретила массу препятствий из-за неясности принципов, вдохновляющих кодекс.

Убежища для умалишенных должны быть двух видов, различающихся по дисциплине: одно - для умалишенных, совершивших тяжкие и опасные преступления, такие как убийства, поджоги, изнасилования и тому подобное; другое - для более легких преступлений, таких как мелкие кражи, грубые выражения, оскорбления общественного приличия и тому подобное. Для последних уединение должно быть короче, чем для остальных. Так, в Англии осужденных отправляют в государственное убежище в Бродмуре, а мелких правонарушителей - в убежище графства.

К заключенным должны быть отнесены: 1) заключенные, оправданные по причине невменяемости или осужденные на определенный срок на предварительном следствии; 2) осужденные, ставшие невменяемыми во время отбывания наказания; 3) невменяемые, совершившие преступления в обычных приютах; 4) лица, находящиеся под наблюдением по причине слабости интеллекта в специальных отделениях, которые были отданы под суд и получили основания для подозрения в сумасшествии.

В Бродмуре 31 декабря 1867 года было 389 пациентов мужского пола и 126 женского; а в 1883 году - 381 мужчина и 132 женщины, которые были классифицированы таким образом:...

Безумные преступники. Мужчины. Женщины.
 Убийство 155 ... 85
 Покушение на убийство 111 ... 18
 Отцеубийство 7 ... 6
 Кража 23 ... 3

<р 238>

Безумные преступники. Мужчина. Женщины.
 Поджигательство 24 ... 1
 Военные преступления 21 ... -
 Попытка самоубийства 3 ...

В Германии, в тюрьме в Вальдхайме, доля сумасшедших преступников к соответствующим классам обычных преступников было следующим следующим образом:-

	Процент
Преступления. В тюрьме. Невменяемые.	
Убийство, реальное или покушение ...	74 ... 17,6
Убийство и злонамеренное ранение ...	51 ... 9,8
Ограбление с применением насилия ...	64 ... 12,5
Поджигательство	219 ... 6,8
Изнасилование	52 ... 5,8
Непристойное нападение... ..	299 ... 5,7
Лжесвидетельство	220 ... 2,7
Военные преступления	23 ... 21,7
Преступления против собственности	5 116 ... 1,9
Другие преступления	158 ... 0,6

Итого... ..	6 276 ... 2,7

Иными словами, среди военных преступников (1) очень велика доля сумасшедших, что может указывать на влияние военной жизни, или на небрежный отбор для призыва, или на обе причины вместе; и (2) среди более серьезных преступников доля сумасшедших выше, отчасти потому, что авторы насильственных преступлений подвергаются более строгому и частому наблюдению на предмет сумасшествия.

Мне кажется, что этот факт, который также подтверждается данными по Англии, является самым убедительным аргументом в пользу приютов для умалишенных.

Что касается прирожденных преступников, то, поскольку, как говорит доктор Модсли, мы сталкиваемся если не с вырождающимся видом, то, по крайней мере, с вырождающейся разновидностью человеческого вида, и проблема состоит в том, чтобы уменьшить их число настолько, насколько это возможно, сразу же возникает предварительный вопрос, а именно: не является ли смертная казнь наиболее подходящей и эффективной формой социальной защиты против антисоциального класса, когда они совершают преступления большой тяжести.

Это вопрос, который в течение столетия разделял экспертов-криминалистов и утомлял широкую общественность, причем, возможно, больше сентиментальными заявлениями, чем позитивными вкладами; вопрос, возрожденный позитивной школой, которая, однако, только выдвинула его, не обсуждая, на первом конгрессе по уголовной антропологии в Риме; в то время как он был недавно решен новым итальянским уголовным кодексом, который является первым кодексом среди ведущих государств, постановившим (1 января 1890 года) юридическую отмену смертной казни, после ее фактической отмены в Италии с 1876 года, за исключением военных преступлений.

Среди классических экспертов, как и среди позитивистов, есть те, кто отменяет и те, кто сохраняет смертную казнь; но разногласия по этому вопросу не одинаково серьезны в этих двух лагерях. Ведь в то время как классические аболиционисты почти все утверждают, что смертная казнь несправедлива, позитивисты единодушно признают ее законной, и лишь немногие оспаривают ее практическую эффективность.

Мне кажется, что смертная казнь предписана природой и действует в каждый момент жизни Вселенной. Она также не противоречит справедливости, поскольку, когда смерть другого человека абсолютно необходима, она законна, как в случаях законной самозащиты, будь то отдельного человека или общества, что признают классические аболиционисты, такие как Беккариа и Каррара.

Универсальный закон эволюции также показывает нам, что жизненный прогресс любого вида обусловлен постоянным отбором, смертью наименее приспособленных в борьбе за жизнь. Этот отбор, как в человечестве, так и среди низших животных, может быть естественным или искусственным. Поэтому в соответствии с естественными законами человеческое общество должно проводить искусственный отбор, устраняя антисоциальных и несоответствующих индивидуумов.

Однако не стоит заходить слишком далеко в этих выводах, ведь каждая проблема имеет свои относительные основания, а позитивное наблюдение, в отличие от логики, не допускает простых и точных решений. Следует заметить, что эта идея искусственного отбора, хотя и верная, привела бы к преувеличенным выводам, если бы она была перенесена в социологическую область без резерва и без необходимого баланса между интересами и правами общества и отдельных людей. Если бы эта идея была воспринята абсолютно, то она сделала бы законным и даже обязательным ультраспартанское уничтожение всех детей,

родившихся абортивными или неизлечимо больными, или антисоциальными из-за их идиотизма или умственного помешательства.

С другой стороны, признание того, что смертная казнь может быть законной в качестве крайней и исключительной меры, не означает признания того, что она необходима в нормальных условиях социальной жизни. Теперь не подлежит сомнению, что в этих нормальных условиях общество может защитить себя иначе, чем смертью, как, например, вечным уединением или транспортировкой, неудача которых в результате побега осужденных слишком редка, чтобы быть решающим фактором против него.

Превентивная и сдерживающая эффективность смертной казни становится весьма проблематичной, когда мы рассматриваем ее не по нашим собственным впечатлениям, как обычные люди, спокойно и теоретически, а с помощью данных криминальной психологии, которая является ее единственной истинной сферой наблюдения. Каждый, кто совершает преступление, либо увлекается внезапной страстью, когда он ни о чем не думает, либо действует хладнокровно и обдуманно, и тогда его определяет не сомнительное сравнение смертной казни с пожизненным заключением, а просто надежда на безнаказанность. Особенно это касается прирожденных преступников, главной психологической характеристикой которых является избыток импровизации в сочетании с моральной бесчувственностью.

Если осужденный говорит, что боится смерти, то это означает лишь, что у него есть сиюминутное впечатление, которое, однако, не может удержать его от преступления, так как и здесь, в силу той же психологической тенденции, он будет подвержен лишь преступному искушению.

И если верно, что после суда и осуждения преступник боится смерти больше, чем пожизненного заключения (исключая осужденных самоубийц и тех, кто в силу своей физической и моральной бесчувственности смеется над смертью до подножия эшафота), то судить и осуждать их тем более не нужно.

И действительно, статистика доказывает, что периодические колебания более тяжких преступлений не зависят от количества осуждений и казней, ибо они обусловлены совершенно иными причинами. Тоскана, где смертная казнь не применяется уже сто лет, является одной из провинций с самым низким числом тяжких преступлений; а во Франции, несмотря на рост общей преступности и населения, обвинения в убийствах, отравлениях, отцеубийствах и убийствах снизились с 560 в 1826 году до 430 в 1888 году, хотя число казней за тот же период сократилось с 197 до 9.

Смертная казнь - это легкая панацея, но она далеко не всегда способна решить такую сложную проблему, как тяжкие преступления. Идея уничтожения неисправимых и прирожденных преступников легко реализуема, и Дидро в своем "Письме к Ландуа" утверждал, что она является естественным следствием отрицания свободы воли, говоря: "В чем состоит великое различие между человеком и человеком? Делать добро и делать зло. Человек, причиняющий вред, должен быть уничтожен, а не наказан". Но в противовес этому слишком легкомысленному представлению мы должны обратиться к опыту, к другим материальным и моральным условиям социальной жизни, чтобы найти необходимое равновесие и завершение.

Я не буду далее обсуждать вопрос о смертной казни, поскольку с интеллектуальной точки зрения он уже исчерпан и перешел в область предрассудков "за" или "против", причем эти предрассудки касаются скорее более или менее отвратительного способа казни, чем самого

наказания. В его пользу говорит абсолютное, бесповоротное и мгновенное устранение из общества человека, который показал себя абсолютно неприспособленным и опасным для общества. Но я считаю, что если мы хотим <р 243>извлечь из смертной казни единственную положительную пользу, которой она обладает, а именно искусственный отбор, то у нас должно хватить мужества решительно применять ее во всех случаях, когда это необходимо с этой точки зрения, то есть ко всем прирожденным преступникам, которые являются авторами самых серьезных насильственных преступлений. В Италии, например, необходимо было бы ежегодно казнить не менее тысячи человек, а во Франции - около двухсот пятидесяти, вместо ежегодных семи-восьми.

В противном случае смертная казнь должна рассматриваться как негодное и заброшенное средство устрашения, лишь для того, чтобы быть напечатанной в кодексах; и в этом случае было бы серьезнее действовать, чтобы отменить ее.

А так она слишком похожа на те неподвижные пугала, которые земледельцы расставляют на своих полях в глупом расчете на то, что птицы будут отпугивать их от кукурузы. С первого взгляда они могут вызвать некоторую тревогу, но со временем птицы, видя, что пугало не двигается и не может причинить им вреда, теряют страх и даже садятся на него сверху. Так и с преступниками, когда они видят, что смертная казнь никогда или очень редко применяется; и не приходится сомневаться, что преступники судят о законе не по его формулировкам в кодексах, а по его практическому и повседневному применению.

Поскольку сдерживающая эффективность наказаний вообще, включая смертную казнь, весьма незначительна для прирожденных преступников, бесчувственных и импровизированных, редкие случаи казни, конечно, не излечат болезнь общества. Только уничтожение нескольких сотен убийц ежегодно дало бы <р 244>разумный результат в виде искусственного отбора; но это легче сказать, чем сделать. И я полагаю, что в обычные периоды ни в одном современном и цивилизованном государстве не будет возможным ежедневное исполнение смертного приговора. Общественное мнение не выдержало бы этого, и вскоре наступила бы реакция[22].

[22] В любом случае я считаю, что казни должны происходить в тюрьме и с помощью яда, вводимого сразу же после вступления приговора в силу. В Северной Америке пробовали использовать электричество, но казни с его помощью кажутся такими же ужасными и отталкивающими, как казни с помощью гильотины, гарота, эшафота или винтовки". (См. "Медико-юридический журнал Нью-Йорка", март и сентябрь 1889 г.) Из "Обобщенной информации о смертной казни", опубликованной Говардской ассоциацией в 1881 г., я взял следующие данные о смертной казни в Европе и Америке:...

Смерть

Штат. Приговоры. Казни.

Австрия (1870-9)	806 ...	16
Франция (1870-9)	198 ...	93
Испания (1868-77)	291 ...	26
Швеция (1869-78)	32 ...	3
Дания (1868-77)	94 ...	1
Бавария (1870-9)	240 ...	7
Италия (1867-76)	392 ...	34
Германия, Северная (1869-78)	484 ...	1
Англия (1860-79)	665 ...	372
Ирландия (1860-79)	66 ...	36

Шотландия (1860-79) 40 ... 15
Австралия и Новая Зеландия (1870-9) ... 453 ... 123
Соединенные Штаты, около 2500 убийств в год - около 100
казней и 100 линчеваний в год.

В Финляндии с 1824 по 1880 год не было ни одной казни. В Голландии, Португалии, Румании и Италии смертная казнь отменена законом, а в Бельгии - практически. Швейцария также отменила ее, но несколько кантонов, под влиянием нескольких жестоких и повторяющихся преступлений, возродили ее в своих кодексах, но не привели в исполнение. В Соединенных Штатах Америки она была отменена в Мичигане, Висконсине, Род-Айленде и Мэне. В июле 1880 года лорд Грэнвилл провел расследование законодательства и статистики, касающейся убийств в Европе и Америке, результаты которого были опубликованы в 1881 году. (`` Доклады о законах зарубежных стран, касающихся преступлений, связанных с убийством").

В рукописном реестре казней в герцогстве Феррара между 970 и 1870 годами я обнаружил, что, исключая девятнадцатый век, за 800 лет было 5 627 <р 245> казней (3 981 за кражу и 1 009 за убийство), то есть в среднем 700 в каждом веке, только в городе Феррара. А в Риме, согласно записям монастыря Святого Иоанна Обезглавленного, с 1500 по 1770 год было совершено 5280 казней, то есть по 1955 в каждом столетии, в одном только городе Риме. Если учесть соотношение населения Феррары и Рима к населению Италии в целом, то получится огромное количество казней в прежние века, которое вряд ли могло быть меньше четырехсот в год.

Это были серьезные случаи применения смертной казни, которым мы, несомненно, в какой-то степени обязаны очищением общества за счет уничтожения людей, которые в противном случае пополнили бы свое преступное потомство.

В заключение хочу сказать, что если мы хотим относиться к смертной казни серьезно и извлекать из нее ту единственную пользу, на которую она способна, мы должны применять ее в таких огромных масштабах; в противном случае, если она останется в качестве неэффективного средства устрашения, мы должны действовать более серьезно, если исключим ее из уголовного кодекса, исключив из нашей обычной практики. И поскольку у меня, конечно, не хватит смелости требовать восстановления этих средневековых способов уничтожения, я, исходя из вышеупомянутых практических соображений, остаюсь убежденным отменителем смертной казни, особенно в таких странах, как Италия, где более или менее искусственное и поверхностное течение общественного мнения резко выступает против смертной казни.

Если отбросить смертную казнь, как ненужную в нормальные времена и неприменимую в единственной пропорции, которая сделала бы ее эффективной, для прирожденных преступников, совершающих самые серьезные преступления, то остается только выбор между этими двумя способами устранения - пожизненной перевозкой и бессрочным уединением.

Это единственный выбор для позитивистов, поскольку мы не можем придавать большого значения мнению немецких юристов, Хольцендорфа, Гейера и других, которые вообще отказались бы от вечного заключения. Профессор Луккини, принявший эту теорию в Италии, заявил, что личная свобода осужденного должна быть ограничена в ее осуществлении, но не подавлена как право, и что пожизненное заключение разрушает "моральную и правовую личность преступника в одном из его наиболее важных человеческих факторов, инстинкте

общения". Он добавил, что наказание "не должно истощаться чрезмерной продолжительностью".

Конечно, несерьезно говорить, что право личности не может быть подавлено, если этого требует необходимость, когда мы видим, как это делается каждый день в случаях законной самообороны; и что наказание исчерпывается чрезмерной продолжительностью, когда именно продолжительность изгнания из своего рода составляет единственную реальную эффективность наказания; и говорить об общительном инстинкте в связи с самыми антиобщественными преступниками.

И только забвение элементарных и наименее спорных данных криминальной биопсихологии позволяет поддерживать исключение всех пожизненных наказаний на том основании, что эта бессрочность "противоречит реформаторскому принципу наказания, принципу, согласно которому наказание должно быть направлено не только на <p 247> причинить вред заключенному, но и пробудить в нем, если возможно, нравственное чувство, или укрепить его, и открыть ему путь, по которому он может надеяться быть возвращенным в общество, исправленным и реабилитированным". Бессрочное наказание исключает такую возможность".

Составители голландского Уголовного кодекса ответили на эти замечания профессора Полса, во-первых, во имя здравого смысла: "Наказание назначается не для блага заключенного, а для блага общества", а во-вторых, с долей иронии: "Даже ради отмены смертной казни и во избежание реакции в пользу этого наказания мы должны поддерживать право на вечное заточение тех немногих преступников, освобождение которых было бы опасным".

Совершенно бесполезно рассматривать вопрос об исправлении преступников в противовес пожизненному заключению, когда известно, что прирожденные преступники, авторы самых тяжких преступлений, для которых предусмотрено такое наказание, - это именно те, чье исправление невозможно, и что приписываемое им нравственное чувство - всего лишь психологическое заблуждение классического психолога, который приписывает совести преступника то, что он чувствует в своей собственной честной и нормальной совести.

Но достаточно легко понять, что эта оппозиция бессрочному заключению, хотя она и осталась безрезультатной, как слишком доктринерская и сентиментальная, является лишь симптомом исторической тенденции классических школ, полностью благоприятной для преступника и всегда склонной к смягчению наказаний. Интересы общества слишком сильно игнорируются, когда пытаются перейти от отмены смертной казни к пожизненному заключению. Если не остановить эту тенденцию, то можно ожидать, что какой-нибудь классический эксперт потребует отменить все наказания для этих несчастных преступников с их нежной нравственной чувствительностью!

Таким образом, вопрос заключается в том, что выбрать: транспортировку или бессрочное уединение.

Много написано за и против транспортировки, а в Италии около двадцати лет назад состоялась оживленная дискуссия по этой проблеме между М. Белтрани Скалиа, бывшим генеральным директором тюрем, и сторонниками этой формы уничтожения преступников. Не вдаваясь в подробности спора, очевидно, что опыт таких стран, как Англия, которая долгое время перевозила своих преступников, потратив на это сотни миллионов, а затем отказалась от этой практики, сам по себе является достойным внимания примером.

Однако это лишь возражение, насколько оно применимо к перевозке в прежнем виде, то есть с огромными тюрьмами, построенными в далеких странах. Месье Бельтрани Скалия справедливо заметил, что с таким же успехом мы могли бы строить их у себя дома, поскольку они обойдутся дешевле и будут более удобными. Пример Франции в практическом применении этой политики не внушает оптимизма.

Однако в транспортировке, как и в смертной казни, есть неоспоримый элемент разума. Ведь когда она вечна, с очень слабыми шансами на возвращение, это лучший способ избавить общество от наиболее вредных факторов, не заставляя нас держать их в этих принудительных человеческих ульях, известных как клеточные тюрьмы" <р 249>.

Но есть еще вопрос о простой транспортировке, впервые примененной Англией, которая состоит в том, чтобы посадить осужденных на остров или пустынный континент, с возможностью жить трудом, или же отпустить их на свободу в дикую страну, где осужденные, которые в цивилизованных странах сами наполовину дикари, будут представлять частичную цивилизацию, и, будучи разбойниками и убийцами, могут стать военными лидерами в странах, где, во всяком случае, возрождение их преступных наклонностей встретит немедленное и энергичное сопротивление, вместо медленного механизма наших уголовных процессов.

Для Италии, однако, этот вопрос предстает в особой форме; ведь там гораздо полезнее было бы провести своего рода внутреннюю депортацию на землях, которые не обрабатываются из-за малярии. Если для рассеивания этой малярии требуется человеческая гекатомба, то, очевидно, лучше пожертвовать преступниками, чем честными людьми. Несколько лет назад транспортировка через море была очень трудной для Италии, особенно ввиду отсутствия колоний; ведь тогда всегда существовало препятствие, о котором говорил Франклин, говоря о перевозимых английских каторжниках, в своем известном ответе: "Что бы вы сказали, если бы мы перевозили наших гремучих змей в Англию? Но с тех пор, как в Италии появилась колония Эритрея, идея транспортировки снова стала актуальной. В мае 1890 года я внес в парламент резолюцию в пользу экспериментальной пенитенциарной колонии в наших африканских владениях. Это предложение нашло много сторонников, несмотря на противодействие хранителя печатей, который забыл, что в своем докладе <р 250> о проекте уголовного кодекса он написал, что заключенные могут содержаться и в колониях. Вскоре после этого предложение было возобновлено депутатом де Зерби и принято генеральным директором тюрем М. Бельтрани Скалия.

Подобным образом М. Принс заявляет, что выступает за транспортировку Бельгии после образования государства Конго.

Однако, по моему зрелому мнению, транспортировка не должна быть самоцелью. Исправительная колония для взрослых должна быть пионером свободной сельскохозяйственной колонии. Поэтому проблема пенитенциарной колонии в наших африканских владениях не может быть решена раньше, чем два других вопроса.

Прежде всего, мы должны выяснить, есть ли в этих владениях подходящие районы для сельскохозяйственной колонизации. И, во-вторых, мы должны подумать, не обойдется ли нам дешевле перевозка каторжников в районы, расположенные ближе к дому и нуждающиеся в очистке, - план, который также предотвратит их переход на сторону врага и превращение в вождей или проводников варварских племен, воюющих с нами.

В любом случае, независимо от того, решим ли мы отправить прирожденных и закоренелых преступников в глубь страны или за море, остается вопрос о форме уединения.

В связи с этим была предложена идея "учреждений для неисправимых", или закоренелых преступников, где должны содержаться пожизненно или (что одно и то же в данном случае) на неопределенный срок прирожденные преступники, совершившие тяжкие преступления, закоренелые преступники и закоренелые рецидивисты" <р 251>.

Врожденный характер и наследственная передача преступных наклонностей у этих людей полностью оправдывают слова Кетеле о том, что "нравственные болезни подобны физическим: они заразны, или эпидемичны, или наследственны. Порок передается в некоторых семьях так же, как золотуха или чахотка. Большее число преступлений происходит из сравнительно небольшого числа семей, которые нуждаются в особом надзоре, в изоляции, подобной той, которую мы налагаем на больных, подозреваемых в носительстве микробов инфекции". Так, Аристотель рассказывает о человеке, который, будучи обвиненным в избиении своего отца, ответил: "Мой отец бил моего деда, который жестоко бил своего отца; и вы видите моего сына - прежде чем он вырастет, он впадет в страсть и будет бить меня". А Плутарх добавил к этому: "Сыновья порочных и развращенных людей воспроизводят природу своих родителей".

Так объясняется идея Платона, который, "признавая принцип, что дети не должны страдать за преступления родителей, все же, приводя в пример отца, деда и прадеда, осужденных на смерть, предлагал изгнать их потомков, как принадлежащих к неисправимому роду". Каррара назвал эту идею ошибочной, но нам она кажется в значительной степени справедливой. Вспомним, что когда де Мец в 1839 году основал свою сельскохозяйственную колонию в Метрее, некогда знаменитую, но ныне пришедшую в упадок (ведь весь успех этих учреждений зависит от исключительных психологических качеств их губернаторов), из 4454 детей 871, или 20 процентов, были детьми осужденных. Мы вполне согласны с предложением Крофтона помещать детей осужденных в промышленные школы или исправительные дома.

Специальное учреждение для вечного или бессрочного уединения неисправимых преступников было предложено или одобрено в Италии Ломброзо, Курчио, Барини, Дориа, Тамассиа, Гарофало, Карелли; во Франции - Деспином, Лабатистом, Тиссо, Левейлем<e>; в России - Минцлофф, в Англии - Май, в Германии - Краепелин и Лилиенталь, в Австрии - Вальберг, в Швейцарии - Гийом, в Америке - Винс и Вейланд, в Голландии - Ван Хамель, в Португалии - Лукас и т. д.

Но я считаю, что для установления факта неисправимости количество рецидивов должно варьироваться в отношении разных преступников и преступлений. Так, например, в случае убийств, особенно совершенных прирожденными преступниками, первое преступление должно влечь за собой приговор о пожизненном заключении. В случае менее серьезных преступлений, таких как изнасилование, кража, ранение, мошенничество и т. д., должно быть от двух до четырех рецидивов, прежде чем закоренелый преступник будет приговорен к такому заключению.

Эти идеи примерно воплощаются в жизнь, особенно в тех странах, которые, не добившись больших успехов в уголовной науке, встречают меньше педантичного сопротивления практическим реформам.

Так, во Франции после предложений Мишо, Пети и Миньере, и особенно после выступлений М. Рейнаха, за которыми последовало несколько публикаций подобного рода, был принят закон 1885 года о лечении рецидива.

Г-да Мюррей Браун и Бейкер выступали на <p 253>Тюремном конгрессе в Стокгольме и на Парижском обществе тюрем (Société Générale des Prisons) с докладами о системе кумулятивных и прогрессивных приговоров, принятой, хотя и не повсеместно, в Англии в отношении закоренелых преступников. Срок заключения увеличивается, почти регулярно, при каждом новом рецидиве. Это система, которая уже была предложена Филдом и Уолтоном Пирсоном на Конгрессе по социальным наукам в октябре 1871 года, а затем Коксом и Коллом, который был начальником полиции в Глазго, на Конгрессе 1874 года, и которая, как отметил мистер Моватт, была принята в индийском уголовном кодексе и установлена в Японии указом, устанавливающим бессрочное тюремное заключение после четвертого рецидива.

Делегат от Канады на тюремном конгрессе в Стокгольме свидетельствовал, что короткие сроки заключения увеличивают количество преступлений. После первого приговора многие преступники этого класса становятся профессиональными преступниками.

Профессиональные воры, которые являются закоренелыми преступниками, должны, за редким исключением, приговариваться к пожизненному заключению или к сроку, равному вероятному остатку их жизни". Проект российского уложения 1883 года предусматривает, что "если будет установлено, что обвиняемый виновен в нескольких преступлениях и что он совершил их в силу привычки к преступлению или профессии, то суд, определяя наказание по отношению к различным преступлениям, может увеличить его" и т. д. А итальянский уголовный кодекс, хотя и с большой робостью, постановил специальное усиление наказания для заключенных, "которые рецидивировали несколько раз" <p 254>.

Совсем недавно сенатор Бренгер представил во Франции меру "о постепенном усилении наказания в случаях рецидива", которая стала законом 26 марта 1891 года под названием "об изменении и усилении наказаний".

Поэтому весьма вероятно, что даже классические криминалисты в конце концов согласятся с бессрочным уединением закоренелых преступников, как они уже согласились с приютами для умалишенных, хотя обе идеи противоречат классическим теориям.

Это настолько верно, что на тюремном конгрессе в Санкт-Петербурге в 1889 году впервые был поставлен вопрос: "Можно ли признать, что некоторые преступники должны рассматриваться как неисправимые, и если да, то какие средства могут быть использованы для защиты общества от этого класса осужденных?". А выступая в качестве делегата от Петербургского юридического общества, М. Спасович признал, что "этот вопрос носит на себе печать своего происхождения". Из всех вопросов программы он, по-видимому, был единственным, непосредственно проникнутым принципами новой позитивной школы уголовной антропологии, теории которой, распространившись за пределами родины в Италии, вели к радикальной реформе как науки, так и законодательства, как уголовного права, так и судопроизводства, как представлений о преступлении, так и способов его пресечения".

Конгресс, несмотря на некоторые проявления сдержанности, как, например, когда мадам Ареналь платонически заметила, что "неисправленный преступник не является синонимом неисправимого преступника", принял следующую резолюцию:- "Не признавая, что с точки зрения уголовного и пенитенциарного права существуют абсолютно неисправимые преступники" - что является чистым педантизмом, - "тем не менее, поскольку опыт показывает, что существуют лица, которые сопротивляются совместному действию наказания и тюремного заключения" - примечательное признание!- "и которые привычно и

почти профессионально возобновляют нарушение законов общества, эта секция Конгресса единодушно считает, что необходимо принять специальные меры против таких лиц".

Аналогичным образом Международный союз уголовного права на своей сессии в Берне (август 1890 года) выразил мнение большинства в следующих выражениях: - "Существуют злоумышленники, для которых, ввиду их физического и морального состояния, постоянное применение обычных наказаний является недостаточным. К этому классу особо относятся закоренелые рецидивисты, которых следует рассматривать как деградирующих преступников или преступников по профессии. Злоумышленники должны подвергаться, в зависимости от степени их вырождения или опасности, которой они угрожают, специальным мерам, разработанным с целью предотвращения причинения ими вреда и, по возможности, их исправления". А на сессии в Кристиании (август 1891 г.), после замечательного доклада Ван Хамеля, Союз, отклонив предложение Фелиша, который говорил о "неисправленных" вместо "неисправимых", единогласно одобрил выводы Ван Хамеля: - "С целью более полного изучения характера и вредного влияния закоренелых преступников, в особенности неисправимых (исследование, которое абсолютно необходимо для законодательства), Союз поручает своим должностным лицам настоятельно требовать от различных правительств огромной важности статистики рецидивизма, которая должна быть подробной, точной, единообразной и приспособленной для сравнительного изучения. В отношении неисправимых закоренелых преступников совершенно необходимо, чтобы суд по последнему обвинению не определял окончательно обращение с преступником, а чтобы решение было перенесено на дальнейшее расследование, которое должно учитывать личность преступника, его прошлое и поведение в течение определенного периода наблюдения.

Теперь необходимо выяснить, какую форму должна принять вечная или бессрочная изоляция преступника.

Как отмечает М. Тарде, за последнее столетие были сделаны или разработаны две большие инновации в отношении тюрем, которые еще не приняты во всех странах: исправительные колонии, где транспортировка является лишь фактором, и тюремная камера. Камера заняла лидирующее положение с тех пор, как ее привезли из Америки в Европу, где, однако, до нее существовали камерные тюрьмы Святого Михаила в Риме и в Ганде.

Система камерного содержания, продукт реакции против огромного физического и морального разложения заключенных в обычных тюрьмах и трудовых учреждениях, возможно, имела, и, несомненно, все еще имеет много сторонников, в том числе из-за духа пиетизма и религиозного покаяния, который всегда сопутствует ей; но она открыта для сильной критики.

Среди тех же тюремных экспертов уже наблюдалось определенное регрессивное движение в отношении изоляции. Сначала рекомендовалась абсолютная и постоянная изоляция, как днем, так и ночью ("одиночное заключение"), вплоть до введения, несмотря на благие намерения, гротескных капюшонов и масок для заключенных, что было почти аналогично "Братьям жалости" в некоторых итальянских городах для помощи раненым. Вскоре было замечено, что подобные вещи, конечно, не могут способствовать исправлению виновных, и тогда изоляция была ослаблена (при этом она по-прежнему применялась как днем, так и ночью) с посещениями заключенных капелланом, губернаторами, представителями обществ бдительности и помощи заключенным. Это называется "раздельным содержанием". После этого было признано, что реальная необходимость в изоляции возникает ночью, и тогда была разработана система Оберна: изоляция в камерах на ночь, ежедневный общий труд,

обязательство (которое невозможно принудить) молчать. И наконец, видя, что, несмотря на тройную панацею всех тюремных систем (изоляция, работа и обучение, особенно религиозное), рецидивы все равно учащаются, было решено, что, возможно, не очень полезно подвергать человека на месяцы или годы монашеской жизни у братьев-траппистов, в этих чудовищных человеческих ульях (которые Бентам довел до сведения французского Учредительного собрания под названием "паноптикины"), а по окончании срока освобождать его из тюрьмы и погружать во все соблазны атмосферы, к которой его легкие уже не привыкли.

Затем была введена "прогрессивная система", <р 258>сначала в Англии, где ее придумал Маконочи, затем в Ирландии, которая дала ей название, чередующееся с названием сэра В. Крофтона. Это самый симметрично совершенный механизм, хотя и напоминающий компанию марионеток. Он подтверждает слова Геккеля о том, что реальный мир является обобщением настроений стремления, поскольку точно суммирует предшествующие ему системы, каждая из которых представляет собой фазу прогрессивной системы. Прежде всего наступает период братского милосердия - абсолютная изоляция заключенного, чтобы он мог обратиться к своей совести, или прислушаться к голосу раскаяния, или получить впечатление преданности и страха. После этого наступает обэриутская фаза - изоляция ночью и труд (когда труд разрешен) днем, с ограничением молчания. Затем промежуточный период в сельскохозяйственной колонии или трудовой банде за пределами тюрьмы, как период выздоровления, чтобы приучить легкие к острому воздуху свободы. Это этап, добавленный сэром В. Крофтоном к английской системе. Наконец, наступает период условного освобождения (по отпускному билету), когда последняя часть наказания смягчается и считается погашенной, если во время освобождения и в течение последующего периода осужденный не совершит нового преступления.

Прогрессивный или регрессивный переход от одной фазы к другой осуществляется с помощью своего рода автоматического регулятора, зависящего от количества отметок, полученных или потерянных заключенным в результате его хорошего или плохого поведения, которому, как мы знаем, придается моральное или психологическое значение - значение чисто отрицательное. <р 259>.

Эта прогрессивная, постепенная или ирландская система получила превосходство в Европе, так что даже Бельгия, классическая страна клеточной системы, пересмотрела свои идеи, основанные на повседневном опыте, и стала первой континентальной страной, которая ввела условные сроки (в 1888 году), которые являются плодом коротких сроков и клеточных наказаний.

Я не отрицаю, что эта прогрессивная система лучше других, хотя мы не должны забывать, что почти чудесный эффект исправления и снижения рецидивизма (который действительно утверждается для каждой новой системы, но впоследствии опровергается) был вызван в Ирландии массовой эмиграцией условно освобожденных в Северную Америку - эмиграция составила 46 процентов от общего числа освобожденных заключенных. Нельзя забывать и о том, что эта система, требующая подготовленного штата офицеров, менее сложна для работы в странах, где, как в Ирландии, насчитывается всего несколько сотен заключенных; но она была бы гораздо сложнее в Италии или Франции, где число заключенных исчисляется десятками тысяч. В этих странах, соответственно, система не будет практичной, если к ней не присоединить принцип классификации заключенных по биологическим и психологическим категориям; ибо без этого мы не избавимся от безличной системы, которая является пороком нашего нынешнего уголовного права и при которой даже в нашей

тюремной администрации мы относимся к заключенному как к простому символу, к которому можно применить три обычных правила: камера, каторжный труд и обучение.

Но я категорически против или принимаю просто как <р 260>аксессуар (даже для уединения заключенных до суда, после предварительного осмотра), изоляцию в камере саму по себе, которая достигла вершины абсурда и бесчеловечности в случаях пожизненного заключения.

Как сказал Манчини в 1876 году, обсуждая проект итальянского уголовного кодекса, "наказание в виде пожизненного каторжного труда, которое в проекте заменяет смертную казнь, существенно отличается по тяжести лишений и страданий от всех других видов тюремного заключения. Его необходимо отбывать в одной или двух специальных тюрьмах, которые будут построены на территории страны. Это будет самое печальное и ужасное, что только может представить человеческое воображение. Эти могилы для живых, которых общество отвергло навсегда, в отличие от всех других тюрем, обрекут своих заключенных на постоянное одиночное заключение в камерах и на жизнь, которая может быть хуже самой смерти. . . . Это самое жалкое состояние, которое свободный человек не может осознать без ужаса, будет длиться десять лет; и не в силах человека положить ему конец раньше, если заключенный, сломленный физической слабостью или угрозой потери рассудка, не сможет больше этого выносить".

После такого описания я не жалею, что осудил клеточную систему как одно из безумств девятнадцатого века.

Эта бесполезная, глупая, бесчеловечная, дорогостоящая "гробница живых" должна быть отвергнута, даже если она будет сведена к самым низким условиям новым итальянским кодексом, в котором парламент, приняв часть моей поправки, установил срок абсолютного уединения в семь лет" <р 261>.

Из этого описания камерного заключения видно, что классические криминалисты и специалисты по тюрьмам логично пришли к выводу, что бессрочное наказание должно быть отменено, и это делает возможным рецидив даже при убийстве. Но очевидно, что отменять нужно не вечное заключение, а лишь тупо суровую форму изоляции в камерах - и это не только при пожизненном, но и при любом наказании.

Тюремное заключение в камерах бесчеловечно, потому что оно уничтожает или ослабляет, в случае наименее деградировавших преступников, то социальное чувство, которое и так было в них слабо, а также потому, что оно неизбежно ведет к безумию или чахотке (из-за онанизма, недостатка движения, воздуха и т. д.). Поэтому тюремные власти, чтобы избежать этих катастрофических последствий, доходят до несправедливости, строя для убийц камеры, которые, безусловно, комфортабельны и, следовательно, насмешку над честной убогостью коттеджей и чердаков бедняков. Лечение психических заболеваний признает особую форму безумия под названием тюремное безумие.

Тюремное заключение, временное или бессрочное, ничего не может сделать для исправления виновных, тем более что, если мы не изменяем социальную среду, бесполезно заботиться о заключенных, если, выйдя из тюрьмы, они должны вернуться в те же условия, которые привели их к преступлению. Адекватная социальная профилактика никак не может быть обеспечена более или менее аркадными устройствами обществ помощи заключенным. Главная ошибка тюремных экспертов заключается в том, что они концентрируют свое внимание <р 262>исключительно на камере и в камере, забывая о внешних факторах преступности; таким образом, в результате знакомого психологического процесса, камера

стала для тюремных экспертов тем же, чем деньги являются для скупцов: она перестала быть средством и стала самоцелью.

Опять же, система камер неэффективна, потому что сама изоляция, которая была ее первоначальной целью, не может быть реализована. Заключение находят тысячи средств для общения друг с другом во время прогулок, или пишут на листах книг, которые им дают почитать, или стучат на стенах по условному алфавиту, или пишут на песке, или используют сточные трубы в качестве телефонных приемников, как это было сделано в камерных тюрьмах Мазаса, Милана и т. д. Наглядное подтверждение этому можно найти в книге Ломброзо "Палимпсесты тюрем". Публика и даже хорошо осведомленные люди искренне верят, что камерная тюрьма - это немая и парализованная штука, без языка и рук, просто потому, что закон предписывает молчать и бездействовать. Но как ни один указ, каким бы энергичным он ни был, не может противостоять природе вещей, так и этот организм говорит, двигается, иногда ранит или убивает, несмотря на все указы. Только, как это всегда бывает, когда необходимости человечества противостоит закон, он действует менее известными, подпольными и скрытыми средствами".

Кроме того, клеточная система неравноценна в своем применении, поскольку расовые различия могут многое ей противопоставить, и, по сути, это неуклюжий механизм северных рас, противный южным, более зависимым от открытого воздуха и света. Кроме того, изоляция имеет очень разный эффект среди людей одной и той же нации, в зависимости от различных занятий заключенных, особенно случайных преступников. В этой связи свидетельства Фоше, Ферруса и Тарде о том, что при управлении тюрьмами необходимо соблюдать различие между городскими и деревенскими жителями, совершенно справедливы[23].

[23] Однако вопрос о том, следует ли изменять систему камер в зависимости от национальности, социального положения и пола преступников, который не поднимался со времени тюремного конгресса в Стокгольме, был решен следующей резолюцией: "Система камер, где она действует, может применяться без различия расы, социального положения (в отношении горожан или сельского населения) или пола, при условии, что власти учитывают эти особые условия *в вопросах деталей*. Исключение может быть сделано в отношении молодых людей, и если к ним также применяется клеточная дисциплина, то она должна быть такой, чтобы не нанести ущерба их физическому и моральному развитию. ("` Процессы", 1878, с. 303, 617).

Опять же, камерная система слишком дорогостоящая, чтобы принимать ее в качестве единственной формы заключения, которая, однако, предусмотрена в итальянском уголовном кодексе, французском законе 1875 года и других документах.

И именно по причине огромных расходов на огромные тюрьмы возникает печальный и озорной контраст между удобствами, предоставляемыми убийцам и людям, виновным в поджогах в своих камерах, и лишениями, которым подвергаются честные бедняки в больницах, богадельнях, городских чертогах, деревенских лачугах и бараках. Один из самых значительных результатов, который я заметил на выставке различных планов камер в связи с тюремным конгрессом в Риме в 1885 году, заключался в том, что она продемонстрировала широкой публике, как при камерной системе к заключенным (как до суда, так и после приговора) относятся лучше, чем к беднякам, которые продолжают быть честными, несмотря на свою нищету"[23].

[23] Даже специалисты по тюрьмам были обеспокоены огромными расходами на строительство камерной системы, и на <р 264>конгрессе в Риме был поставлен следующий

вопрос: "Какие изменения можно было бы внести, в соответствии с последним опытом, в строительство камерных тюрем, чтобы сделать его более простым и менее дорогостоящим, без ущерба для необходимых условий рационального и разумного применения системы? По предложению М. Гербетта были приняты подробные рекомендации; однако система осталась неизменной, а требования к ней могут быть лишь незначительно снижены.

<р 264>

В Германии, а также во Франции и Италии кодексы и специальные законы предписывают клеточную систему для всех наказаний в виде тюремного заключения; но, к счастью, эта система еще не была принята из-за ее огромной стоимости. Таким образом, мы имеем еще одну нелепость - кодексы, основанные на тюремных системах, которые фактически не существуют. А поскольку преступники играют свою роль в законе не так, как он написан, а так, как он исполняется, результат, естественно, катастрофический.

Таким образом, тюремная система тяжело отражается на честных классах, как своими огромными расходами в виде налогов, так и конкуренцией со свободным и честным трудом. Конкуренция эта, прежде всего, моральная, так как преступник всегда обеспечен работой, жильем и пищей, а честный труженик - ничем. Даже экономическая конкуренция, хотя и не столь велика, если брать общее количество свободных рабочих и заключенных, все же очень остра в отдельных местах и в отдельных отраслях промышленности, в то время как труд заключенных никогда не компенсирует государству его расходы; ведь очевидно, что при изоляции в камерах невозможно организовать важную и прибыльную промышленность. Именно мелкие производства, такие как сапожное и плотницкое, подавляют те же свободные производства по всей тюрьме, потому что они не могут противостоять искусственной конкуренции, созданной номинальной зарплатой тюремных рабочих. Хотя по моральным и финансовым <р 265>причинам осужденные должны работать, очевидно, что по этим причинам мы не можем принять камерную систему в качестве образца тюремной организации.

Вполне достаточно в тюрьмах для раздельного содержания преступников предусмотреть изоляцию в ночное время, для чего требуются здания гораздо более простые и менее дорогостоящие, чем те, что строятся в тюрьмах камерного типа.

Работа на открытом воздухе - единственная полезная основа организации тюрем для осужденных.

Воздух, свет, движение, полевой труд, особенно в южных округах и для большинства заключенных, которые являются сельскими жителями, - вот единственные физические и моральные дезинфицирующие средства, возможные для заключенных, не полностью деградировавших, и способные предотвратить, по крайней мере, абсолютное огрубление неисправимых, предоставляя им здоровую и более оплачиваемую работу.

Исправительная сельскохозяйственная колония на землях, нуждающихся в расчистке, является лучшей для взрослых, переходя от наименее к наиболее здоровым в соответствии с категориями преступников - урожденных, привычных, случайных - и в зависимости от тяжести совершенных преступлений. К этому можно добавить, что для осужденных, менее способных к восстановлению социальной жизни, труд на рудниках, особенно если рудники являются государственной собственностью. То, что я говорил о малярии, я говорю и об огненной сырости: гораздо лучше, чтобы они убивали преступников, чем честных рабочих.

Исправительная сельскохозяйственная колония на уже обработанных землях лучше всего подходит для детей и молодежи.

Это идеальная и типичная форма изоляции преступников, против которых недостаточно требовать строгого возмещения ущерба по уже изложенным принципам" <р 266>.

Везде, где есть скопление людей, происходит их брожение и гниение. Только труд на свежем воздухе обеспечит физическое и нравственное здоровье. И если сельскохозяйственные работы менее подходят для городских преступников, то нет причин, почему бы сельскохозяйственной колонии не стать, насколько это возможно, самодостаточной за счет мастерских, где заключенные могли бы заниматься тем ремеслом, к которому они привыкли на свободе. Для городских осужденных, не имеющих профессии, таких как бродяги, нищие и т.п., по причине их мускульной неспособности к тяжелому и регулярному труду, сельскохозяйственная колония все же является наиболее подходящей, поскольку она обеспечивает легкие и разнообразные занятия, о чем свидетельствуют сельскохозяйственные колонии Голландии, Бельгии и Австрии.

В отношении сегрегации преступников будет происходить та же эволюция, что и в отношении изоляции умалишенных: сначала больницы и тюрьмы, с ужасным общением коррупции в обоих случаях; затем жизнь в бараках, в убежищах или пенитенциарных учреждениях, обширных и изолированных; наконец, для умалишенных система так называемых деревенских убежищ и даже свободная колония для безобидных идиотов, которых можно приучить к сельскохозяйственным работам и мелким ремеслам, как в Геле в Бельгии. Аналогичным образом для преступников санитарные "локтевые комнаты" сельскохозяйственных колоний будут заменены инфекционным барачным режимом больших тюрем.

Что касается закоренелых преступников, то их антропологические особенности напоминают нам, что мы должны различать два кризиса их преступной деятельности и, как следствие, методы защиты <р 267> от них. Иными словами, мы должны различать начальный момент, когда они совершают свое первое преступление, и последующий период, когда они становятся привычными преступниками, рецидивистами и даже неисправимыми.

Таким образом, ясно, что в начальный момент их преступной карьеры к ним должны применяться меры, которые я сейчас укажу для случайных преступников; тогда как, когда из случайных они становятся, отчасти благодаря тюремному заключению, привычными преступниками, к ним должны применяться меры, уже указанные для прирожденных преступников. Последние неисправимы в силу врожденной склонности к деградации, а первые - в силу приобретенной склонности; но заканчиваются они одинаковой степенью антисоциальности и жестокости. Однако есть одно отличие: привычные преступники почти всегда совершают менее тяжкие преступления, такие как кражи, мошенничество, подлоги, непристойные нападения, в то время как прирожденные преступники, хотя они могут быть мелкими воришками или не очень грозными мошенниками, чаще становятся убийцами, подставными лицами, виновными в поджогах и т. п. Поэтому и дисциплина их изоляции должна быть разной.

В отношении случайных преступников социальная защита должна носить не столько репрессивный, сколько профилактический характер, чтобы не допустить их превращения из-за ошибочной организации тюрьмы в рецидивистов, а значит, в закоренелых и неисправимых преступников.

В этой категории особенно важно проводить различие между молодыми и взрослыми, поскольку с первыми, в гораздо большей степени, чем со вторыми, превентивные методы могут иметь ощутимый эффект в снижении преступности. Но мы должны позаботиться о том, чтобы вместо педантичной градации ответственности, которая удовлетворяет уголовные кодексы, заменить физиологическое и психическое лечение детей и молодых людей, которые являются настоящими преступниками или подготавливаются к преступлению.

Начиная с физического и морального лечения детей-подкидышей как одного из наиболее эффективных заменителей наказания и заканчивая исправительными учреждениями и наказаниями для молодых людей, существует целая система, требующая радикальной реформы, из которой всегда должно быть исключено тюремное заключение для молодых людей. Поэтому мы должны отменить так называемые исправительные дома; ибо, не принимая во внимание абсурдную и опасную путаницу, создаваемую тремя классами детей, отдаваемых на исправление отцу, за попрошайничество и бродяжничество и за правонарушения, ничего хорошего из этого не выйдет, ибо стадо и скопление людей нигде так не способствуют брожению и гниению, как среди молодежи.

Для них нет ничего другого, кроме отдельного пансиона в семьях честных деревенских жителей или сельскохозяйственных колоний с дисциплиной, отличной от той, что существует в колониях для взрослых преступников, но все же основанной на правиле уединения ночью, работы на свежем воздухе и как можно меньшего скопления людей.

Для взрослых случайных преступников нет необходимости дальше настаивать на абсурдности и опасности коротких сроков заключения, с изоляцией или без изоляции в камерах, которые в настоящее время являются почти ²⁶⁹исключительным способом репрессий. Несколько дней в тюрьме, в основном в компании с закоренелыми преступниками, не могут оказать никакого сдерживающего влияния, особенно при гротескном минимуме в один день или три дня, как это предусмотрено голландским, итальянским и другими кодексами. Напротив, они влекут за собой катастрофические последствия, разрушая серьезный характер правосудия, избавляя заключенных от страха перед наказанием и, следовательно, побуждая их к рецидивам под влиянием уже перенесенного позора, а также развращающей и компрометирующей связи с закоренелыми преступниками в тюрьме.

Результаты этих коротких сроков, налагающих примерно такое же ограничение свободы, как приступ несварения желудка или обильный снегопад, настолько очевидны, что возражения против них сегодня почти единодушны, хотя они по-прежнему составляют основу самых последних уголовных кодексов.

Что касается замены других репрессивных методов в многочисленных случаях наказания за легкие правонарушения, то теоретики и законодатели предлагают домашний арест, поручительство, судебное предупреждение, обязательные работы без лишения свободы, условную отсрочку приговора или наказания, квалифицированное изгнание. На данный момент предпочтение отдается условному наказанию.

Однако, на мой взгляд, ни один из этих заменителей или коротких сроков лишения свободы не может быть применен настолько эффективно или настолько широко, насколько это необходимо для многочисленного класса случайных преступников.

Домашние аресты, которые итальянский уголовный кодекс применяет только к женщинам и несовершеннолетним за первое нарушение закона, с содержанием в доме, не могут быть

эффективными. Они были бы бесполезны для тех, кто и так вынужден оставаться дома в силу своих повседневных занятий, и для богатых, которые могли бы отвлечься в собственном доме; и они были бы вредны для тех, кто должен зарабатывать на жизнь для себя и своих семей в рабочих помещениях, магазинах, офисах и т.д. Более того, такое домашнее содержание под стражей было бы очень затруднительно в больших городах, где, вероятно, потребовался бы часовой для каждого осужденного.

Залог за хорошее поведение слишком неравнозначен для бедных и богатых и, следовательно, слишком редко применяется, чтобы быть чем-то большим, чем исключительной и вспомогательной мерой, принимаемой вместе с выплатой ущерба; и это даже тогда, когда он дается под поручительство.

Судебное предупреждение, с обеспечением или без, которое новый итальянский уголовный кодекс попытался возродить, несмотря на многолетний опыт старых кодексов, не может рассматриваться всерьез. Либо заключенный - случайный преступник, либо преступник по страсти, обладающий чувством чести, и в этом случае общественное мнение само по себе является для него достаточным уроком, не нуждающимся в небольшой моральной лекции судьи; либо у него нет такого морального чувства, и тогда предупреждение - это просто бесполезная церемония, не имеющая эффекта ни на преступника, ни на общество. Это настолько верно, что судебное предупреждение (в отличие от полицейского предупреждения, которое является еще одной так называемой превентивной мерой, неэффективной и вредной) редко применяется магистратами. <р 271>.

Принудительные работы без лишения свободы могут быть допущены не в качестве основного наказания, а как способ принуждения к строгому возмещению ущерба, который я по-прежнему считаю единственной подходящей мерой для случайных правонарушителей, когда преступление незначительно.

То же самое следует сказать и о квалифицированном изгнании (временном удалении из места совершения преступления), которое может быть добавлено в качестве превентивной меры и как удовлетворение для пострадавшей стороны в тех же случаях, когда выплата ущерба является основным возмездием.

Остается условное наказание. Судья может решить, что в случае первых преступников, которые, по его мнению, требуют такого обращения, приговор или исполнение приговора должны быть приостановлены на определенный срок, по истечении которого, если преступник вел себя хорошо и не совершил нового преступления, приговор отменяется и осуждение считается несуществующим; в другом случае приговор вступает в силу, а наказание добавляется к наказанию за новое преступление.

Эта условная отсрочка, однако, принимает две совершенно разные формы.

В Бостоне, в штате Массачусетс, с 1870 года в отношении несовершеннолетних и с 1878 года в отношении взрослых приговор приостанавливается без учета тяжести преступления или предшествующих преступлений; и этот обычай распространяется на весь штат с 1880 года. Все, что делает судья, - это устанавливает испытательный срок. Существует офицер по надзору за условно осужденными, в обязанности которого входит наблюдение за ними и который обладает широкими полномочиями, включая право привлекать их к наказанию даже за нарушение общественного порядка, не дожидаясь фактического рецидива. Эта система также была введена в Новой Зеландии и Австралии (1886).

В Англии, после того как Говардская ассоциация выступила в поддержку системы probation, в 1887 году был принят закон "О разрешении условного освобождения первых правонарушителей в определенных случаях". В этом законе условное освобождение сочетается с поручительством за хорошее поведение. Решение выносится, но приговор не оглашается. Отсрочка не предоставляется тем, кто ранее совершил преступление или чье первое преступление может повлечь за собой наказание, превышающее два года лишения свободы. Надзиратель отсутствует, надзор заменяется личным или иным поручительством за хорошее поведение.

На европейском континенте принята другая форма. Здесь нет надзора со стороны специального офицера и нет поручительства за хорошее поведение; выносится приговор и оглашается наказание; отсрочка не теряется в случае нарушения порядка, а только в случае фактического рецидива.

Эта система, пока цель не достигалась различными условиями относительно продолжительности наказания, которые оставляли место для условных приговоров, относительно интервала для рассмотрения рецидива и других деталей, была предложена во Франции (1884) сенатором Bonger; но Бельгия была первой страной, принявшей ее в законе 1888 года "Об условном освобождении и условных приговорах"; и Франция последовала за ней в 1891 году, с законом "Об изменении и увеличении наказаний".

До этого времени на тюремных конгрессах в Лондоне (1872 г.) и Риме (1885 г.) обсуждался, без принятия решений, вопрос о целесообразности замены наказания каторжными работами либо простым содержанием под стражей без работ, либо принудительными работами без тюремного заключения, либо удалением с места совершения преступления, либо судебным предупреждением.

Но самым заметным сторонником условного наказания, после действий Говардской ассоциации в 1881 году, стал Международный союз уголовного законодательства, который на своей конференции в Берне в 1889 году принял резолюцию в его пользу, настаивая при этом, по предложению М. Гарофало, "на необходимости решать вопрос о его ограничении в зависимости от местных условий, общественного мнения и моральных особенностей различных народов".

На тюремном конгрессе в Санкт-Петербурге обсуждался вопрос о замене коротких сроков тюремного заключения судебным наложением или условным наказанием; но по этому поводу не было принято никакого решения, и этот вопрос был отложен до следующего международного тюремного конгресса (Париж, 1895).

В Австрии и Германии также было внесено несколько законопроектов, касающихся условных наказаний.

Есть статистика по Бельгии о действии этой системы. По закону 1888 года хранитель печатей должен ежегодно отчитываться перед парламентом; этот орган составил два отчета, датированные 14 мая 1890 года и 7 июля 1891 года.

Со дня вступления закона в силу по 31 декабря 1889 года из 61 787 приговоров, вынесенных исправительными трибуналами, 8 696 были условными; при этом было 192 рецидива. Из 222 492 приговоров, вынесенных полицейскими судами, 4 499 были условными, и было 45 рецидивов.

Из этих 13 195 условных приговоров 8 485 были вынесены за преступления и правонарушения, предусмотренные Уголовным кодексом; 2 286 - за нарушение полицейских

правил; 447 - за нарушение коммунальных и провинциальных правил; и 1 977 - за нарушение специальных законов.

Преступления и правонарушения, за которые чаще всего выносились эти приговоры, выглядят следующим образом

Исправительные. Полиция.

Злостное ранение	3 339 ... 491
Кражи и т. д.	1 803 ... 206
Соппротивление и нападения на представителей власти	961 ... 67
Разрушение замков и имущества	211 ... 56
Мошенничество и злоупотребление доверием	125 ... 5
Клевета и оскорбление	113 ... 79
Безнравственность	112 ... 10

Количество правонарушений ниже 100: Оскорбительные выражения, 99; Непристойные нападения, 59; Угрозы, 58; Подлог, 49; Прелюбодеяние, 48; Фальсификация пищи, 44; Незаконное ранение, 45; Незаконное владение, 31; Незаконное ношение и продажа оружия, 30; Банкротство, 26; Случайное убийство, 20.

В 1890 году из 41 330 приговоров исправительных трибуналов, из которых 36 660 не превышали шести месяцев лишения свободы, 7 932 были условными, и было 223 рецидива. Из 121 461 приговора, вынесенного полицейскими судами, 6 377 были условными, и было 49 рецидивов.

Процентное соотношение по различным видам преступлений было примерно таким же, как и в предыдущем году.

Эти цифры, правда, не говорят нам многого о <p 275>эффекте условных приговоров в Бельгии, как можно было бы ожидать из-за краткости эксперимента; так что этот вопрос все еще остается на теоретической стадии.

Статистика системы условного осуждения в Массачусетсе не намного более поучительна.

Согласно десятилетнему отчету (1879-88) мистера Сэвиджа, офицера службы пробации в Бостоне, в графстве Саффолк (включая Бостон) тюремное заключение было отменено 322 лицам в 1879 году и 880 в 1888 году; в то время как число, официально зарегистрированное на следующий год, составило 994. За десять лет офицер по надзору за условно осужденными рассмотрел дела 27 052 человек, подлежащих надзору. Из них 7 251 человек был назначен на испытательный срок, а 580 человек были лишены возможности пользоваться благами закона.

Основания, на которых применялась система условного осуждения в Массачусетсе, разительно отличались от обстоятельств, при которых условные приговоры фиксировались в Бельгии. Так, в Бостоне в период с 1879 по 1888 год был условно осужден 3 161 человек, обвиненный в пьянстве в первый раз, 222 - в постоянном пьянстве, 211 - в пьянстве в третий раз, 958 - в краже, 764 - в приставании, 470 - в нанесении телесных повреждений, 274 - в нарушении порядка и безделье, 240 - в нарушении правил проживания, особенно в проникновении в деловые помещения.

Таким образом, помимо различий в уголовном законодательстве и социальной жизни двух стран, бостонская система применяется в основном к пьяницам, которые не являются настоящими преступниками по одному только факту опьянения. <р 276>.

Что касается статистики установленных рецидивов, которая в Бостоне достигла 64 из 1125 (6 процентов) в 1889 году, то, на мой взгляд, к ней следует относиться с осторожностью. В случае каждой новой пенитенциарной или системы или меры, мы никогда не перестаем получать более или менее замечательные цифры о полученных результатах; но общей судьбой всех этих великолепных результатов всегда было то, что они уменьшались, даже если они не превращались в отрицательную величину, чтобы указать на необходимость других более практичных и полезных мер. Причина была и будет одна и та же: законодатели, судьи и тюремные надзиратели не имеют адекватного представления о преступниках, и их деятельность никак нельзя назвать гармоничной. Этим объясняется поверхностный, если не более, характер принимаемых мер, которые в большей степени направлены на преступление, чем на преступника, не затрагивая истинных и глубоких корней преступности. Отсюда и неизбежное разочарование, почти до того, как новому средству исполнится месяц.

Я ни в коем случае не принимаю два основных возражения ММ. Кирхенхайма и Ваха, что условное наказание противоречит принципу абсолютной справедливости, согласно которому за каждое преступление должно следовать соответствующее наказание, и что короткие сроки заключения, если они не всегда дают хороший результат, должны быть не отменены, а лишь применяться более подходящим и эффективным образом.

Первое возражение не будет иметь большого веса для тех, кто руководствуется принципами и методом позитивной школы. Как говорит М. Готье, совершенно <р 277>бесполезно спорить о последствиях, когда мы исходим из таких противоположных друг другу предпосылок, как справедливость возмездия, согласно которой каждая вина требует пропорционального наказания - ``fiat justitia pereat mundus`` - и социальная защита, согласно которой справедливость без социальной выгоды - это несправедливая справедливость, пораженная метафизическим вырождением.

Второе возражение, как мне кажется, не имеет под собой более веских оснований, поскольку недостатки наказаний в виде коротких сроков лишения свободы являются органическими и неизбежными дефектами. Нет никаких шансов на их практическое исправление, поскольку все они были испробованы, от системы объединения до системы абсолютной изоляции, от самой непреклонной строгости до самого мягкого обращения. Смягчение краткосрочных наказаний может оказать лишь косвенное влияние в виде смягчения; но именно фактическое лишение свободы на короткий срок является ничтожным и бесполезным.

В то же время, не говоря уже о других возражениях, касающихся деталей, особенно применимых к форме условного наказания на европейском континенте, по сравнению с американской системой (которая, безусловно, лучше, поскольку не оставляет преступника на произвол судьбы и не ограничивается простым юридическим рецидивом), я не являюсь энтузиастом в пользу условного наказания. И мое отсутствие энтузиазма, несмотря на первое впечатление, которое было однозначно благоприятным, основано на иных основаниях, чем те, которые до сих пор высказывали противники этой реформы.

В самом раннем издании этой работы я утверждал, что репрессии должны быть мягкими по форме для случайных преступников и все более суровыми для рецидивистов и закоренелых злодеев, пока не дойдут до вечной изоляции. Итальянская поговорка, гласящая, что "за первую провинность прощают, а за вторую бьют кнутом", является бессознательным

подтверждением популярного мнения. И с этой точки зрения условное наказание, если оно сочетается, как во французском законе, с прогрессирующей суровостью репрессий для рецидивистов, достаточно привлекательно в первом случае.

Но условное наказание, если рассматривать его в том виде, в котором оно было сформулировано и реализовано до сих пор, имеет два характерных недостатка, общих с реальной системой наказаний, от которых его сторонники, в большинстве своем балансирующие между классической и позитивной школой, не могут избавиться.

Во-первых, в то время как классическая школа сосредоточила свое внимание на преступлении, а позитивная школа изучает преступника, особенно в отношении его биологического и психологического характера, сторонники условного наказания (и законов, которые до сих пор привели его в действие) колеблются между этими двумя точками зрения, рассматривая преступника, несомненно, а не преступление, но только среднего и абстрактного преступника, а не живого и осязаемого преступника, как он может быть найден в его нескольких категориях. В доказательство этого достаточно заметить, что девятая статья бельгийского закона допускает условный приговор в отношении наказания, если оно не превышает шести месяцев, **даже если этот срок складывается из двух или более!* Другими словами, условное наказание допускается в отношении преступника, совершившего несколько преступлений, что в основном (за исключением редких случаев связанных преступлений, совершенных в результате одного и того же действия или по одному и тому же поводу) является простым рецидивом и, следовательно, в большинстве случаев доказывает, что закон не имеет дело с настоящими случайными преступниками; ибо они, как правило, подобно преступникам страсти, совершают только одно преступление или правонарушение.

Таким образом, два основных условия условного наказания в Европе (незначительный проступок и отсутствие рецидива преступлений) не дают полной гарантии целесообразности его применения.

Действительно, эта система имеет тенденцию фиксировать внимание судьи на личных условиях заключенного, требуя от него решать, подходит ли условное наказание к конкретному случаю, принимая во внимание особые обстоятельства действия и личности, помимо правовых ограничений преступления и наказания.

Но мы знаем, что переполнение тюрем лицами, приговоренными к коротким срокам заключения, сопровождается огромным количеством заключенных, обвиняемых в незначительных правонарушениях и нарушениях, в судах. Поэтому неизбежно, что судьи, даже не считаясь с незнанием биологических и психологических особенностей преступников, вынужденные ежедневно рассматривать по десять-двадцать дел, не могут сосредоточить свое внимание на процессии фигур, проносящихся мимо волшебного фонаря суда, а просто оставляют им билет с номером статьи, которая относится не к **ним*, а к их конкретному нарушению закона. Таким образом, судьи придут к тому, чтобы <p 280>произносить условный приговор почти механически, точно так же, как они привыкли в силу привычки давать преимущество смягчающим обстоятельствам. Этот прием был также введен во Франции в 1832 году, чтобы ``индивидуализировать наказание`` - то есть заставить судью применять свой приговор скорее к преступнику, чем к преступлению.

До тех пор, пока уголовная процедура не будет радикально реформирована, как мы предлагаем, таким образом, чтобы расследование, обсуждение, решение по доказательствам, которые являются единственными надлежащими элементами уголовного правосудия, были направлены и приводили к определению биологического и

психологического типа заключенного, практическое применение этих судебных мер будет человечески невозможно для преодоления механической безличности правосудия, которое применяется скорее к преступлению, чем к преступнику.

Поэтому условное наказание, несмотря на то, что оно было разработано в результате злоупотреблений и пагубных последствий коротких сроков лишения свободы, и несмотря на его порождающий принцип "первая вина прощается, а вторая выбивается", сегодня имеет лишь характер эклектической прививки к старому классическому фонду уголовного права и процедуры. Как таковая, несмотря на свои привлекательные черты (ведь она указывает на шаг вперед к позитивной системе социальной защиты, которая желает видеть применение коллективной защиты к индивидуальной власти правонарушителя), она, как мне кажется, вскоре после своего первого применения будет обречена на обман ожиданий счастливых и благотворных результатов, которые питают ее сторонники.

Более того, условный приговор, именно потому, что он является пересадкой старого классического фонда уголовного правосудия, имеет еще один очень серьезный недостаток, поскольку он упускает из виду жертв преступления.

Ее сторонники, по сути, продолжают утверждать, что возмещение ущерба - это частная забота, для которой они благожелательно рекомендуют строгое средство защиты, но которую они, тем не менее, на практике полностью игнорируют.

Таким образом, преступник, приговоренный к условному наказанию, должен добиться отсрочки наказания, которую, правда, не следует забывать, он также обеспечивает, причем достаточно часто, законным ограничением, или, как в Италии, смягчением наказания на срок до трех месяцев, предоставляемым всякий раз (как это обычно бывает), когда подается прошение о помиловании. Но есть ли кто-нибудь, кто задумывается о жертвах?

С этой точки зрения можно даже сказать, что условное наказание делает ситуацию еще хуже, чем раньше; ведь жертвы не должны испытывать даже удовлетворения от того, что видят, как наказание постигло тех, кто их обидел, в случаях нападения, кражи, мошенничества и тому подобных. И бесполезно делать платоническое замечание, как это сделал М. Файер, что наказание есть наказание, даже если оно условно, и предполагает порицание со стороны государственной власти, и содержит в себе наказание за рецидив, и висит над головой преступника до истечения испытательного срока.

Все это достаточно красиво - за исключением рецидива, который подразумевает слабое утешение в виде повторения преступления, что не принесет большого удовлетворения жертвам первого. Но все это гипотетически и <р 282>теоретически. Главное, что касается жертв, - это то, что преступник остается безнаказанным.

Верно, что случайные преступники заслуживают внимания, в частности, с точки зрения профилактики; но честные люди, пострадавшие от них, заслуживают его еще больше.

Поэтому я не согласен с Гарофало, который предложил в Брюсселе, чтобы условное наказание зависело от согласия пострадавшей стороны; но я считаю, что его нельзя разрешать до тех пор, пока не будет возмещения ущерба жертвам преступления, или, по крайней мере, гарантии, либо со стороны преступника, либо непосредственно со стороны государства.

Короче говоря, в отношении случайных преступников, совершающих незначительные преступления при обстоятельствах, которые показывают, что они не относятся к опасному

типу, я, как уже говорил, утверждаю, что возмещение причиненного ущерба будет достаточной мерой защиты, без условного наказания в виде лишения свободы.

Что касается случайных преступников, совершающих серьезные преступления, для которых одного возмещения ущерба недостаточно, то в менее серьезных случаях следует добавить временное удаление с места преступления, а в случаях более серьезных, в силу материальных и личных соображений, - бессрочную изоляцию в сельскохозяйственной колонии, с более легким трудом и более мягкой дисциплиной, чем те, которые предписаны в колониях для прирожденных преступников и рецидивистов.

Последняя категория - это преступники, совершившие преступление в силу порыва страсти, не антиобщественной, но поддающейся оправданию, например, любовью, честью и т.п. <p 283>.

Для этих людей все наказания явно бесполезны, во всяком случае, в качестве психологического противодействия преступлению, ибо сами условия психологической конвульсии, которая заставила их совершить преступление, исключают какое-либо сдерживающее воздействие в виде правовой угрозы.

Поэтому я считаю, что в типичных случаях преступников, совершающих преступления в состоянии аффекта, когда нет явной потребности в психиатрическом лечении в психиатрической лечебнице, тюремное заключение не имеет никакого смысла. Строгое возмещение ущерба будет достаточным наказанием для них, в то время как они уже наказаны подлинным и искренним раскаянием сразу после преступного взрыва их законной страсти. К этому можно добавить временное удаление с места преступления и из места жительства семьи жертвы.

Однако не следует забывать, что я говорю это в отношении преступников, у которых порыв страсти действительно исключителен и которые обладают физиологическими и психическими чертами подлинного преступника страсти, перечисленными мною в первой главе.

Я прихожу к другому выводу в случае преступников, которых просто спровоцировали, у которых эти черты проявляются не полностью, которые руководствуются сочетанием социальной и оправданной страсти с антисоциальной страстью, такой как ненависть, месть, гнев, честолюбие и т. д. К ним относятся убийцы, увлекаемые гневом как таковым, кровной местью или желанием отомстить за честь своей семьи, отстаиванием личной чести, серьезным подозрением в прелюбодеянии и т. п.; лица, виновные в злонамеренном нанесении ран, обезображивании по эротическим мотивам и т. п. <p 284>Эти лица могут быть отнесены к категории случайных преступников, и с ними следует обращаться соответственно{.?}

Такова, в общих чертах, позитивная система социальной, профилактической и репрессивной защиты от преступлений и преступников в соответствии с выводами, сделанными на основе научного изучения преступности как природного и социального явления.

Это защитная система, которая по природе вещей должна с необходимостью заменить уголовную и пенитенциарную системы классической школы, как только повседневный опыт каждого народа утвердит убеждение, которое в данный момент носит более или менее глубокий, но лишь общий характер, что эти системы отныне несовместимы с потребностями

общества не только из-за их грубого педантизма, но и потому, что их последствия становятся с каждым днем все более катастрофическими.